

Глава 3. Этническое самосознание и этническая идентичность

В качестве центрального конструкта феноменологического поля межэтнической напряженности нами выделена этничность. В этой главе остановимся на взаимосвязи понятий «этническое самосознание» и «этничность» («этническая идентичность»), на когнитивно-эмоциональном аспекте этничности, а также рассмотрим ее статус в структуре социальной идентичности в различных ситуациях межэтнической напряженности.

Традиции исследования этнического самосознания имеют широкую теоретическую и эмпирическую базу в отечественной исторической и этнографической литературе (см. обзоры *Алексан-дренкова*, 1996; *Козлова*, 1974; работы *Бромля*, 1983; 1987; *Клементьева*, 1971; *Кожанова*, 1978; *Крюкова*, 1976; *Кушнера*, 1947; *Пименова*, 1986; *Поршнева*, 1973; *Снежковой*, 1982 и др.). Начиная с 1970-х гг., этническое самосознание на основе эмпирических исследований активно изучают отечественные этносоциологи (*Ак-лаев*, 1990; *Арутюнян*, 1972; *Арутюнян*, *Дробижева*, *Кондратьев*, *Сусоколов*, 1984; *Галкина*, 1993; *Дробижева*, 1985; *Сикевич*, 1996). С середины 1980-х гг. в отечественной психологии начинает реанимироваться этнопсихологическое направление исследований, в котором сначала этническое самосознание, а позже этническая идентичность становятся центральными объектами изучения (*Агеев*, 1990; *Асмолов*, *Шлягина*, 1984; *Данзанова*, 1997; *Кцоева*, 1985а; *Лебедева*, 1993; *Левкович*, *Панкова*, 1985; *Леонтьев*, 1983; *Мулда-шева*, 1991; *Науменко*, 1992; *Павленко*, *Солдатова*, 1994; *Петренко*, 1987; *Платонов*, *Почебут*, 1993; *Рыжова*, 1995; *Старовойтова*, 1985; *Стефаненко*, 1989; *Стефаненко*, *Шлягина*, *Ениколопов*, 1993; *Трусов*, *Филиппов*, 1984). В секторе социально-психологических проблем национальных отношений Института этнологии и антропологии Российской академии наук на протяжении ряда лет этническое самосознание продолжает оставаться объектом масштабных эмпирических исследований на стыке этносоциологии, политологии и социальной психологии¹.

В последние годы в отечественной научной литературе все чаще встречаются понятия «этническая идентичность» или «этничность», заимствованные из зарубежной социально-культурной антропологии и политологических исследований. Развиваемые с середины 1970-х гг. западные исследования этничности были призваны объяснить сложную природу социальных и этнических конфликтов, межкультурных взаимодействий, политической активизации этнических меньшинств в промышленно развитых странах, социальных и политических изменений в постколониальном мире. Эти процессы определили смену исследовательских ориентации в социальных науках, одним из результатов которой оказались многочисленные теории этничности. Поиски объяснительных механизмов процессов суверенизации республик бывшего СССР и роста межэтнической напряженности привели к актуализации «этничности» или «этнической идентичности» в отечественных политологических, антропологических и социально-психологических исследованиях.

На основе анализа различных концепций этничности выделяются три подхода к ее изучению: «первородный» (primordial), инструменталистский и конструктивистский (*Соколовский*, 1995; *Тишков*, 1997а; *Stern*, 1995). Их жесткое разделение в некоторой степени условно (см., напр., *Коротеева*, 1994), так как представители различных ориентации нередко пересекаются друг с другом по ряду важных вопросов. И все же между ними есть принципиальные различия.

Ученые «первородной» («примордиалистской») ориентации, главным образом антропологи, этнологи и в меньшей степени социологи, рассматривают этничность в качестве изначальной характеристики, присущей индивиду как члену реально существующей этнической группы. Это «этничность в сердце», замешанная на «крови» и «почве».

¹ Результатом этих исследований является серия сборников научных статей, выпущенных под редакцией профессора Дробижевой Л.М.: *Духовная культура и этническое самосознание*. Вып. 1, 2. М., 1990, 1991; *Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества*. М., 1994; *Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 1990-х годов*. М., 1994; *Конфликтная этничность и этнические конфликты*. М., 1995; *Национальное самосознание и суверенитет в Российской Федерации 1990-х годов*. М., 1996.

Вне зависимости от социологизаторской, биологизаторской или культурологической трактовки, ее основа — кровное родство, общее происхождение и исконная территория. Среди известных западных представителей преимущественно этой ориентации авторы обзоров выделяют Ван ден Берга, Энтони Смита, Клиффорда Гиртца, среди отечественных — Ю.В.Бромля, Л.Н.Гумилева.

Противоположная «первородству» научная ориентация — конструктивизм — наиболее распространенный на западе современный подход в объяснении природы этничности. Для его последователей этничность коренится не «в сердцах», а «в головах» индивидов, которые являются членами этнических групп — «воображаемых сообществ» или «социальных конструкций». Смысл этничности для конструктивиста в значительной степени воплощается в словах норвежского антрополога Ф.Барта, рассматривающего этот феномен как форму социальной организации культурных различий (*Barth, 1994*). В рамках этой ориентации особую значимость приобретают не позитивистские и натуралистические трактовки этнических феноменов, основанные на объективных атрибутах этнической группы, как, например, территория или исторические факты, а их субъективная сторона: групповое сознание, мифотворчество, чувство солидарности. Конструктивисты рассматривают этничность как ситуативный, нередко «навязанный» феномен. Процесс социального конструирования, по мнению В.А.Тишкова, может быть направлен, в частности, на компенсацию дефицита культурной отличительности. С этой целью предпринимаются специальные усилия в поддержку процесса культурной дивергенции: «Элиты в стремлении мобилизовать этническую группу против своих противников или против центральной государственной власти стремятся увеличивать сумму групповых черт и символов, чтобы доказать, что члены группы отличаются не только какой-то отдельной чертой (например, диалектом), а многими чертами» (*Тишков, 1997а, с.31*). В.А.Тишков подчеркивает, что этот процесс приобретает масштабный характер, если ему на службу поставлена государственная машина. Так, по его мнению, различия между русскими и украинцами, между казахами и киргизами, между узбеками и таджиками стали более четкими и разнообразными за последние десять лет, чем это было в советский период (*Там же*).

Третье направление — инструменталистская ориентация — сочетает в себе и «первородные», и «конструктивистские» начала. Сложившись в рамках политологии, социологии власти и политической антропологии, оно отличается функциональным и утилитаристским подходом. Ученые инструменталистской ориентации

предлагают объяснение этничности как средства достижения групповых интересов, как идеологию, создаваемую элитой для мобилизации группы. К наиболее известным американским инструменталистам относят Жоржа Девоса, одного из редакторов известной книги «Этническая идентичность».

Инструменталистского подхода придерживаются многие современные отечественные исследователи (*Губогло, 1996; Дробижева и др., 1996; Ядов, 1995*).

В рамках социально-психологической концепции межэтнической напряженности вряд ли уместно «исконное первородство» или «голый» конструктивизм. Нам ближе особое направление инструменталистской ориентации, которое смыкается с социально-психологическими теориями, где этничность трактуется как эффективное средство для преодоления отчуждения, восстановления попорченной национальной гордости, как социальная терапия (*Соколовский, 1995*). Такой взгляд мы бы дополнили рассмотрением этничности как присущего группе внутреннего психокультурного ресурса, как культурных архетипов, актуализируемых извне. Такая «разбуженная», «возбужденная» этничность используется в целях этнополитической мобилизации, социального контроля, распределения баланса доминирования и подчинения в межгрупповых отношениях.

Как все же соотносить на основе высказанной точки зрения отечественное понятие «этническое самосознание» с западной «этничностью» или «этнической идентичностью»? В широком междисциплинарном ракурсе эти понятия нередко рассматриваются как тождественные. Но для этнопсихолога, работающего на основе феноменологии этнического самосознания, этническая идентичность вовсе не является его синонимом. Это особенно важно на операциональном уровне. *С одной стороны, этническая идентичность уже. Это когнитивно-мотивационное ядро этнического самосознания. С другой — шире, так как содержит в себе также слой бессознательного.* В силу этих различий этническая идентичность должна изучаться, во-первых, как концентрированная форма и главная характеристика этнического самосознания и, во-вторых, как его «изнанка» — этническое бессознательное.

В данной работе этничность исследуется преимущественно в трех аспектах: (1) как компонент множественной идентичности в структуре группового самосознания; (2) как социально-психологический результат эмоционально-когнитивных и ценностных процессов этнической идентификации и межэтнической

дифференциации; (3) как мотивационно-когнитивное ядро этнического самосознания, опосредствующего межэтническое взаимодействие.

Этническая идентичность как форма внутригруппового и межгруппового взаимодействия

Культурно и этнически детерминированный мир является основой социализации каждого индивида. Этничность — это неотъемлемая часть общей социальной идентичности человека, формирование и функционирование которой подчиняется определенным социально-психологическим закономерностям. Как рассматривают социальную идентичность в психологии и каковы особенности этничности как вида социальной идентичности?

Свое начало исследования идентичности берут в психоанализе. В 1914 г. появилась работа З.Фрейда «Групповая психология и анализ Эго». В ней понятие «идентификация» впервые было использовано в психологическом контексте. З.Фрейд рассматривал идентификацию не только как бессознательную эмоциональную связь ребенка с родителями, но и как важный механизм взаимодействия между индивидом и социальной группой {Freud, 1921}. В этой работе был обозначен потенциал идентификации как понятия, разделяемого членами группы, общего для них, что открыло возможность исследования природы группы, основы ее сплоченности.

Однозначное мнение, что личностная идентичность формируется в процессе социального взаимодействия через сопоставление и противопоставление позиций различных групп и общностей, было выражено в символическом интеракционизме. Дж.Мид в качестве инструмента идентификации индивида с группой ввел понятие «обобщенный другой», под которым имел в виду совокупность обезличенных установок, норм и ценностей общества {Mead, 1934}.

Традиции этих направлений нашли свое продолжение в психологической антропологии в изучении сознательных и бессознательных проявлений этничности, как одной из форм социальной идентичности (см. Велик, 1993). Социально-психологический подход к исследованию идентичности начал развиваться в когнитивной психологии. В рамках этих направлений окончательно определился главный ракурс исследования идентификаций и идентичностей — в контексте социального взаимодействия как его механизма или как его опосредованного результата.

На одно из центральных мест в современной социальной теории концепцию идентичности вывел Э.Эриксон. К осознанию значимости этой проблемы он пришел после второй мировой вой-

ны, оказывая психотерапевтическую помощь ее участникам — американским солдатам. Проблему идентичности Э.Эриксон называл стратегической для Америки 1940—1950-х гг., с ее резкими расовыми и социальными различиями, наплывом иммигрантов и проблемами коренных американцев {Erikson, 1995}. Он определил круг основных вопросов и понятий, связанных с идентичностью. Они до сих пор актуальны для социальных психологов. Например, Э.Эриксон выделил понятие психосоциальной идентичности как продукта взаимодействия между обществом и личностью. Психосоциальная идентичность характерна только для зрелой личности, у которой «внутренняя тождественность и непрерывность» синтезируется со стремлениями ее интеграции с социальными структурами (государством, нацией, различными социальными группами). Исследуя динамическую адаптивную функцию идентичности, Э.Эриксон ввел понятие кризисов личностной идентичности и подчеркивал их неразрывную связь с кризисами общественного развития. В качестве опосредствующего «инструмента» идентификации, вместо «обобщенного другого» Дж.Ми-да, у Э.Эриксона выступает «идеология» — «систематизированная совокупность идей и идеалов» {Erikson, 19956}.

Анализ идентичности как важнейшей психической структуры не только личности, но и группы начал проводиться в рамках когнитивистского направления. Главная идея его состоит в том, что впечатления о мире организуются в связные интерпретации — идеи, установки, стереотипы, ожидания, которые выступают как регуляторы социального поведения. Самая признанная концепция, разработанная на этой основе, — теория социальной идентичности Г.Тежфела и его коллег {Tajfel, 1978}. Для нашего исследования особое значение имеют следующие теоретические положения этой социально-психологической концепции.

Во-первых, индивид, рассматривая себя как члена какой-нибудь социальной группы, стремится оценить ее положительно, поднимая таким образом статус группы и собственную самооценку. В экспериментальных исследованиях, проведенных Г.Тежфелом и его коллегами, показано, что малейшие признаки принадлежности к группе, даже всего лишь субъективная отнесенность себя к данной группе (факт групповой категоризации), уже сами по себе достаточны для развития процессов дискриминации другой группы {Billig, Tajfel, 1973; Tajfel,

1969; 1972). Важно подчеркнуть, что между группами в данных экспериментальных исследованиях не было ни истории враждебных или даже просто натянутых отношений, ни действительного конфликта интересов. Позитивный уклон в сторону собственной группы — это естественный социально-психологический механизм. Исследования показывают, что он существует не только в случае, когда негативное межличностное восприятие ассоциируется с категорией членства {Turner, Shaver, Hogg, 1983}, но и когда категория группового членства не имеет под собой серьезных оснований, или когда члены разных групп — близкие друзья (Vaughan, Tajfel, Williams, 1981). Групповая принадлежность уже сама по себе основание для построения системы предпочтений. Позитивная или негативная оценка факта своей принадлежности к группе составляет ценностный компонент идентичности.

Во-вторых, качество и значение идентичности определяются посредством логических операций социальной категоризации и сравнения своей группы с внешними группами по ряду значимых параметров. Когда групповое различие становится особенно заметным, индивид начинает реагировать с позиции своего группового членства, а не с позиции отдельной личности. Таким образом, социальная категоризация и межгрупповое сравнение рассматриваются как когнитивная основа самоопределения индивида и, следовательно, как способ осознания им своего места в обществе. В-третьих, позитивная социальная идентичность достигается на основе сравнений «в свою пользу», что получило название феномена «ингруппового фаворитизма» {Tajfel, 1978}.

В-четвертых, в исследованиях этого направления когнитивный компонент неразрывно связан с эмоциональным. Эмоциональная значимость группового членства — важнейшая сторона процесса идентификации. Эмоциональный компонент идентичности заключается в переживании факта своей принадлежности к группе в форме различных чувств — любви, ненависти, обиды и др.

Исследования Г. Тежфела и его коллег доказывают, что когнитивно-эмоциональный компонент идентичности в значительной степени есть результат межгруппового взаимодействия. По мере своего формирования этот компонент сам превращается в один из главных факторов, влияющих на рост напряженности в межгрупповых ситуациях и определяющих формы межгруппового взаимодействия.

Радикальные социально-экономические изменения постсоветского общества заставили и отечественных исследователей обратиться к проблеме социальной идентичности (см. «Социальная идентификация личности», 1993, 1994). Похоже, что в

России 1990-х гг., как и в США в середине века, проблема идентичности на социально-политическом уровне также приобрела статус стратегической. Это выразилось в настойчивых поисках национальной идеи, способной интегрировать общество. В.А. Ядов, под руководством которого в Институте социологии РАН исследовались структура и динамика социальной идентичности россиянина в 1991 — 1994 гг., выделяет ее функции на уровне личности и группы. В числе первых — подчинение индивида социальной группе, групповая защита и критерий оценки и самооценки. Вторая — включение индивида в систему социальных взаимосвязей, социальных отношений {Ядов, 1995}. По своей сути это функция внутригрупповой интеграции. Так, общегражданская идентичность выполняет функцию интеграции в пределах всего общества, этническая идентичность — в пределах этнической группы.

В соответствии с особенностями постсоветского пространства проблема социальной идентичности получила отчетливую «этническую» окраску. В условиях роста межэтнической напряженности на этничность или этническую идентичность как вид социальной идентичности выпадает основная нагрузка по ориентации индивида в обществе. Этничность превращается по существу в форму взаимодействия между культурными группами, действующими внутри общего социального контекста {Cohen, 1974}. Выполняя функцию внутриэтнической интеграции, она определяет развитие дезинтеграционных тенденций в обществе в целом.

Переход этничности на один из первых планов в структуре социальной идентичности приводит к доминированию «этнических» форм взаимодействия внутри группы. Это означает актуализацию той стороны этничности, которая является результатом принятия субъектом ценностей, норм и образцов поведения своей группы {Шлягина, Ениколопов, 1993}. Итог такой актуализации — внутреннее переструктурирование группы на основе этнической специфики.

Подчиняясь общим закономерностям формирования социальной идентичности, этническая идентичность как форма внутри-этнического и межэтнического взаимодействия имеет свои особенности.

(1) Этничность — «*родом из прошлого*». Даже если это «возрожденная», «навязанная» этничность, которая в значительной степени формируется этнократической политикой и мало считается с «естественными» факторами (Ерасов, 1995). Как известно, в смутные времена, когда настоящее кажется хаосом, а будущее непредсказуемо, целые народы обращаются к своей истории. Это фактически шаг в прошлое. Именно там мы оставляем самые проверенные и надежные жизненные ориентиры и туда возвращаемся не только когда становится неуютно в настоящем, но и в поисках виновников реальных и воображаемых обид. Как форму идентификации, обращенную в прошлое и воплощенную в культурной традиции индивида или группы, рассматривает этничность американский антрополог Жорж Девос. Для него этническая идентичность — одна из трех ориентации «#-образа», а именно ориентация на прошлое (De Vos, 1982).

(2) Этничность *мифологична* и в этом ее мобилизующая сила. ' Ее главная опора — идея или миф об общих культуре, происхождении, истории. Г.Лебон писал, что «из всех факторов развития цивилизаций иллюзии составляют едва ли не самый могущественный» (Лебон, 1995а). «Своей квазирациональностью миф (особенно научный) вербует новых сторонников, убеждает их, мобилизует на коллективные действия; миф искажает факты, тем самым устраняя «неудобную» реальность, разрушая рациональные аргументы оппонентов» (Соколовский, 1994, с. 109).]

(3) Этничность — *зависимая переменная*. Она возрастает или ослабевает в соответствии с внешними обстоятельствами (Van den j Berghe, 1981). Поэтому этничность становится важнейшим идео-] логическим инструментом в борьбе за власть. (4) Этничность *обладает «двойным дном»* (по образному выражению С.Лурье), то есть этническая культура, лежащая в ее основе, разделяется на культуру для «внешнего» пользования и «внутреннего» пользования, скрытую от посторонних (Лурье, 1994). В своей теории психокультурной интерпретации этнических конфликтов М.Росс в качестве фундаментальных ориентиров между «Я» и «другими» рассматривает психокультурные предрасположенности, которые коренятся в раннем опыте и включают культурно одобренные способы отношений внутри и вне общности (Ross, 1995). Они являются основой интерпретаций действий и мотивов сторон друг другом в ситуациях межэтнической напряженности. Люфт между этими двумя областями этничности (эзотерическим и экзотерическим) усиливается по мере роста межэтнической напряженности.

(5) Этничность *связывает и солидаризует на основе группового членства*. Солидарность в качестве одного из главных признаков этничности выделяется большинством исследователей, начиная от Т.Парсонса (Parsons, 1975). Р.Г.Абдулатипов определяет этничность прежде всего как «...своеобразную форму солидарности людей для выполнения каких-то социальных и культурных задач» (Аб-дулатипов, 1995, с. 18).

(6) Этничность по сути своей *конфронтационная*. Она есть функция отношений с другими этническими группами, которые складываются по принципу оппозиции. «Всякое объединение противопоставляет», — отмечал Б.Ф.Поршнев (Поршнев, 1973). Поэтому рост этничности связан с ростом этнической нетерпимости, которая является проявлением конфронтационности. Важнейшим фактором усиления этничности является также желание отделиться от других.

(7) Этничность — категория «*эмоционально-нормативная*». Достоинство, гордость, обиды, страхи являются важнейшими критериями межэтнического сравнения. Эти чувства опираются на глубокие эмоциональные связи с этнической общностью и моральные обязательства по отношению к ней, формирующиеся в процессе социализации индивида. Эмоциональные императивы влияют на образы восприятия и в значительной степени объясняют иррациональность поведения сторон в этнических конфликтах. Сплав эмоций и моральных норм, по мнению Пола Стерна, именно тот психологический фактор, который заставляет людей жертвовать во имя своего народа даже в ущерб личным интересам (Stern, 1995).

В силу своей специфики этничность особенно чувствительна к изменениям межэтнической атмосферы, и ее актуализация как формы внутригруппового и межгруппового взаимодействия ведет к росту межэтнической напряженности и дезинтеграции полиэтнического общества. Это определяет центральное место этничности в феноменологическом поле межэтнической напряженности.

Содержание этнической идентичности

Давая определение этническому самосознанию, Л.М.Дроби-жева в качестве главных выделяет в нем следующие компоненты: осознание принадлежности своему народу, осознание интересов своего народа, представления о культуре, языке, территории (Дро-бижева, 1994). Последний компонент присутствует практически во всех дефинициях этнического самосознания. Этносоциальные представления, разделяемые в

той или иной степени членами данной этнической группы, составляют его главное содержание. Они формируются в процессе внутрикультурной социализации и во взаимодействии с другими народами. Значительная часть этих представлений — результат осознания общей истории, культуры, традиций, места происхождения (территории) и государственности. Этносоциальные представления отражают совокупности мнений, убеждений, верований, идей, выражаются в мифах, легендах, исторических повествованиях, а также в обыденных формах мышления. Общее знание связывает членов группы и служит основой для ее отличия от других этнических групп.

Этносоциальные представления относятся к типу групповых (коллективных) представлений, которые еще Эмиль Дюркгейм возводил в ранг предмета социальной психологии (Осипова, 1977). От индивидуальных они отличаются универсальностью, устойчивостью, межпоколенной преемственностью и принудительным характером воздействия на индивида. По мнению С.Московичи, именно через изучение социальных представлений социальная психология «...превращается в антропологию современной культуры» (Московичи, 1992, с.83). Отечественная практика социально-психологического исследования различных феноменов этнического самосознания на основе широкого «эмпирического» поля социальных представлений подтверждает целесообразность такого подхода².

Центральное место среди этносоциальных представлений занимают образы собственной и других этнических групп. Именно они составляют главное содержание этнической идентичности как когнитивно-мотивационного ядра этнического самосознания. В структуре этнического образа мы выделяем этнические установочные образования (стереотипы, предубеждения, предрассудки), ценности и ценностные ориентации, психологические универсалии.

Этнические образы формируются на основе трех взаимосвязанных процессов: (а) отождествление личности с этнической группой и ее самоопределение через этническую группу (самоидентификация); (б) дифференциация собственной и других этнических групп и осознание межэтнических различий (этническая идентификация и межэтническая дифференциация); (в) осознание отношения к собственной и другим этническим группам. В этнонапряженных ситуациях этническое самоопределение и осознание межэтнических различий происходит именно через дифференциацию отношения к наиболее значимым этническим группам.

Переживание своей принадлежности к группе выражается в форме различных чувств. Эти чувства могут определяться базовыми эмоциями, либо маскироваться вторичными, «социализированными» эмоциями. Например, по мнению Т.Кэмпера, стыд — это «превращенная» эмоция гнева, вина — «превращенная» эмоция страха. Но надо понимать, что вторичные эмоции заменяют базовые и как бы не дают им проявиться (см. Sites, 1990), а значит возможность и рост напряженности сохраняются. В соответствии с концепцией К.Изарда, эмоции имеют тенденцию склеиваться в комплексы аффектов. Например, страх, горе, стыд, гнев и вина образуют комплекс тревожности, гнев, отвращение и презрение — комплекс враждебности (Изард, 1980). Такого рода аффективные комплексы и базовые, либо замаскированные вторичные эмоции взаимодействуют с когнитивными структурами этнического самосознания. Наибольшая эмоциональная концентрация сосредоточена в его центральной части — в этнической идентичности в форме этнических чувств (комплексных аффективно-когнитивных образований). Они отражают сложные мотивационные состояния этнической группы, побуждающие ее к действиям.

Напряженность Т.Парсонс связывал с эмоциями и переживаниями как мотивационными компонентами, которые «распределяются вдоль главных осей надежды и страха, оптимизма и возбуждения... В таких случаях возникают фантазии и утопические идеалы будущего, происходит локализация прошлых состояний...» (Parsons, 1937, p.482). Среди этнических чувств, влияющих на рост межэтнической напряженности, можно назвать чувства зависимости, ущемленности, вины, стыда и др. (см. раздел III, глава 10).

Этническая идентичность — это не только принятие определенных групповых представлений, готовность к сходному образу мыслей и разделяемые этнические чувства. Это также построение системы отношений и действий в различных этноконтактных ситуациях. Таким образом субъект определяет свое место в многонациональном обществе и усваивает способы поведения внутри и вне своей группы. Чем больше членов этнической группы разделяют общую идентичность, тем больше вероятность совместных действий в ее защиту. Устойчивость идентичности и ее позитивность — центральные моменты для ощущения группой

² См. исследования сектора социально-психологических проблем национальных отношений Института этнологии и антропологии РАН.

психологической безопасности и стабильности. Индивиды стремятся повышать свою позитивную идентичность и защищать ее. *Этническая идентичность выступает психологической основой этнополитической мобилизации, которую мы рассматриваем как готовность людей, объединенных по этническому признаку, к групповым действиям по реализации национальных интересов.*

Рост межэтнической напряженности способствует проявлению свойств народа, характерных для него в прошлом и закрепившихся в качестве наиболее удачных адаптивных способов поведения. Представления о них составляют важную часть этнической идентичности. Эти представления взаимодействуют с установочными образованиями и образуют конативные (поведенческие) структуры этничности, задающие способы внутригрупповой организации и мобилизации группы.

Частью содержания этнической идентичности является этническое бессознательное. Психоналитики определяют его как подавленный или вытесненный большинством людей данной этнической группы материал, который каждое поколение разделяет со следующим (Heggon, 1995). В критических социальных ситуациях, связанных с изменением характера межэтнических отношений, происходит нарушение компенсаторной связи между коллективным бессознательным и групповым сознанием. Образы бессознательного начинают актуализироваться на уровне сознания, которое расширяет свои границы. Это состояние К.Юнг называл *психической инфляцией* (от лат. *«inflation»* — «раздувание», «расширение»), охватывающей и отдельных индивидов, и целые группы людей. Для нас уровень психической инфляции — это важная психологическая характеристика состояния этнической группы в ситуации межэтнической напряженности.

Психическая инфляция распространяется в группе посредством социально-психологических процессов эмоционального заражения, подражания и психологического внушения, исследование которых начинали еще Г.Лебон (1898) и Г.Тард (1903), а в отечественной социальной психологии продолжил Б.Ф.Поршнева (1966). Эмоциональное заражение и подражание — естественные механизмы функционирования человеческого общества. Поэтому они особенно легко могут быть активизированы извне. Г.Лебон отмечал, что «критический дух составляет высшее, очень редкое качество, между тем как подражательный ум представляет собой весьма распространенную способность» (Лебон, 1995а, с. 113). А вот процесс внушаемости, который иногда поражает и целый народ, К.Юнг относил к числу психопатологических. В результате процессов такого типа резко усиливается чувство внутригруппового единства и солидарности. Такая групповая унификация «...действует на психику подобно сильному яду и легко передается, поскольку "идентификации с низшими, более примитивными стадиями сознания неизменно сопутствует повышенное чувство жизни", открывается новый источник силы, способный, однако, выпустить на волю опасный энтузиазм» (Одайник, 1996, с.40).

Нарушение баланса взаимодействия между сознательным и бессознательным уровнями идентичности в случаях психической инфляции выражается в изменении содержания этнической идентичности и ее структуры.

Одна сторона трансформации содержания этнической идентичности — идентификация с коллективной «тенью» — непризнаваемой, несовместимой, низшей стороной народа. «Тень», как личная, так и коллективная — «...это сумма всех тех непривлекательных качеств, которые мы предпочитаем скрывать» (Jung, 19776, p.65). В силу этого она и на индивидуальном, и на групповом уровнях подвергается, как правило, энергичному вытеснению и становится важной составляющей коллективного бессознательного.

Другая сторона — идентификация с архетипами. В соответствии с юнговским пониманием, архетипы есть коллективно наследуемые формы восприятия и понимания, которые представлены в архетипических образах, составляющих глубинные, древние слои психического.

Рост межэтнической напряженности актуализирует архетипы, связанные с героическим драматическим и жертвенным прошлым своего народа. Это образы группы, либо сплотившейся и борющейся, либо страдающей и униженной. Под тяжестью новых обид трагические события прошлого могут еще более драматизироваться. Они начинают выступать своего рода призмой, через которую оцениваются современные межэтнические отношения и типологические характеристики народов. В памяти народов подспудно хранятся знания о необходимости настороженности в отношении ближайших соседей, о принуждении и агрессии со стороны других этнических групп. Таких примеров предостаточно в истории любого народа. Поэтому архетипические образы собственной группы неразрывно связаны с образами других народов, либо дружественных, либо подавляющих и угрожающих.

Архетипические образы становятся осознанной и активной частью содержания этнической идентичности и в этом качестве превращаются в реальную психологическую силу. Они как бы аккумулируют психическую энергию исторического прошлого народа, его итоговый опыт. Их коллективное осознание усиливает ощущение причастности к истории своего народа, наделяет чувством единства и солидарности через время и пространство. В этом особая психологическая привлекательность архетипов. Кроме того, это способ поднятия самоуважения и достоинства этнической группы. 1

Мифологизм архетипов делает их основой формирования национальных идеологий. В той или иной форме архетипы становятся достоянием больших групп людей. Они входят в сознание опосредованно через универсальные символы, которые представлены в культуре, народном эпосе, в религиозных и философских концепциях. В формализации и легализации архетипических образов одну из главных ролей играют историки. Воссоздаваемые ими образы народов тесно связаны с границами и территориями их расселения. «Так, например, — пишет В.А. Тишков, — азербайджанские историки десятилетиями интенсивно развивали националистическую концепцию Кавказской Албании, включая в состав древней Албании — "прародины азербайджанцев" территории, которые армяне считают "исторической Арменией". Конструирование "богатой" и "древней" истории азербайджанского народа включает своим обязательным компонентом описание территории Карабаха как "сердца Азербайджана". Точно также как грузинские интеллектуалы объявляют Шида Картли или Самачабло (Южная Осетия) — "сердцем Грузии", ингушские лидеры считают село Ангушт в Пригородном районе "прародиной ингушей", а осетинские интеллектуалы формулируют тезис об аланах — предках осетин, "кости которых разбросаны по всему Северному Кавказу"» (Тишков, 1994, с.6).

Трансформация структуры идентичности выражается в том, что членство в этнической группе становится важной категорией личностной социальной идентичности. Расширение субъектом своей личности и освоение широкого социального пространства, которое он, будучи удовлетворенным и самодостаточным, не желает заполнять, — еще одна характерная особенность состояния психической инфляции. В этом случае индивид начинает присваивать себе «...содержание и качества, которые существуют строго говоря только сами для себя и должны, следовательно, оставаться за нашими пределами» (Jung, Villa, p. 140). В результате происходит изменение иерархии уровней в структуре социальной идентичности, а именно — повышение значимости групповых идентичностей по сравнению с личностной.

Падению потенциала «Я» способствуют аномия, неопределенность, хаос в обществе. Множество слабых и неуверенных в себе «Я» начинают искать сильное «Мы». В кризисные общественные периоды в поисках опоры и устойчивости личность стремится

поточнее определить социальные и психологические границы своего существования. Она выходит за пределы своего «Я», отождествляя себя с какой-либо общностью или группой. Через расширение индивидуальных границ в новой идентичности личность ищет успокоение и устойчивость. И если общество оказывается бессильным, уверенность людям дает этническая группа (Hobsbawm, 1992). В поликультурном обществе в кризисные периоды его развития именно этничность является главным инструментом, посредством которого группе удастся очертить наиболее заметные и надежные этнические границы.

Этничность в структуре социальной идентичности

С.Московичи была предложена гипотеза об организации сознания индивида по типу идентификационной матрицы, как специфической категориальной системы знаний субъекта. Основу идентификационной матрицы человека составляют множество принадлежностей или идентичностей: общечеловеческая, половая, религиозная, этническая, профессиональная и др. Распределением информации в идентификационной матрице руководит доминирующая в данный момент идентичность или группа идентичностей (Moscovici,). Это означает определенный взгляд на мир, определенный угол зрения. Поэтому та идентичность, которая становится ведущей в данный момент времени, организует свою иерархию и свой порядок. Она имеет свой актив и свои запасники, свои фигуры и свой фон. Именно она определяет значимые параметры сравнения собственной группы с другими группами (Rosch, 1978).

Какое место занимала этническая идентичность в структурах групповых «Я-образов» народов России в первой половине 1990-х гг.? И как изменение ее статуса взаимосвязано с ростом межэтнической напряженности?

На основе данных, полученных с помощью известного теста М.Куна и Т.Макпартленда «Кто Я?» (Bums, 1979), исследовалась представленность категории «национальность» в идентификационных матрицах различных этнических групп. Поскольку в нашем исследовании этот методический прием использовался в массовом

этносоциологическом опросе, мы работали с его модифицированным вариантом. Респондентам предлагалось дать пять ответов на вопрос «Кто Я?». В устной инструкции интервьюер просил по возможности назвать наиболее важные для респондента характеристики.

Полученная в результате опроса вся совокупность свободных (т.е. не навязанных опросным листом) самохарактеристик у титульного и русского населения республик была подвергнута контент-анализу. Он проводился с целью определения в идентификационных матрицах приоритетных категорий, которые задают основное направление в процессах межличностного и межгруппового сравнения.

Собирательный «Я-образ» этнической группы анализировался на основе обобщения личностных «Я». Известно, что групповое самосознание не является механической суммой индивидуальных сознаний. Поэтому подчеркнем, что групповой «Я-образ» — это не всеобъемлющая характеристика группового самосознания, а его наиболее очевидная и центральная часть. В нашем представлении — это совокупность идентичностей.

При контент-анализе идентификационных матриц, все ответы по каждой этнической группе были отнесены к объективным или субъективным характеристикам (*Kuhn, McPartland, 1954*). В число объективных входили характеристики, связанные с социальным статусом, с семейными ролями, с полом и т.д., то есть с группами людей, к которым либо нельзя не принадлежать, существуя в обществе, либо принято принадлежать. Они были разделены на базовые (общечеловеческая, семейная, половая, возрастная, профессиональная принадлежности) и этнополитические (этническая, гражданская, религиозная, субкультурная) категории. Тесная взаимосвязанность религиозных, политических и национальных процессов в условиях межэтнической напряженности оправдывает объединение таких категорий на уровне массового сознания в единую группу.

Отдельно были выделены специфические объективные характеристики, которые в России за последнее десятилетие дополнили число групповых категорий, например, беженец, безработный, бомж. Они оказались особенно актуальны для вынужденных мигрантов. Среди постоянных жителей республик такого типа самоидентификаций оказалось не более 1 %.

В число субъективных характеристик вошли самоидентификации, которые явились результатами особых жизненных обстоятельств, личностными признаками, позитивными и негативными самооценками (работяга, труженик, интернационалист, неудачник, счастливый, творец и т.д.). Данные по основным объективным и субъективным характеристикам представлены в табл. 1.

Анализ восприятия субъектами самих себя в системе социальных связей и отношений показывает, что число объективных характеристик обычно преобладает над субъективными. В целом по нашей выборке объективные характеристики составили свыше 85% от всего числа самоидентификаций. Люди, уподобляясь окружающему миру (совокупности внешних объектов, психологических образов или идей) и отчуждаясь в значительной степени от самих себя в его пользу, в то же время лучше адаптируются к нему (*Юнг, 1995*). Следовательно, самоидентификации, составляющие личностные «Я», в подавляющем большинстве отражают занимаемые нашими респондентами объективные жизненные позиции.

Становление у народов России новых идентичностей сопряжено с изменениями их внутренней иерархической структуры. Контент-анализ показал, что в категориальной системе идентификационных матриц освободилось главное место — исчезла стержневая еще 10—15 лет назад собирательная категория «советский человек». Осознание себя советским человеком («суперэтническая категория», «социально-антропологический тип») предполагало в первую очередь государственное самоопределение и «сглаживало» значимость этнической принадлежности. Снижение статуса категории «советский человек» уже определилось в конце 1980-х гг. По данным опроса ВЦИОМ, удельный вес «советского человека» среди самохарактеристик русских России составлял 30%, а среди жителей столиц — 38% (Советский простой человек, 1993). В противоречивой ситуации одновременного становления российской гражданственности и стремления народов России к государственной самостоятельности казалось естественным предположить, что в самосознании титульных народов республик среди этнополитических категорий должна доминировать республиканская гражданская принадлежность, а в самосознании русских в первую очередь общероссийская, и во вторую — республиканская. Но реальная картина не соответствовала такой простой и вроде бы очевидной схеме.

Какая же категория заняла основное «идеологическое» место в групповых «Я-образах»? По нашим данным, это место безусловно досталось этнической принадлежности. В целом по представленности она — четвертая после семейной, профессиональной и половой принадлежности в групповых «Я-образах» татар, осетин, саха и

русских Саха (Якутии) и Северной Осетии-Алании. У тувинцев и русских Тувы и Татарстана этнической принадлежности досталось пятое место — в их «^-образах» вперед «пропущена» еще категория «человек».

В структуре «^-образов» религия выступает как фактор, поддерживающий этничность и тесно с ней связанный. Несмотря на широкий интерес к религии у народов России, религиозная принадлежность оказалась неактуальной статусной характеристикой. И все же значимость религии для татар и осетин безусловна. Это подтверждается субъективными оценками уровня религиозности этих народов — около 70% их представителей назвали себя верующими. В Северной Осетии-Алании православие большинства осетин, которые опасаются остаться в одиночестве среди мусульманских республик Северного Кавказа, сочетается с православием русских. В Татарстане православие русских взаимодействует с другой конфессией — с евроисламом большинства татар. Та степень актуальности, которой обладают религиозные компоненты в «Я-образах» татар и русских, невысока, но обострение этнополитической ситуации может «ввести» их в число конфликтогенных факторов. Это подтверждает мнение о наличии некоторых предпосылок для развития напряженности в межконфессиональных отношениях в Татарстане (Мусина, 1995).

В наименьшей степени осознание религиозной принадлежности выражено в Туве. Это результат многолетней и активной борьбы против буддизма политического руководства Тувинской Народной Республики в 1920—1930-х гг., а начиная с 1944 г. — советской власти. В течение нескольких последующих лет после присоединения Тувы к СССР в республике были ликвидированы последние буддистские монастыри (Монгуш, 1992). Несмотря на отмечаемую исследователями в 1992—1996 гг. высокую религиозную активность титульного населения Тувы (Анайбан, 1995), религиозная принадлежность в силу инерционности массового сознания еще не стала значимым компонентом собирательного «^-образа» тувинца.

Доминирование в идентификационных матрицах категорий частной жизни отражает не только озабоченность людей повседневными проблемами. Напомним, что анализируемые данные получены в середине 1994 г. Это время В.А.Ядов обозначил как период восстановления идентификационных побуждений, связанный с началом формирования нового политического и социального пространства после октября 1993 г. (Ядов, 1995). Люди как бы «приблизились» к себе, их активность соотносится преимущественно с ближайшими целями. Обобщенную формулу этого целеполагания на уровне массового сознания А.Г.Здравомыслов обозначает как выживание (Здравомыслов, 1995). У людей появились проблески надежды на стабильность, они стремились адаптироваться к новой ситуации, и интересы большинства населения естественным образом все больше актуализировались в сфере повседневных материальных забот.

ЭТНИЧНОСТЬ И ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ

От 30 до 40% респондентов в тех республиках России, где проводились наши исследования, подчеркнули для себя значимость семейной ролевой и статусной принадлежности. Но проблемы дезадаптации личности и ее включенности в новые общественные отношения невозможно решить только через семью. Главной этнополитической категорией, которая взяла на себя основную нагрузку в республиках оказалась этническая принадлежность.

А что же с гражданственностью и как она соотносится с этничностью? При сопоставлении уровней представленности категории «национальность» и категории «гражданство» (в данном случае имеется в виду как общероссийское, так и республиканское гражданство) выявилось существенное доминирование первого над вторым. Особенно в идентификационных матрицах титульных народов. Например, в «^-образах» осетин, саха, татар и тувинцев доля «национальности» от всего количества самоидентификаций составила соответственно седьмую, восьмую, десятую и тринадцатую части. Среди русских значимость этой категории повысилась прямо пропорционально ее росту у титульных народов. В то же время гражданская принадлежность (и российская, и республиканская) в структуре социальной идентичности составила одиннадцатую часть у осетин, восемнадцатую — у саха, тридцать седьмую — у татар и сотую — у тувинцев. Сравнивая эти данные, вряд ли можно категорично утверждать о гипертрофии этнического компонента, но существование кризиса гражданской идентичности можно констатировать.

Высказанные предположения требуют дополнительной аргументации и конкретизации. Поэтому мы отдельно проанализировали характеристики, которые отнесли к разряду этнополитических (см. табл. 2).

Во всех групповых «Я-образах», за исключением «Я-образа» русских Северной Осетии-Алании, ни одна из рассматриваемых этнополитических категорий, включая и гражданственность, не может выступить в качестве устойчивой оппозиции этничности. Если респонденты включали «национальность» в перечень значимых

самохарактеристик, то она, как правило, занимала первые позиции. Например, в Северной Осетии-Алании четвертая часть всех респондентов начинала перечень своих самоидентификаций с национальности. Татары, тувинцы и саха гораздо чаще ставили национальность на первое место, чем русские этих республик. У титульных народов республиканская принадлежность хотя и доминирует над российской, но не в такой степени, как это можно было бы ожидать. В середине 1990-х гг. свою общероссийскую гражданскую принадлежность по сравнению с татарами и, тем более, тувинцами чаще упоминают осетины, следом за ними — саха.

Групповой «Я-образ» русских Северной Осетии-Алании по выраженности этнополитических категорий резко контрастировал с групповыми идентификационными матрицами всех других этнических групп (об этом подробнее см. раздел III, глава 15). У населения этой самой напряженной из исследуемых нами республик была повышена значимость и этнической, и религиозной, и республиканской принадлежности.

У русских других республик гражданское сознание не только расщеплено, но и «погашено». Например, русские Татарстана и Тувы не акцентировали свою российскую принадлежность, но и не спешили особо выделить республиканскую. А для русских, проживающих в Саха (Якутии), оказалась более значимой республиканская гражданственность. Но в любом случае и у русских среди этнополитических характеристик доминировала этничность. Не гражданская, а именно этническая принадлежность выступала для них главной объединяющей категорией с русскими России.

Рассматривая соотношение ответов на вопросы «Кто Я?» и «Кем Вы себя больше чувствуете — гражданином республики или гражданином Российской Федерации?», мы имели возможность проанализировать идентификационные связи между категориями «национальность» и «гражданство» в самосознании различных этнических групп.

В групповых образах титульных народов доминировало соотношение «национальность — гражданин республики». В наибольшей степени эта связь была выражена в самосознании осетин. На втором месте в самосознании всех титульных народов — соотношение «национальность — гражданин и республики, и России». Силу этой связки можно рассматривать как индикатор психологических возможностей для адаптации сознания на новом качественном уровне к мысли о едином российском отечестве. Это вопрос формирования нации как «прежде всего сообщества вокруг общей идеи и задачи». Э.Карер д'Анкос, автор известной книги «Рухнувшая империя», в одном из интервью заметила, что «осознать себя как нацию труднее, чем научиться демократии» (Сегодня. 1995. 27 сент.). Слабость соотношения «национальность — гражданин России» показала, что осознание российского национального сообщества еще на начальном пути. Наибольшие психологические возможности для развития этой идентификационной связки среди титульных национальностей обнаружены у осетин. Тем не менее и у них она значительно уступает другим категориальным соотношениям.

Те русские, у которых актуализировано национальное самосознание, естественно чаще осознают себя в большей степени, «гражданами России». В Северной Осетии-Алании таких респондентов — 68%. В Саха (Якутии) их число не достигает и половины (45%), в Татарстане — 26%, в Туве — 23%. И все же «русский — гражданин России», как самая сильная идентификационная связка у русских, менее выражена, чем, например, у титульных национальностей связка «национальность — гражданин республики». На втором месте по значимости у русских также, как и у титульных народов, находится идентификационная связка «русский — гражданин и республики, и Российской Федерации». И естественно, слабее соотношение между категориями «русский — гражданин республики» у русских Саха (Якутии), Тувы и Северной Осетии-Алании.

Респонденты титульной национальности, которые считают себя гражданами России, и русские, причисляющие себя к гражданам .

республики, придают меньше значения этнической принадлежности. В то же время респонденты титульных национальностей, для которых высоко значима этническая принадлежность, меньше осознают себя гражданами России, а такая же категория русских — гражданами республики. Сравнение в групповых образах соотношения категорий «русский — гражданин республики» и «национальность (титульная) — гражданин России» показывает, что у русских больше психологических возможностей адаптации к республиканской гражданственности, чем у титульных народов к российской.

Итак, исследуя структуру групповых «Я-образов» народов России в 1990-х гг., мы обнаружили, что общегражданское сознание расщепилось и даже нивелировалось. Этничность, компенсируя утрату

гражданской идентичности и застарелый дефицит политического сознания, вышла на первый план, и в 1990-х гг. заняла место определяющей стратифицирующей категории. А это означает, что с этнической принадлежностью становится тесно связанным и государственное самоопределение. Особенно характерным это оказалось для титульных народов республик. В Северной Осетии-Алании в ситуации затяжной межэтнической напряженности этничность становится в наибольшей степени доминирующей категорией не только для осетин, но и для русских, несмотря на то, что они не являются прямыми участниками конфликта. Это то, что Ю.А. Левада назвал «разгосударствливанием» человека (Левада, 1994). Так на психологическом уровне отражается слабость и неэффективность государства. Очевидно, что государственное самоопределение у титульных народов в России 1990-х гг. невозможно без этничности. Более того, оно формируется через этническую принадлежность, которая реально приобретает ранг этнополитической категории.

Глава 6. От образов к действиям

Гете называл поведение зеркалом, в котором каждый показывает свой облик. Но в то же время человек, как никто другой на Земле, способен в повседневном поведении скрывать свои истинные отношения и чувства. Это происходит потому, что он «...не реализует одну какую-либо программу действия, а постоянно осуществляет выбор. Та или иная стратегия поведения диктуется обширным набором социальных ролей» (Лотман, 1996, с.332). Они определяют допустимую амплитуду поведения, а в случаях межгрупповой конфронтации и коллективные формы противостояния. Этническая группа в России 1990-х гг. заняла одно из главных мест в иерархии социальных групп. А национальность превратилась в одну из важнейших социальных ролей, принуждая индивида действовать с позиции своей этнической группы, а значит вступать в сферу межгруппового поведения (Sherif, 1966; Turner, Giles, 1981).

В этой главе мы остановимся на проблемах взаимосвязи между феноменами этнического самосознания и поведением в условиях роста межэтнической напряженности. А также попытаемся ответить на вопрос: какие способы разрешения ситуаций межэтнической напряженности и какие поведенческие стратегии как возможные формы этнополитической мобилизации может породить процесс формирования новых идентичностей у народов России?

Дистанция между образами и действиями

Знание содержания этнических образов не служит гарантом поведенческих прогнозов. Далеко не всегда существует прямая линейная зависимость даже между их формами, наиболее приближенными к поведению — межэтническими установочными образованиями — и фактическими действиями или поступками по отношению к членам других этнических групп. Анализ социально-психологических работ, посвященных вопросу взаимосвязи установок с реальным поведением, показал, что в исследованиях I данной проблемы присутствовали два крайних полюса. С одной стороны, установки трактовались как модели потенциального поведения по отношению к членам других этнических групп (Brigham, 1971; Buchanan, 1951). В этом случае они рассматривались как релевантные поведению не только на индивидуальном и меж-личностном уровнях, но и на групповом. В упрощенном виде это (означает «что думаю, то и делаю». ■

Противоположную точку зрения можно выразить вопросом: а имеет ли вообще место прямое «использование» установок в поведении личности? Эта проблема была отчетливо обозначена еще в 1934 г. классической работой Р.Ла-Пьера, экспериментальные результаты которой получили в психологии название «парадокса Ла-Пьера» (La Piere, 1934). Его суть в несоответствии установок и реальных поступков. Обзоры уникальных исследований этой проблемы показали, что принципом соотнесения сфер межэтнического восприятия и реального поведения следует признать сложную нелинейную зависимость (De Flew, Westie, 1958; Kutner, Wilkins, Yarrow, 1952; Wicker, 1969). Частный вариант такой зависимости был раскрыт в работе американского психолога Р.Минарда. Цель его исследования состояла в определении взаимосвязи установок с реальным поведением у белых шахтеров по отношению к чернокожим американцам — их товарищам по работе. Р.Минардом было выявлено противоречие между поведением белых в процессе совместной работы в шахте и в свободное время. Эмпирически выявленные у белых расовые предрассудки «не работали» под землей и наоборот, определяли реальное поведение «на земле» (Minard, 1968).

На процесс превращения установки в реальный поступок влияют факторы всех трех уровней: макроуровня (уровень общества), мезоуровня (уровень группы) и микроуровня (уровень личности). Результаты многочисленных исследований показывают, что установки преломляются через сложную совокупность этих факторов, выступающих в качестве «буфера» между содержанием сознания и поведением (Brewer, Cramer,

1985; Cook, 1978; Hewstone, Giles, 1986; Levine, Campbell, 1972; Turner, Giles, 1981). Ситуации межэтнической напряженности задают этому процессу свою логику. Далее в этой главе и в других разделах книги мы попытаемся раскрыть специфику и психологические механизмы такой логики. Здесь же ниже остановимся на тех особенностях самих этнических образов, которые способствуют воплощению установок в реальное поведение.

С позиции онтологического бытийного подхода М.К.Мамардашвили рассматривал феномены сознания как адекватные действия, существующие в нашем сознании, в мире понимания. Причем они не являются действиями в привычном смысле слова, а «строятся по схеме сознательно прослеживаемой связи между намерением и выполнением, между целями и средствами» (*Ма-мардашвили*, 1984, с. 14). Можно ли говорить об адекватных сознательных действиях, имея в виду образы других этнических групп: стереотипы, предубеждения, предрассудки? На наш взгляд — можно, так как в качестве способа реагирования сознания они адекватны реальности в силу соответствия между их внутренним содержанием и внешними функциями. Это соответствие определяется интенциональностью³ этнических образов. Как межгрупповые социально-перцептивные феномены они интенциональны вдвойне: их содержание отражает неразрывное единство двух объектов и направленность на два объекта — внешнюю этническую группу и собственную. Этнические образы формируются в субъективной психологической плоскости, где, по мнению Б.Ф.Поршнева, категория «они» первичнее чем «мы», но категория «мы» более значима (*Поршнев*, 1966), и поэтому является аутентичной точкой отсчета.

Именно категория «мы» «защищается» установочными образованиями. Это является результатом их функции защиты позитивной групповой идентичности. А способы такой защиты чаще предполагают не агрессивные формы выражения отношения к иноэтническим группам, а скорее когнитивное искажение. Это широко подтверждено эмпирическими исследованиями. Чем выше уровень межэтнической напряженности, тем сильнее искажены и неадекватны установки, и тем чаще они как «действия сознания» совпадают с реальными поступками.

Рост негативных атрибуций (приписываемых признаков) в этническом образе определяет степень предубежденности субъекта. Чем она выше, тем выше уровень негативного аффективного заряда и больше в поведении дискриминирующих моментов по отношению к членам других этнических групп. Наличие в этническом самосознании предрассудков укорачивает дистанцию между интенциями и фактическими действиями в направлении ограничения возможностей, прав и привилегий, которыми могут пользоваться члены дискриминируемой этнической группы, а также нередко ведет к массовому и индивидуальному насилию на национальной почве.

При позитивных межэтнических отношениях категория «национальность», как правило, оказывается подчиненной. Главенствовать могут: «профессия», «возраст», «социальное положение», «пол» и др. Этнический стереотип здесь «не работает», и негативные этнические атрибуции в рамках данной ситуации не актуализируются. Они как бы остаются в другой когнитивной плоскости. Именно это обстоятельство является еще одним фактором, увеличивающим дистанцию между перцептивным образом представителя какой-либо этнической группы и реальным поведением по отношению к нему. Хорошей иллюстрацией непересекающихся перцептивных плоскостей является эпизод, описанный американским психологом М.Ротбартом. Его коллега-южанин с неприязнью отзывался о чернокожих жителях своего штата. В то же время, характеризуя своего соавтора, принадлежащего к негроидной расе, он дал высоко положительную характеристику. Когда же ему напомнили, что его соавтор — чернокожий, он воскликнул: «Я никогда не думал о нем, как о черном!» (*Rothbart, Dawes, Park*, 1984).

В условиях конфликта этническое выступает на первый план, главным критерием противопоставления ее участников оказывается этническая принадлежность. В этих случаях национальность как актуальная категория задает свой ракурс социальной перцепции. В соответствии с взглядами С.Московичи, это «свой» прототип идентификационной матрицы, и, следовательно, активизация особой когнитивно-оценочной системы, которая определяет организацию внешней и внутренней информации в этноконтактных ситуациях (*Moskovici*, 1984).

³ Интенция (от лат. *intentio* — стремление) — термин схоластической философии, обозначающий намерение, цель, направленность сознания, мышления на какой-нибудь предмет. Выходя за пределы этнической группы, а также нередко ведет к массовому и индивидуальному насилию на национальной почве.

Уже упоминалось о том, что этнические образы имеют сложную внутреннюю организацию. В них существует общий прототипический уровень, характерный для всей этнической общности, и отдельные прообразы, которые определяются внутриэтническим делением. Механизмы сопоставления и противопоставления этих прообразов имеют свою специфику и еще более усложняют картину соотношения когнитивных и поведенческих структур. Это также один из факторов, который увеличивает дистанцию между этническим установочным и фактическим поведением.

В условиях роста межэтнической напряженности восприятие имеет тенденцию переходить на более высокие уровни абстракции. Основой этого процесса является деперсонификация, когда люди воспринимаются не как конкретные личности со своими специфическими особенностями, а в первую очередь как представители той или иной этнической группы. Это ведет к снижению внутренней дифференцированности содержания этнических образов, к их обобщенности и упрощенности. В результате в неодобряемой группе типа «лиц кавказской национальности» перестают различать дружелюбно настроенные подгруппы и не видят конкретных, вполне достойных людей. В то же время растет дифференцированность между различными этническими образами.

Итак, сокращение дистанции между поведением и установками по отношению к другой этнической группе определяется ростом искаженности (неадекватности) их когнитивного содержания, снижением их когнитивной сложности и внутренней дифференцированности, ростом негативного аффективного заряда. Все эти особенности приобретают особое значение и усиливаются в результате актуализации этнического ракурса социальной перцепции в ситуациях межэтнической напряженности.

Способы разрешения ситуаций межэтнической напряженности

Кризисные состояния общества характеризуются коллективными проявлениями иррационального поведения — поступками и действиями, несовместимыми с общепринятыми нормами человеческого общежития. Враждебность, агрессивность и насилие по отношению «к другим» в большинстве случаев можно квалифицировать именно так. Проявления агрессии возможны в диапазоне от вербальной агрессии, демонстративного и неприязненного поведения до физического воздействия. Общим психофизиологическим механизмом во всех этих случаях является затормаживание в результате высокого эмоционального возбуждения более сложных и тонких структур регуляции деятельности. В итоге этого адекватность поведения резко снижается. Каковы корни иррационального поведения в межэтническом взаимодействии?

Сравним два события, которые произошли практически одновременно в марте 1990 г. в Канаде и Румынии. Они были связаны с межнациональными волнениями и получили резонанс во всем мире. Но по своим последствиям и формам протеста эти два этнических кризиса оказались совершенно непохожими друг на друга. Противоречия между венграми и румынами в румынской Трансильвании, где проживают более 40% венгров, разрешались посредством забастовок, баррикад, палок и цепей. Результат — убитые и раненые. Причем речь шла не о сепаратистских планах венгерского населения Трансильвании, а всего лишь о предоставлении им культурной автономии.

Этнические противоречия поканадски разрешались совсем другими способами. Началом волнений послужила проверка квебекскими властями выполнения одного из законов провинции Квебек, где проживает большая часть французского меньшинства Канады. Суть этого закона была в том, что владельцам относительно крупных (более 50 чел. персонала) автозаправочных станций, магазинов, ресторанов не разрешалось вывешивать наружные надписи на каком-либо другом языке, кроме французского. Результатом этой акции оказались не разгромленные рестораны и пробитые головы, а повестки в суд. Социально-экономическое благополучие и идеология «политической корректности», которыми отличается Канада, если и не исключают межэтническую напряженность, то безусловно сдерживают ее рост и существенно влияют на формы ее выражения. В чем же, помимо разных общественных систем, причины такого различия? Попробуем ответить на этот вопрос на основе российского материала.

У детей в разных культурах до того, как они освоят специфические социализированные нормы, тип и частота агрессивных актов практически совпадают. Агрессивное поведение — это враждебные действия, направленные на причинение другим ущерба и страдания. В процессе социализации оно попадает под контроль социальных норм. Есть ли выраженная предрасположенность к агрессивному поведению в различных культурах у народов России? Как влияют ситуации межэтнической напряженности и стремления народов к государственной самостоятельности на формы агрессивности у разных народов? Если эмоциональное напряжение будет все же разряжаться в сферу межэтнических отношений, что более вероятно

— агрессия по отношению к другим народам или попытки конструктивного разрешения возникающих проблем?

Некоторые ответы на эти вопросы были получены на основе наших исследований по проекту «Национальное самосознание, национализм и разрешение конфликтов в Российской Федерации». Сравнивались реакции представителей разных народов России на возможные конфликтные ситуации на личностном и групповом уровнях.

В первом случае рассматривалась ситуация прямой агрессии против личности. Эту ситуацию выражал закрытый вопрос: «Если

Кто-то ведет себя агрессивно по отношению к Вам, как Вы обычно поступаете?». Предлагаемые ответы соответствовали следующим показателям: *враждебная агрессия* (прямая угроза жизни, например, применение оружия), *подавленная* или *скрытая агрессия* («ухожу от конфликта, но не прощаю») и «*норма возмездия*» или *ответная агрессия* («отвечаю тем же»). Противовесом этой группе показателей выступили неагрессивные ответы: стремление «сгладить конфликт» или «пойти на односторонние уступки».

Подавленная агрессия и норма возмездия — это социализированные формы агрессивности, предполагающие в первую очередь ее торможение. Норму возмездия можно отнести к числу правил поведения морального характера. По сравнению с требованием Нагорной проповеди Нового завета не противиться злу, норма возмездия есть более древняя форма взаимоотношений. Она воплощается в ветхозаветной формулировке: «Перелом за перелом, око за око, зуб за зуб». Это наказание в ответ на агрессию и стремление к восстановлению своего достоинства и справедливости. В этом случае одна агрессивность компенсирует другую, и в результате оба субъекта оказываются квиты, а социальные отношения приходят в норму. Ответное агрессивное действие должно быть точно отмерено. Оно связано с оценкой намерений, стоящих за агрессивным поведением. Если оно передозировано, то возникает чувство вины (Хекхаузен, 1986).

Групповые реакции на конфликтную ситуацию рассматривались на основе индикаторов *инструментальной агрессии*. Это — допустимость насильственных действий против группы в ситуации межэтнического конфликта и допустимость жертв в ситуации борьбы за реализацию суверенитета. Инструментальная агрессия, как социально мотивированная форма поведения, предполагает признание возможности агрессивных действий при наличии важных оправдательных причин. В этом случае агрессия выступает в качестве средства достижения определенной цели. Например, ради реализации суверенитета возможны такие жертвы как массовые перемещения людей, войны, межнациональные конфликты. Или же допустимы ситуации, «когда только насильственные действия могут принести результат». На этом уровне сравнивались также групповые оценки выраженности агрессивности как качества, характерного для собственной и другой этнической группы.

Сторонников крайней формы агрессии — враждебной, во всех этнических группах оказалось не более 1—3%. Поэтому дальше мы не будем останавливаться на этом показателе. На личностном уровне число агрессивных ответов в среднем по всей выборке (по четырём республикам) приблизительно было равно числу неагрессивных ответов. Среди русских это соотношение повторялось во всех республиках. У титульных народов доля неагрессивных реакций на конфликтную ситуацию была ниже и несколько варьировала. Агрессивные ответы (враждебная, ответная и подавленная агрессия) и неагрессивные («сгладить конфликт», «пойти на односторонние уступки») соответственно в среднем достигли 55% и 44% среди титульных народов и 47% и 49% — среди русских. Во всех группах неагрессивные реакции и желание уйти от конфликта составляли подавляющее большинство (см. рис. 10, 11). Причем, основная часть этих ответов отражала стремление конструктивно решить конфликт, а не просто проявить уступчивость в сложной ситуации. Эти данные позволяют нам утверждать, что культурно обусловленной предрасположенности к агрессивному поведению у народов России нет.

Наиболее значимые различия по количеству агрессивных ответов были получены не между разными культурами, а между мужчинами и женщинами, а также между некоторыми возрастными группами. Во взрослом возрасте между полами сохраняется приблизительно то же соотношение, которое было выявлено У.Ламбертом в исследованиях агрессивности у детей в разных культурах (Lambert, 1974). Но не только мальчики агрессивнее девочек, но и мужчины агрессивнее женщин. Так, норму возмездия во всех культурах практически в два раза чаще стараются соблюдать мужчины, главным образом в возрасте от 20 до 39 лет.

Женщинам более свойственно подавление агрессии и стремление сгладить конфликт, пойти на односторонние уступки.

Жители Татарстана, Саха (Якутии) и Тувы нередко предпочитали регулировать межличностные отношения на основе нормы возмездия. Больше всего сторонников такого поведения в конфликтной ситуации оказалось среди саха. Именно за счет расширения границ «нормы возмездия» у саха увеличилось число агрессивных ответов на личностном уровне до 63%. Из них 40% заявили, что они «ответят тем же» в ситуации непосредственной агрессии. Среди этих респондентов преобладали молодые люди 18—24 лет, отличающиеся в этом возрасте, как известно, максимализмом.

В Северной Осетии-Алании как у осетин, так и у русских при сравнении с жителями других республик, оказалось более выраженным на личностном уровне стремление подавить агрессию и снизился уровень приверженцев нормы возмездия (см. подробнее раздел III, глава 14). Торможение агрессивности на уровне личности — одно из последствий вооруженного этнического конфликта. Это отражает нежелание людей усугублять или повторять конфликт. В то же время здесь в наименьшей степени было выражено стремление идти на односторонние уступки. Следовательно, не безразличны способы урегулирования конфликта.

На групповом уровне соотношение агрессивных и неагрессивных ответов резко меняется. Здесь безусловно доминирует установка на недопустимость насилия. Групповые насильственные действия в ситуации межэтнического и межгосударственного конфликта соответственно поддержали в среднем 15% и 28% — среди титульных народов и 13% и 20% — среди русских. Чаше одобряли насилие в межэтнических конфликтах жители Северной Осетии-Алании. В Туве, имевшей в прошлом собственную государственность, почти 45% тувинцев считали допустимыми этнические конфликты, гражданские и межгосударственные войны во имя реализации суверенитета. Сравнивая эти данные, мы видим, как приблизительно одинаковый личностный потенциал агрессивности у представителей разных народов гасится на групповом уровне в зависимости от параметров социальных ситуаций. Такие факторы как затяжная межэтническая напряженность и стремление народов к независимости при условии собственной государственности в прошлом и демографическом доминировании определяют сравнительно высокую допустимость агрессивных или насильственных действий против других групп.

И титульному народу, и русскому населению республик если и свойственны агрессивные тенденции, то они имеют скорее защитный характер не только на групповом, но и на личностном уровне. Это выражается, в частности, в усилении проективных механизмов в процессе восприятия народами друг друга: переносе социально-нежелательных характеристик на другую этническую группу. Так, можно отметить существенные различия в приписывании такого качества как агрессивность своей и другой этнической группе. Например, если в среднем 36% русских считают свою этническую группу достаточно агрессивной, то число русских, приписывающих это качество «своим» титульным народам, увеличивается почти вдвое. Это еще один показатель, отражающий высокий уровень эмоционального напряжения, характерный для русских в республиках в середине 1990-х гг.

Поведенческие стратегии: посредники, националы и невротики-этнофобы

Обращение к изучению поведенческих стратегий в межэтническом взаимодействии — это попытка определить возможные формы этнополитической мобилизации народов России в сложных условиях 1990-х гг. Как было показано выше, на групповом уровне природная агрессивность человека сглаживается. Однако такие факторы как рост межэтнической напряженности, стремление группы к независимости при условии наличия умелых «социальных» дирижеров ак-

тивизируют этнополитическую мобилизацию и повышают агрессивность группы. Какой человеческий материал составляет ядро такой мобилизации? Каково соотношение в культурах позитивно и негативно настроенных на межэтническое взаимодействие людей?

В предыдущей главе была представлена типология этнической идентичности. На основе этой типологии мы рассматривали две достаточно большие и нежестко дифференцированные группы лиц, разбитые по принципу — «скорее толерантные» и «скорее интолерантные» в межэтническом взаимодействии. Это достаточно условное деление, так как оно проводилось на основе различных тенденций трансформации этнического самосознания.

В реальной жизни, как правило, лишь часть установок личности воплощается в действии. Поэтому, если говорить о структурах сознания, на основе которых можно рассматривать не только предрасположенность, но

и зафиксировать готовность к определенному типу поведения, следует анализировать не тенденции, а более устойчивые элементы этнического самосознания. Такие элементы были выделены на основе одномерных распределений по тем же индикаторам, которые послужили основой типологии идентичности. В результате среди толерантных лиц определилась группа «*посредников*», то есть с отчетливой установкой на позитивное межэтническое взаимодействие, а среди интолерантных — группа «*националов*», также с отчетливой, но негативной установкой на межэтническое взаимодействие. Соответственно группы «посредников» и «националов» можно рассматривать как концентрированные коллективные формы толерантности и интолерантности по отношению к другим этническим группам.

В отличие от критериев выделения толерантных и интолерантных лиц, в этом случае основное значение приобрел следующий момент. Каждый респондент попадал только в одну подгруппу в зависимости от его ориентации в контексте межэтнического взаимодействия в целом. Для этого учитывалась общая позитивная или негативная направленность выбранной им комбинации индикаторов. Это позволило выделить среди «посредников» и «националов» подгруппы с различной степенью возможной поведенческой активности. Таким образом, определились группы активных и пассивных «посредников», активных и пассивных «националов».

Наши группы «посредников» и «националов» совпадают по своей сути с типами людей, выделенными С.Бокнером в исследованиях адаптации мигрантов в условиях другой культурной среды. Это закономерный результат использования при классификации интерактивного принципа «границы» (у нас — межэтническое взаимодействие, у С.Бокнера — межкультурные контакты). «Посредники» у него — это люди, «принимающие различные культуры», а «националы» («шовинисты» в типологии С.Бокнера) — люди, «отрицающие чужую культуру и преувеличивающие значимость собственной». В типологии С.Бокнера есть еще две категории лиц: «перебежчики» (те, кто предпочитает чужую культуру) и «маргиналы» (колеблющиеся между двумя культурами) (Bochner, 1982). В нашей же типологии, целью которой было выявление поведенческих стратегий, сравнение жителей республик именно с мигрантами (вынужденными переселенцами и беженцами) послужило основанием для выделения третьей группы респондентов, получившей название «невротики-этнофобы». Тем не менее типология С.Бокнера помогла нам более полно охарактеризовать две альтернативные категории: «посредников» и «националов».

Результаты, полученные на основе одномерных распределений данных, собранных среди жителей Татарстана, Саха (Якутии) и Северной Осетии-Алании, а также среди участников национальных движений и вынужденных мигрантов, представлены на рис. 12, 13.

«Посредники» в межэтнических отношениях — это категория людей, настроенная на развитие позитивных взаимоотношений с представителями других народов. Они лучше приспосабливаются к иной культурной среде, к изменившимся этносоциальным условиям. «Посредники» способны не только удачно поддерживать отношения, но и их регулировать, разрешать конфликтные ситуации и вести переговоры. Для них характерна этническая толерантность, готовность к межэтническим контактам, разнообразная и равномерная структура идентичности. Исходя из нашей типологии этнической идентичности, к числу *активных «посредников»* мы отнесли тех респондентов, которые определяли себя только по типу «нормы». Ее доминирование над всеми другими тенденциями формирования этнической идентичности обуславливает подавляющую долю «посредников» в каждой этнической группе. А это весомый психологический потенциал по сдерживанию роста межэтнической напряженности и развитию разнообразных межэтнических контактов.

Группу *пассивных «посредников»* составили респонденты, которые одновременно выбрали «норму» и этническую индифферентность, либо только этническую индифферентность. В целом во всех республиках этнически индифферентные — это образованный, интеллигентный и сравнительно зрелый по возрасту контингент. Их обычная реакция на сложности в сфере межэтнических отношений — отстраненное равнодушие и уход в деятельность, меньше всего связанную с проблемами такого рода. Однако эти люди специально не избегают этноконтактных ситуаций и, как правило, спокойны, ровны и позитивно настроены на взаимодействие вне зависимости от национальности общающихся с ними людей.

К *активным «националам»* мы отнесли респондентов, которые дали позитивные ответы только на индикаторы гиперидентичности. Часть респондентов выбрала с гиперидентичностью также либо показатель «нормы», либо этнической индифферентности, либо и «нормы», и индифферентности одновременно. Это — *пассивные «националы»*. Они не будут инициаторами конфликта, но если окажутся в конфликтной ситуации, не исключено, что поддержат активных «националов». Для «националов» не характерен этнонигилизм. Они

отличаются убежденностью в превосходстве своего народа над другими народами. Они также являются наиболее ревностными хранителями его культуры, всегда готовы отстаивать права своего народа и воспевать его достижения. «Националы» в меньшей степени, чем «посредники», стремятся к развитию позитивных отношений с «чужими». Они отличаются этнической нетерпимостью, раздражаются при общении с представителями других народов, не стремятся поддерживать и развивать межэтнические контакты.

Группу «невротиков-этнофобов» составили респонденты, выбравшие либо только этнонигилизм, либо этот показатель в следующих комбинациях: с «нормой», с индикаторами гиперидентичности, с этнической индифферентностью. Помимо этнофобии, лицам этой группы свойственна резкая деформация структуры идентичности и смешение различных тенденций при ее трансформации. Подобный тип идентичности («идентификационной мешанины») был впервые описан Э.Эриксоном при исследовании американских индейцев, а также американцев-ветеранов вьетнамской войны (Ericson, 1967). Группа таких лиц выделялась среди первых русских беженцев 1990-х гг. из Баку {Солдатова, Шайгерова, Шлягина, 1995}. Среди постоянных жителей республик число невротиков-этнофобов оказалось незначительным — от 1% до 3%. Среди вынужденных переселенцев и беженцев из Грозного число таких лиц достигло соответственно 13% и 37%. Подробно эта группа описывается в разделе III, главе 16, посвященной перемещенным лицам на Северном Кавказе.

Ни в одной группе число «посредников» не опускается ниже 50%. Меньше всего их зафиксировано среди лидеров и активистов национального движения «Хостуг Тыва», а также среди вынужденных переселенцев. «Посредников» оказалось больше среди русских, чем среди титульных народов. Здесь сыграл свою роль более значимый для русских жителей республик фактор высокой социальной желательности индикаторов, определяющих «норму». Однако это не относится к русским перемещенным лицам.

Доля этнически акцентированных личностей на уровне структур идентичности, фиксирующих поведенческую готовность, существенно ниже по сравнению с общей ориентированностью на негатив или позитив в межэтнических отношениях. Но чем выше уровень межэтнической напряженности, тем больше число «националов» среди постоянных жителей республик и «невротиков-этнофобов» среди перемещенных лиц (см. рис. 10, 11). Так, это характерно для жителей Северной Осетии-Алании. Причем здесь рост «националов» носит не явный, а скрытый характер — растет доля их пассивной части. Среди русских Северной Осетии-Алании также, по сравнению с русскими из других республик, повышено число таких лиц. Как мы уже отмечали выше, у жителей Северной Осетии-Алании растут показатели подавленной агрессивности. Здесь значительную часть пассивных «националов» представляют те, которые «уходят от конфликта, но не прощают». Ситуация затяжной межэтнической напряженности не проходит бесследно, на психологическом уровне конфликт подавляется и уходит вглубь.

Несмотря на то, что в Саха (Якутии) межэтнические проблемы совсем иной остроты, у саха более высокий уровень активных «националов» — около 10%. Значительная часть респондентов среди саха одобрила поведение, регулируемое нормой возмездия. Именно эта категория лиц является доминирующей среди активных «националов». А это значит, что возможное агрессивное поведение с их стороны скорее будет носить только ответный характер. Среди русских Саха (Якутии), как бы «вослед» за якутами повышен аналогичный показатель. Но в целом среди русских число «националов» значительно меньше, чем среди титульных народов.

Наибольшее количество «националов» (50%) оказалось среди членов «Хостуг Тыва». Среди членов «Стыр Ныхас» их приблизительно столько же, как и среди опрошенных нами среднестатистических жителей титульной национальности Северной Осетии-Алании. Это говорит о том, что это движение в данном аспекте отражает общие настроения, царящие в республике, и в этом одна из причин ее жизнеспособности.

Сравнительный анализ поведенческих стратегий у «националов» и «посредников» расширил характеристики этих категорий лиц и дополнил список различий между толерантными и интолерантными личностями.

Защитная реакция в форме агрессии свойственна и «посредникам» и «националам». Но при сравнении их реакций на проблемные ситуации, связанные с насилием и агрессией, между ними проявились некоторые поведенческие различия. Среди «националов» оказалось больше тех, кто в ситуации прямой агрессии был готов ответить аналогичным образом. Особенно значимо это различие в Северной Осетии-Алании. Здесь число осетин-«националов», выбравших норму возмездия, почти в два раза превысило аналогичный показатель среди осетин-«посредников».

Казалось бы, что среди осетин, для которых еще в начале XX в. были непреложными суровые традиции кровной мести, в какой-то степени реанимированные конфликтом с ингушами, норма возмездия должна входить в состав социально одобряемых норм поведения и быть более популярной, чем среди жителей других республик. Может быть, мы и получили бы такие результаты, если бы исследование проводилось сразу же после вооруженного конфликта в конце 1992 г. или же в начале 1993 г., когда боль утрат и осознание ужасной трагедии еще не сгладились временем. Но затяжная ситуация высокой межэтнической напряженности скорректировала механизмы восприятия и поведенческие схемы, ориентированные на конфликтное поведение и на месть. В результате и у «посредников», и у «националов» (как у осетин, так и у русских) оказалась даже сниженной по сравнению с жителями других республик доля лиц, выбравших в качестве психологической защиты «норму возмездия». Так через два года после начала конфликта на вопрос: «Если кто-то ведет себя агрессивно по отношению к Вам, как Вы обычно поступаете?» ответ: «Отвечаю тем же» среди осетин-«посредников» дали 25%. Аналогичный ответ дали почти столько же «посредников» среди татар (27%) и 39% — среди якутов. Кроме того осетины-«посредники» чаще в ситуации прямой агрессии «стараятся сгладить конфликт» (44%), чем, например, лица этой категории среди якутов (31%).

В межэтнических отношениях и «посредники» и «националы» в равной степени считают свои народы покладистыми и компромиссными. Ингушско-осетинский конфликт не находит своего решения уже длительное время, но осетины, вне зависимости от своей поведенческой ориентации в межэтническом взаимодействии, оказались в наибольшей степени солидарны, по сравнению с жителями других республик, в оценке своего народа как наиболее склонного к компромиссам.

«Националы» любой национальности чаще приписывают не только другой, но и своей группе стиль соперничества. Безусловно, чаще другой группе, как впрочем и «посредники». И те, и другие с большей легкостью, чем при самооценке, квалифицируют другие народы как соперничающие. Среди русского населения республик «националы» в целом оказались более критичными, так как они не только другим группам, но и своей достаточно часто отказывают в приверженности к компромиссам. В то же время русские-«посредники», оценивая поведение титульных народов в конфликтной ситуации, в два, три и даже четыре раза (русские Северной Осетии-Алании) чаще приписывают им стиль соперничества по сравнению с собственной группой.

В системе ценностей «националов» стиль соперничества в межэтническом взаимодействии чаще попадает в разряд одобряемых стратегий поведения. Они нередко и свое собственное поведение квалифицируют подобным образом. Например, 33% русских-«националов» в Северной Осетии-Алании ответили, что в случае возникновения межнациональных разногласий и конфликтов они «Настойчиво стремятся решить вопрос в свою пользу». Среди русских-«посредников» аналогичный ответ дали 15%. Среди осетин-«националов» этот же ответ выбирался в три раза чаще, чем среди осетин-«посредников».

«Националы» чаще одобряют насилие как форму социального контроля в межэтнических конфликтах или демонстрируют радикализм сознания, допуская различные жертвы ради суверенитета (например, массовые перемещения людей, межнациональные конфликты внутри республик, гражданские войны, войны за независимость с другими государствами). Но социальная ситуация регулирует и эти установки. Например, в более спокойных Татарстане и Саха (Якутии) доля ответивших, что ради суверенитета «никакие жертвы не допустимы» среди «националов», как впрочем и среди «посредников», ниже (соответственно 66% и 58%), чем в беспокойной Северной Осетии-Алании (73%). На наш взгляд, это говорит не столько о меньшей актуальности для жителей Осетии суверенитета, сколько о влиянии затяжной ситуации межэтнической напряженности, которая в конечном итоге снижает радикалистские установки массового сознания и заставляет быть осторожнее в суждениях.

«Националы» чаще принимают непосредственное участие в межнациональных спорах и разногласиях. Интолерантность провоцирует вступать в конфликты, и больше возможностей для приобретения опыта такого рода в беспокойных республиках. Есть ли какие-то принципиальные различия в поведенческих схемах, которых придерживаются эти две категории лиц в конфликтных ситуациях?

Рассматривая возможные способы компенсаторного поведения в конфликтных ситуациях, Г.Олпорт выделял два противоположных — экстрапунитивный и интропунитивный (Allport, 1954). Экстрапунитивный — когда индивид действует в соответствии с установкой, что происходящие события есть результат главным образом внешних обстоятельств. Такой взгляд при провоцирующих обстоятельствах может выступить основой

агрессии против окружающих. В случае, когда ответственность за происходящее переносится на самого себя, личность склонна к интропунитивному способу компенсаторного поведения.

Анализ данных, полученных на основе теста рисуночной фрустрации Розенцвейга у членов национальных движений, беженцев и вынужденных переселенцев из Грозного, показал разницу между «посредниками» и «националами» в направленности агрессивных реакций. В среднем по всем группам у «националов» повышено число экстрапунитивных реакций (внешне обвинительных), понижено или остается в пределах нормы число импунитивных (безобвинительных) и интропунитивных (самообвинительных) реакций. Другими словами, в качестве способа компенсаторного поведения в конфликтных ситуациях «националы» более склонны к агрессивным реакциям по отношению к окружающим. Повышенный уровень эгозащитных реакций, которые носят характер обвинения в первую очередь других, а не самих себя, снижает стремление разрешить ситуацию примиряющим образом.

Данные по тесту агрессивности Басса-Дарки подтверждают 1 приведенные выше результаты — респонденты с этническим самосознанием по типу гиперидентичности имеют самые высокие индексы агрессивности и враждебности. Вместе с тем большинство этих людей — достаточно адаптивные, психически сильные и устойчивые к фрустрационным ситуациям люди. И все же у «националов», похоже, быстрее иссякает терпение, среди них несколько больше тех, кто при оценке жизненной ситуации ответили, что «терпеть наше бедственное положение дальше невозможно». Преобладание среди жителей республик «посредников» — людей открытых для иной культуры, свидетельствует о том, что 1 стремление к межэтнической кооперации есть центральная стратегия поведения во взаимодействии между народами. Распространяется ли это утверждение также на ситуации разногласий и конфликтов.

Для того чтобы ответить на этот вопрос, мы сравнивали предпочтения в разных этнических группах в выборе *соперничающей* *Щ* (навязывание другой стороне различными способами, в частности насильственными, предпочтительного для себя решения) или *кооперативной* («проблемно-решающей» — поиск решения, удовлетворяющего обе стороны) стратегий межэтнического взаимодействия. Использовалась группа *сдвоенных* полярных индикаторов²⁴. Дополнительно в эту группу мы включили индикаторы, отражающие взаимоотношения с Центром. Центр в республиках, как правило, воспринимается русским. В связи с этим мы посчитали возможным в континууме «соперничество—кооперация» анализировать также показатели, отражающие отношения между титульным и русским населением республик. Как и в целом, в условиях межэтнического взаимодействия, в этнонапряженных ситуациях доминирует кооперативная направленность как у титульных народов, так и у русских в республиках. Среди последних она в наибольшей степени выражена в Татарстане и в Северной Осетии-Алании. Здесь русские отличаются более позитивной оценкой прошлого опыта межэтнического взаимодействия, признают значимость для себя гражданства республики их проживания, демонстрируют высокую готовность к кооперации на групповом и личностном уровнях. Например, в Северной Осетии-Алании 70% русских назвали себя одновременно гражданами этой республики и Российской Федерации, а 68% оценивают типичное поведение осетин в конфликтной ситуации как желание найти взаимоприемлемое решение, удовлетворяющее обе стороны. Меньшее стремление к кооперации проявляют русские из Тувы. Около 60% из них считают, что тувинцы предпочитают соперничающую стратегию в ситуациях межэтнического взаимодействия. В целом городские жители Тувы в сравнении с другими республиками несколько чаще приписывают себе стиль соперничества в ситуациях разногласий, затруднений и конфликтов (четвертая часть всех тувинцев и пятая часть всех русских). Вероятно, это отражение соревновательного стиля взаимоотношений между тувинцами и русскими в различных сферах жизнедеятельности в республике.

На возможность развития стратегий соперничества в межэтническом взаимодействии указывает выраженность «национально-территориальных» («Больше чувствую себя гражданином своей республики», «Земля и ресурсы

²⁴ Индикаторы континуума «соперничество—кооперация»: оценка поведенческих стратегий у типичных представителей своего и другого народа в случае разногласий, затруднений и конфликтов — «настоячиво стремятся решить вопрос в свою пользу»/«стремятся найти взаимоприемлемое решение: в чем-то уступить, но и частично добиться своего»; для титульных народов — «в большей степени гражданин своей республики»/«в равной мере гражданин своей республики и Российской Федерации»; для русских — «в большей степени гражданин Российской Федерации»/«в равной мере гражданин своей республики и Российской Федерации»; для титульных народов — «распоряжение землей, природными ресурсами должно находиться в исключительном ведении республики»/«землей, природными ресурсами должны распоряжаться республика и Российская Федерация»; для русских — «Россию вообще не надо делить на республики»/«республики должны иметь право выхода из Российской Федерации».

должны быть в исключительном ведении республики») ориентации у титульного населения республик. Это свидетельствует о том, что национально-государственный статус продолжает оставаться значимым для титульных народов и может оказаться важнейшим ориентиром в выборе стратегий межэтнического взаимодействия. Соответственно повышается актуальность в контексте межэтнического взаимодействия таких потенциально конфликтных этносоциальных измерений как «коренной—некоренной», «большинство—меньшинство», «титульный—нетитульный».

Кооперативная направленность в ориентациях у жителей республик характеризуется также тем, что и у титульного, и у русского населения выражены антиэкстремистские установки. В их число попадают уже рассмотренные нами: недопустимость жертв и насилия, стремление сгладить конфликт и пойти на односторонние уступки, а также предпочтение переговоров действиям чрезвычайного характера, в том числе и военным. Непопулярность экстремизма и силовых методов в межэтническом и межгосударственном взаимодействии и ожидание с обеих сторон в первую очередь кооперативного взаимодействия существенно снижает вероятность проявления крайних негативных стратегий в отношениях между народами.

Раздел III

Теория и методы в действии:

Северный Кавказ

Глава 10. Горские народы Северного Кавказа как субъекты взаимодействия: ситуации межэтнической напряженности и их динамика

Старинная черкесская пословица гласит: «Два брата делят огород — без скандала не обойтись». Даже родственникам не всегда удается договориться, а если землю делят между собой народы? На Северном Кавказе в настоящее время насчитывается свыше 30 территориальных претензий (см. карту). Здесь это главные источники межэтнической напряженности. Напряженность, возникающая в одном звене общества, как по цепочке передается всем его частям. На примере республик Северного Кавказа мы покажем, что межэтническая напряженность — это не локальный феномен, а общее свойство поликультурной системы, в которой нарушился баланс межэтнических взаимоотношений.

С этой целью, а также для того, чтобы у читателя сложилось общее представление о ситуации в республиках Северного Кавказа в 1980—1990 гг. кратко представим событийную хронику межэтнической напряженности и попытаемся раскрыть ее психологическую основу в Карачаево-Черкессии, Кабардино-Балкарии, Дагестане, Чечне, Ингушетии и Северной Осетии-Алании. Здесь внимание будет преимущественно сосредоточено на отношениях между северокавказскими народами, так как взаимоотношениям между горцами и русским населением Северного Кавказа посвящена отдельная глава.

За последние годы мы неоднократно были свидетелями того, как социальная напряженность, достигнув высокого уровня, трансформировалась в межэтническую. Это происходило практически во всех регионах бывшего СССР, где были какие-то основания для развития этнических конфликтов. На Северном Кавказе эти процессы активизировались практически синхронно со всем Советским Союзом. Но как бы соблюдая имперский принцип — по старшинству, на северокавказские республики обратили должное внимание лишь после того, как отгремели события в Литве, Молдове, Грузии, Азербайджане.

Оснований для трансформации социальной напряженности в межэтническую на Северном Кавказе оказалось более чем достаточно. Этот регион, очень разнообразный по составу населяющих его этнических групп, отличается еще и тем, что плотность компактного расселения этносов здесь одна из самых высоких в мире. Скученность, сокращение дистанции между группами являются предпосылками роста интенсивности напряженности (Wright, 1990). Картина дополняется, с одной стороны, малоземельем вследствие исторически традиционного здесь дефицита равнинных территорий. И с другой — неоднократной перекройкой в недалеком прошлом национально-административных границ.

Исторические взаимоотношения разных северокавказских народов с Россией складывались не только не просто, но и не равнозначно. Это вносило напряженность и в отношения горцев между собой. Важным фактором ее роста оказались перемещения целых народов. В частности, возвращение депортированных народов в конце 1950-х гг. изменило соотношение этнических групп на территории бывшей Чечено-

Ингушетии, в Дагестане, Северной Осетии, Карачаево-Черкессии и обострило не только внутриреспубликанские, но и межреспубликанские отношения в регионе.

Катализаторами роста социальной напряженности и ее трансформации в этническую в начале 1990-х гг. оказались военные конфликты вблизи южных границ северокавказского региона — в Абхазии, Южной Осетии, Нагорном Карабахе, а потом и непосредственно на территории Северного Кавказа — ингушско-осетинский вооруженный конфликт и чеченский кризис. Кроме того из-за своего геополитического положения Северный Кавказ оказался местом столкновения интересов влиятельных соседей.

В 1990 г. был провозглашен суверенитет России. Все последующие суверенизации северокавказских республик произошли в период поощрения этого процесса российским руководством. К 1991 г. уже все республики Северного Кавказа повысили свой государственно-политический статус. Дагестан, Кабардино-Балкария, Северная Осетия превратились из автономных республик в суверенные. Стали самостоятельными республиками Чечня и Ингушетия. Вместо автономных областей утвердились новые республики — Адыгея, Карачаево-Черкессия, выделившиеся соответственно из Краснодарского и Ставропольского краев. Между республиками и внутри них обозначилась особая сфера взаимоотношений, обусловлена новоприобретенными статусами. В связи с этим приобрели актуальность межреспубликанские границы.

Подавляющая часть современных территориальных проблем порождена за годы советской власти, когда государственные границы нередко проводились произвольно, без учета этнической истории народов. В XIX в. на Северном Кавказе еще не было государственных образований. Местные народы объединялись в более или менее крупные феодальные владения, а также в «вольные» общества — союзы общин, которые находились относительно друг друга в различного рода политической зависимости и отличались подвижностью границ (Волкова, 1989).

К территориальным проблемам добавились вопросы внутренней суверенизации, то есть государственной самостоятельности народов, проживающих в одной республике, или их перехода в другое национально-административное образование. Кроме того, распад СССР и появление новых государственных границ придали некоторым национальным проблемам теперь уже межгосударственный характер. Например, объединение лезгин, большая часть которых вдруг оказалась в суверенном Азербайджане, объединение Северной и Южной Осетий, поскольку последняя также оказалась в другом государстве — Грузии.

Карачаево-Черкессия

В начале 1990-х гг. наиболее стремительно межэтническая напряженность нарастала в Карачаево-Черкессии. Карачаево-Черкесская автономная область была создана в 1922 г.; в 1926 г. — разделена на три части: Карачаевскую автономную область, Черкесский национальный округ и Баталпашинский район. Последний в 1931 г. был разделен между Карачаем, Черкессией, Ставропольским и Краснодарским краями.

Карачаевская АО просуществовала до 2 ноября 1943 г., когда карачаевцы были репрессированы и высланы в Среднюю Азию и Казахстан. Территорию Карачая поделили между Ставропольским, Краснодарским краями и Грузией. В 1957 г. Черкесская АО была преобразована в Карачаево-Черкесскую АО в составе Ставропольского края, куда начали возвращаться после депортации карачаевцы. Но восстановления Карачаевской автономной области так и не произошло.

Относительное большинство в Карачаево-Черкессии составляют карачаевцы и русские. Последние — самая многочисленная этническая группа в республике. По переписи 1989 г. их свыше 40%. Но на социальном уровне они несколько разобщены, так как распадаются на казаков и собственно русских. Карачаевцы, хотя и выделяются по численности среди горских народов республики (свыше 30%), но как репрессированные в прошлом, не имеют той силы, которая должна бы соответствовать их относительному численному превосходству. Черкесы (9%), абазыны (7%) и ногайцы (3%) вместе составляют около пятой части населения республики. Черкесы и абазыны — близкородственные народы, карачаевцы и ногайцы также родственны по языку, но культурная общность между ними выражена слабее (Смирнова, 1993, с.52). На основе перечисленных пяти наиболее крупных народов республики здесь в течение 1989—1990 гг. возникли и начали активно действовать национальные общества.

В 1990 г. Карачаево-Черкессия из автономной области Ставропольского края стала республикой в Российской Федерации. Вслед за этим в течение 1990—1991 гг. были провозглашены: Республика Карачай, Черкессия, Республика Абаза (Абазинская республика), Баталпашинская казачья республика, Зеленчукско-Урупская ка-

зачья республика. Это обострило отношения в первую очередь между карачаевцами и казаками, а также между близкородственными черкесами и абазинами. И главной проблемой стали земельные споры.

В случае создания суверенной республики Карачай, казачество Зеленчукского и Урупского районов пригрозило присоединиться со своими землями к Краснодарскому краю. Особый резонанс вызвало провозглашение Зеленчукско-Урупской казачьей республики в конце 1991 г. Именно тогда в г. Карачаевске был созван бессрочный митинг протеста против провозглашения этой республики. Несколько месяцев нарастала напряженность между русскоязычной частью населения и карачаевцами. Однако органам власти в лице «оргкомитета по стабилизации обстановки» и республиканского общества карачаевцев «Джамагъата» удалось не допустить длительного противостояния карачаевцев и казаков в форме этнически разделенных митингов. На общем сходе жители района нашли взаимопонимание (*Пчелинцева, Самарина, 1995*). Среди основных требований абазин — возврат абазинским аулам земель, отрезанных у них во времена коллективизации и других административно-территориальных изменений. Кроме того в связи с дисперсным расселением абазин ставят вопрос не только о создании абазинского национального округа, но и «своих» сельсоветов. Абазин беспокоит их ассимиляция черкесами, а также неравноправное положение при распределении административных постов (*Смирнова, 1993*).

Достаточно активно в Карачаево-Черкессии выступали и ногайцы. Здесь их проживает около 13 тыс. человек — меньше четверти всех ногайцев Северного Кавказа. Но, судя по тому, что Карачаево-Черкессия первенствовала в развитии межэтнической напряженности в этом регионе, именно здесь зародилась идея о создании на основе Ногайской степи самостоятельного национально-территориального образования. Этому способствовали недовольство ногайцев крайне запущенными социально-бытовыми проблемами и их дискриминация при решении кадровых вопросов.

Пик обострения ситуации в Карачаево-Черкессии пришелся на 1991 г., когда активно обсуждались новопровозглашенные национально-территориальные образования, проводились выборы в парламент республики, разгорелись споры о правомерности ее названия. Однако характерная для республики национальная чересполосица, относительная этнодемографическая сбалансированность горских народов при доминировании русских, много-позиционность и пропорциональность нарастания межэтнической напряженности в конечном итоге уравнивали ситуацию. В результате на общереспубликанском референдуме в марте 1992г. 76% населения республики все же проголосовали за ее сохранение, в том числе и жители районов с преимущественно карачаевским населением. Но в районах с преобладанием русского населения — Зеленчукском и Урупском, положительно проголосовали менее трети населения (*Пчелинцева, Самарина, 1995*).

Несмотря на то, что к середине 1990-х гг. межэтническая напряженность в Карачаево-Черкессии снизилась, ее мотивационная основа сохранилась в форме устойчивой аффективно-когнитивной структуры этнического самосознания: чувства ущемленности, возникшего у карачаевцев в результате репрессий, у ногайцев — на основе разделенности народа; у абазин оно связано с низким этносоциальным статусом. У последних ущемленность сочетается также со страхом этнокультурной ассимиляции.

Дагестан

Несмотря на то, что история Дагестана не знает серьезных внутренних межэтнических конфликтов, без противоречий не обходилось. Случались и военные столкновения, происходившие в основном из-за спорных пастбищ. И все же, и в досоветский, и в советский период в этой горной стране свыше 30 народов, говорящих на различных языках, достаточно мирно жили, прекрасно дополняя друг друга.

Современное состояние отношений между народами Дагестана в целом можно определить как ситуацию фрустрационной межэтнической напряженности. Но, естественно, она не может быть квалифицирована однозначно для самой многонациональной республики региона. В начале 1990-х гг. обострились наиболее болезненные области межэтнических отношений. Получили известность аваро-кумыкский спор (1991 г.), чечено-лакские столкновения (осень 1992 г.), лезгино-азербайджанский конфликт в Дербенте (1992 г.). Города Махачкала, Хасавюрт, Кизляр также стали аренами этнических конфликтов.

Ни один из народов Дагестана, хотя они существенно различаются по численности, не обладает демографическим превосходством, дающим основания почувствовать себя явным большинством и выступать в роли старшего брата. В то же время наиболее многочисленные дагестанские народы — аварцы и даргинцы составляют почти половину всего населения республики. По результатам переписи 1989 г. их было

соответственно 27,6 и 18,8%. Но высокая этническая мозаичность второй половины населения республики уравнивает относительное численное превосходство аварцев и даргинцев. Можно сказать, что все население Дагестана состоит из этнических меньшинств. Поэтому чувство ущемленности, характерное для представителей этнического меньшинства, даже самые малочисленные народы Дагестана испытывают в меньшей степени, чем горские народы других республик Северного Кавказа.

На политическом уровне этнодемографическое соотношение народов Дагестана получило адекватное отражение: квотное (пропорциональное) представительство в Народном Собрании Дагестана и паритетное представительство в Госсовете республики. Председатель и заместитель Госсовета, а также 12 его членов представляют 14 наиболее многочисленных народов республики: аварцев, агулов, азербайджанцев, даргинцев, кумыков, лакцев, лезгинов, ногайцев, русских, рутульцев, табасаранцев, татов, цахуров и чеченцев.

Внутренние политические проблемы, этнодемографическая пропорция, история отношений между народами Дагестана, психокультурные различия между ними нельзя рассматривать в качестве определяющих причин роста межэтнической напряженности в республике во второй половине 1990-х гг. Ситуацию фрустрационной межэтнической напряженности к критическим рубежам неумолимо подталкивали рост социальной напряженности и чеченский кризис. Приграничное положение Дагестана также оказало влияние на ситуацию. Из-за событий в Чечне республика оказалась практически заблокирована. С юга жесткая граница с Азербайджаном прервала важные экономические связи.

Во время войны в приграничных районах с Чечней — Хасавюртовском, Новолакском, Ботлихском — велись боевые действия, федералы обстреливали чеченские села, чеченцы отвечали. На территории Новолакского района длительное время никто не работал, люди лишились всего подсобного хозяйства, и единственным источником существования являлись пенсии и детские пособия. Для гибнущих на войне дагестанцев меры компенсации, как для чеченцев, не были предусмотрены. В марте 1995 г. заместитель председателя Народного собрания Дагестана Абакар Алиев в интервью «Независимой газете» заявил, что Дагестан находится почти в состоянии войны (Независимая газета. 1995. 2 март.). В период войны на территории Чечни, в Дагестане работали с большими перебоями или не работали вообще железная дорога, кабельные сети, линии электропередач и нефтепровода. Даже сельскохозяйственные самолеты нельзя было поднять в воздух без согласования с военными. Безработица стала одной из главных проблем Дагестана, который за короткое время из донора превратился фактически в дотационную республику (Независимая газета. 1996. 12 окт.).

В условиях ухудшения положения в экономике и социальной сфере (падение производства во всех областях, отсутствие социальной защищенности) продолжалось стихийное переселение горцев на равнину. Это обостряло отношения между кумыками и аварцами, кумыками и даргинцами, лезгинами и азербайджанцами, горцами и русскими.

Властные структуры, поддерживаемые большинством общественных и национальных движений, выступают за сохранение государственно-территориальной целостности и единства республики Дагестан {Кисриев, 1994). Дагестанцы любят повторять: «Мы

добровольно в Россию не входили и добровольно из нее не выйдем». Такая позиция отражена и в Конституции Дагестана, в которой нет упоминания о независимости и институте президентства.

Тем не менее сепаратизм как национализм этнических меньшинств проявляется также и в Дагестане. Почти треть общественных организаций, зарегистрированных Минюстом РФ, носят характер моноэтнических объединений. Такие национальные движения как «Тенглик» (кумыкское), «Садвал» (лезгинское), «Бир-лик» (ногайское) отстаивают модель территориального разделения Дагестана по этническому признаку. Именно эти народы проявляют наибольшую коллективную волю в стремлении к этнической независимости.

Достаточно рано и очень активно стали действовать кумыки, составляющие около 13% населения республики. На первом съезде Кумыкского народного движения в ноябре 1989 г. была поставлена цель — создание национального государственного образования кумыкского народа. Второй съезд (ноябрь 1990 г.) принял декларацию о самоопределении кумыкского народа. Было провозглашено образование Кумыкстана «...с охватом исторической территории кумыкского народа», который «добровольно входит в состав СССР и РСФСР» и готов объединиться в «Федерацию дагестанских государств». Третий Чрезвычайный съезд кумыкского народа состоялся в январе 1991 г. На нем был сформирован Кумыкский Национальный Совет из числа народных депутатов кумыкской национальности и представителей кумыкского движения «Тенглик», которому было поручено приступить к поэтапной реализации задач по созданию Кумыкской Народной Республики в

составе РСФСР. В дальнейшем Совет стал вести самостоятельную политическую линию, выступая с более умеренных позиций, чем радикальный «Тенглик» (см. Дагестан: этнополитический портрет. Этнополитическая ситуация в очерках и документах государственных органов. 1993. Т. 1; Дагестан: этнополитический портрет. Очерки, документы, хроника. 1994. Т. 2).

Одна из самых обостренных проблем в Дагестане — лезгино-азербайджанская. Государственная граница между Азербайджаном и Россией разделила лезгинский народ на две части. В результате около 300 тыс. лезгин осталось в Дагестане, а свыше 400 тыс. человек — в соседнем Азербайджане. Недостаточно плотно перекрытая для проникновения контрабанды и преступных элементов российско-азербайджанская граница оказалась серьезным барьером для общения разделенного народа. Из-за строгих пограничных правил из одной республики в другую не могут переправиться похоронные и свадебные церемонии, возникают большие трудности в контакте с родственниками, в товарообмене, таможенные проблемы. Азербайджанская сторона негативно относится к активной деятельности лезгинской организации «Садвал», обвиняя ее членов в организации террористических актов на территории Азербайджана.

Стоит остановиться также на проблеме ногайского народа. В республиках Северного Кавказа ногайцев около 60 тыс. человек. Из них половина проживает в Дагестане. При советской власти им так и не удалось обрести хотя бы некоторую степень самостоятельности и права на решение своей судьбы. Кизлярский округ Ставропольского края, где в основном проживали ногайцы, несколько раз передавался из Ставрополя в Дагестан и обратно, при этом мнение ногайского народа не учитывалось. После упразднения в 1944 г. Чечено-Ингушетии и образования Грозненской области, в ее состав была включена вся территория Ногайской степи. Попытка восстановить справедливость в отношении репрессированных народов в 1957 г. серьезно усугубила ногайский вопрос. В результате очередной перекройки границ часть ногайцев осталась в Дагестане, вторая — в составе Ставрополя, а третья часть — в Шелковском районе, который в порядке компенсации за Ауховский район был передан бывшей Чечено-Ингушетии и сегодня принадлежит Чеченской республике.

Главными темами курултаев ногайского народа в 1988—1992 гг. были проблемы национального самоопределения и воссоединения. На третьем съезде (1992 г.) была провозглашена Ногайская республика в составе Российской Федерации. Чечня, Дагестан и Ставрополь категорически отказались предоставить ногайцам право на отделение и образование самостоятельной области или республики. Было бы наивно предположить, что Чечня или Дагестан согласятся передать свою часть Ногайской степи в Ставрополье или друг другу.

С каждым годом все больше внимания требует к себе проблема чеченцев-аккинцев. В 1944 г. после отправки в ссылку чеченцев и ингушей один из их районов — Ауховский был передан Дагестану. Предварительно из него было депортировано около 14,5 тыс. чеченцев-аккинцев. На их места насильственно переселялись жители нескольких десятков аулов горного Дагестана — семьи аварцев и лакцев. Район переименовали в Новолакский, и он до сих пор остается в административном подчинении Дагестана. В 1957 г. чеченцы-аккинцы начали возвращаться на родину и требовать поселения на прежних местах жительства. Хотя им оказывалась соответствующая помощь (земельные участки, кредиты и т.д.), это была частичная реабилитация. Не всем желающим разрешили вернуться в родные места, не были восстановлены прежние исторические названия. Требования по полной реабилитации чеченцев-аккинцев безусловно затрагивают права и интересы лакцев, аварцев и кумыков, принудительно переселенных на эти земли и проживающих там уже более полувека.

Численность чеченцев в Дагестане стремительно увеличивалась. В 1993 г. их число превысило 62 тыс. человек (Кисриев, 1994). Пропорционально росту численности чеченцев росла также напряженность между ними, с одной стороны, и аварцами и лакцами — с другой. Она, то затухая, то усиливаясь, достигла в целом достаточно высокого уровня. Особую остроту проблема стала приобретать в связи с процессами суверенизации и милитаризации Чечни. В 1992 г. в паспортах взрослого населения чеченцев-аккинцев были проставлены штампы о гражданстве Чечни, щит-указатель при въезде в Новолакский район неоднократно заменялся щитом со старым названием и эмблемой Чеченской республики. Стало оказываться психологическое давление на местное аварское и лакское население с целью принуждения его к переселению.

Позиции сторон по поводу решения этого вопроса на начальном этапе казались в целом вполне взаимоприемлемыми. В 1991 г. подавляющее большинство лакского населения, испытывая чувство вины и признавая справедливость требований чеченцев-аккинцев, решилось на безусловно мужественный и благородный шаг — высказалось за переселение севернее г. Махачкала. Однако возможность такого решения

вопроса вызвала возражения со стороны кумыков, которые оказались против «...необдуманного заселения плоскостных земель, где традиционно проживали кумыки» (Дагестанская правда. 1991. 24 июля). Проще складывались взаимоотношения аварцев и чеченцев-аккинцев, которые испокон веков жили рядом, и ни одна из аварских семей Новолакского района не занимала дома чеченцев-аккинцев.

У республики не оказалось возможности отвода «ничьих» земель для переселения людей. В результате федеральная программа переселения лакского населения оказалась полностью сорвана (Независимая газета. 1996. 12 окт.). Лакцы, находясь под давлением чеченцев-аккинцев и вынужденные бросать обжитые дома, начали организовываться с целью отказа от переселения. По мере усиления напряженности в регионе в связи с развитием событий в Чечне, лакцы и аварцы, проживающие на территориях репрессированных чеченцев-аккинцев, стали требовать принятия мер, гарантирующих их законные интересы.

Проблему чеченцев-аккинцев в Дагестане невозможно рассматривать как вне контекста чеченского кризиса, так и вне исторических отношений между Чечней и Дагестаном. Известно, что существуют претензии Чечни на все дагестанские земли севернее реки Сулак. С другой стороны, между дагестанцами и чеченцами всегда существовало взаимопонимание и приязнь. После событий в Кизляре и Первомайском (массовые захваты заложников) была отмечена кратковременная вспышка античеченских настроений, но вскоре дагестанцы уже оправдывали чеченцев: «Горцы сами разберутся между собой», «Целый народ не может быть преступным», «Чеченцы воюют и вынуждены делать несдержанные заявления». Дагестанцы считают, что конфликты с чеченцами маловероятны. Национальные движения поддерживают чеченцев как своих братьев. В то же время печально известная «операция по освобождению заложников» в Первомайском однозначно осуждается.

Основные психологические оси межэтнической напряженности, вдоль которых наиболее вероятны политические спекуляции и обострение ситуации в Дагестане — это, во-первых, чувство ущемленности, в наибольшей степени выраженное у лезгин и ногайцев как разделенных народов, и у чеченцев-аккинцев как репрессированного народа, и, во-вторых, сложная смесь чувств ущемленности, виновности и страха у насильственно переселенных аварцев и лакцев.

Кабардино-Балкария

В 1922 г. кабардинский и балкарский народы были объединены в единое государственно-административное образование — автономную Кабардино-Балкарскую область. Ее образование расценивается сегодня представителями национальных движений республики как акт насильственного объединения (Гучев, 1992). В 1936 г. область получила статус автономной республики. После депортации балкарцев она с 1944 г. стала называться Кабардинской АССР.

С начала 1990-х гг. отношения между кабардинцами и балкарцами дважды достигали критических рубежей фрустрационной напряженности. Однако и в первом, и во втором случае руководству и общественности республики удавалось гасить конфликты. Этому в большой степени способствовало и то, что балкарский народ, в прошлом один из пяти горских общин Кабарды, значительно уступает кабардинцам и по численности, и по социальному статусу.

По переписи 1989 г. кабардинцы составляли практически половину населения республики (48,2%), русские — почти треть (32%), в то время как балкарцы представляли явное меньшинство. Их чуть более 9% — немногим больше 70 тыс. человек. Депортация свыше 40 тыс. балкарцев в Киргизию и Казахстан в марте 1944 г. даже по прошествии более полувека продолжает отражаться на их статусном положении. Ключевые позиции в республике занимают главным образом кабардинцы. Кроме того балкарцы территориально разобщены. Их удельный вес в разбросанных по территории республики населенных пунктах (за исключением одного из районов) составляет от 1—2 до 30%.

Первое обострение напряженности между кабардинцами и балкарцами пришлось на 1991 — 1992 гг. Тогда балкарцы выдвинули требования о преобразовании Кабардино-Балкарской автономной республики в Конфедерацию Кабарды и Балкарии. Съезд балкарского народа, состоявшийся в конце марта 1991 г., избрал Национальный Совет балкарского народа и принял резолюцию, в которой, в частности, говорилось о восстановлении районов Балкарии в границах, существовавших на момент выселения балкарцев в марте 1944 г. Прошедшая следом конференция кабардинского народа выразила несогласие с этим решением. А Первый съезд кабардинского народа (январь 1992 г.) принял решение «О восстановлении Кабардинской Республики» и избрал Конгресс Кабардинского Народа (Аккиева, 1994).

В ответ 8 февраля 1992 г. была в первый раз провозглашена Республика Балкария. В обращении Национального Совета балкарского народа к Верховному Совету РСФСР были перечислены основные претензии балкарцев. Среди них главная — территориальная: «Балкарским хозяйствам не были возвращены сельхозугодья, которыми они пользовались на момент их насильственного выселения, часть территории Балкарии превращена в заповедники, зоны массового отдыха, туризма и альпинизма. В пределах этих территорий балкарцам запрещено пользоваться сельхозугодьями, селиться, строить и даже обновлять жилье» (Обращение Национального Совета Балкарского народа к ВС РСФСР в связи с провозглашением Республики Балкария 8 февраля 1992 // Тере. 1992. 14). К числу территориальных проблем относится также вопрос о Баксанском ущелье (юго-западной части Эльбрусского и Нагорного районов) — той территории Балкарии, которая в 1944 г. была передана Грузии и заселена сванами.

На фоне этих событий в конце 1991 г. и в мае 1992 г. в сельской местности республики произошли локальные конфликты на почве уголовных преступлений, получивших национальную окраску. Межэтническая напряженность нарастала. Но события, связанные с деятельностью в Абхазии Конфедерации народов Кавказа, штаб-квартира которой находилась в Нальчике (арест Ю.Шанибова, возбуждение уголовных дел и преследование лиц, принимавших участие в событиях в Абхазии, а также введение чрезвычайного положения в республике) повысили социально-политическую напряженность в республике и «перевели» полюс концентрации внимания ее населения.

Урегулирование проблемы кабардино-балкарских отношений внутриреспубликанскими силами, путем принятия ряда мер по решению требований балкарского народа, определило снижение межэтнической напряженности в республике. Позитивное влияние на урегулирование ситуации оказало также создание Двухпалатного Верховного Совета на основе соблюдения принципа адекватного соотношения представительства различных национальностей в руководстве республики.

О позитивной динамике межэтнической напряженности в Кабардино-Балкарии говорят данные двух референдумов, проведенных с разницей в 3 года. Если в 1991 г. почти 95% балкарцев высказались за выделение Республики Балкария, то на референдуме в ноябре 1994 г. более 90% балкарцев отдали свои голоса за единую Кабардино-Балкарию. Лидеры балкарского народа указывают на неправомерность рассмотрения последних результатов как итога референдума. По их мнению, была нарушена процедура — не проводилось тайное голосование. Поэтому то, что было названо референдумом, может быть определено лишь как опрос (Балкарский Форум 1997, январь). Тем не менее его итоги красноречиво свидетельствуют о снижении напряженности между балкарцами и кабардинцами.

Второй раз ситуация межэтнической напряженности обострилась в Кабардино-Балкарии в ноябре 1996 г. Съезд балкарского народа вновь провозгласил создание суверенной республики Балкария, принял постановление об атрибутах государственной власти и государственных языках, учредил на переходный период высший орган власти — Госсовет (Балкарский Форум. 1997, январь).

Психологическая основа роста межэтнической напряженности в Кабардино-Балкарии — это чувство ущемленное™ балкарского народа, неудовлетворенного результатами реабилитации. Спекуляции на этом чувстве усиливают стремления балкарцев поднять свою самооценку и достоинство через повышение статуса народа.

Чечня и Ингушетия

Одной из самых взрывоопасных республик Северного Кавказа была бывшая Чечено-Ингушетия. По численности населения это вторая после Дагестана республика региона. В самом начале 1990-х гг. здесь уже были серьезно обострены отношения между титульным и русским населением. Одновременно нарастала напряженность между самими титульными народами — чеченцами и ингушами. Тенденции политической суверенизации в бывшей Чечено-Ингушетии сразу же набрали высокий темп. Уже в ноябре

1990 г. сессия ВС Чечено-Ингушской АССР под председательством Доку Завгаева приняла декларацию о суверенитете, в которой не было даже упоминания о Российской Федерации. В июне

1991 г. на Общенациональном Конгрессе чеченского народа было принято политическое заявление, что чеченская республика Нохчийь не входит ни в СССР, ни в РСФСР (Независимая газета. 1996. 13 сент.).

Первые законодательные акты Чечни, например, некоторые положения закона о гражданстве Чеченской республики (в частности, относительно того, что жители Чечни, не имеющие чеченского гражданства, будут

смещены с административных должностей) непосредственно затрагивали интересы представителей других этнических групп, причем не только русскоязычное население, но и ингушей.

Бывшая Чечено-Ингушетия с самого начала была зоной повышенного риска еще по той причине, что не лучшим образом складывались отношения с тремя ближайшими соседями. С конца 1950-х гг. на границах республики существовали три области повышенной напряженности: чеченско-дагестанская (территория Дагестана, прилегающая к Чечне), чеченско-ногайская (территориально — на стыке Дагестана, Ставрополя и Чечни) и осетино-ингушская (Пригородный район Северной Осетии). После распада Чечено-Ингушетии противоречия с осетинами стали только ингушской проблемой, а старые противоречия с Дагестаном и ногайцами на фоне российско-чеченских взаимоотношений отошли на задний план. Нередко чеченский кризис определяют не как этнический конфликт, а скорее как войну с криминальным режимом, стремящимся к легитимизации на государственном уровне. Помимо этого В.А. Тишков выделил еще несколько интерпретаций природы чеченского кризиса: как неудавшийся вариант «маленькой победоносной войны» против независимой Чечни, затеянной Центром; как заговор, имеющий мощную финансовую основу; как результат частных стратегий, мотиваций и меняющихся диспозиций, влияющих на механизм принятия решения в системе властных взаимоотношений; как проявление национально-освободительного движения чеченского народа и попытка его подавления имперскими силами. В качестве варианта последней интерпретации рассматривается так называемый «цивилизационно-этнографический романтизм», исповедуемый некоторыми учеными и зачастую заимствуемый политиками. Его суть либо «в конфликте цивилизаций», исламской и христианской, либо в несовместимости этнических систем и непонимании российскими политиками глубинной специфики российского общества (Чеченский кризис, 1995).

Но по мере разворачивания военных действий кризис в Чечне все больше превращался в войну между чеченским народом и федеральными войсками, то есть российской правящей властью. Именно после декабря 1994 г. (начала войны) Джохар Дудаев для значительной части чеченцев стал национальным символом, хотя до этого он контролировал лишь чуть больше половины Чечни.

Вне зависимости от политических интерпретаций, чеченская война — ситуация кризисной межэтнической напряженности, так как в жестоком противостоянии одна сторона совершенно определенно была организована по этническому признаку, а вторая — олицетворяла в первую очередь русский народ.

Уровень межэтнической напряженности в Чечне достиг максимальной степени насилия — кровопролитная война длилась почти два года. Россия проявила здесь себя не с лучшей стороны. Главная цель — подавление неугодного режима — совершенно заслонила права и отдельного человека, и целых народов, не только чеченцев, но и русских, погибавших в Чечне от российских снарядов.

Несмотря на то, что в 1781 г. Чечня и Ингушетия добровольно вошли в состав России, более чем двухсотлетнюю российско-чеченскую историю взаимоотношений никак нельзя назвать мирным сосуществованием. Низкий уровень этнической толерантности вайнахов по отношению к русским — это печальный результат не только современной политики России на Кавказе, но и исторического опыта взаимодействия этих народов с Россией. В этом процессе вайнахи получили серию мощных инъекций против возможной русификации. Начало их регулярных отношений с Россией оказалось по сути началом Кавказской войны, длившейся почти полвека и проходившей со стороны коренных мусульманских народов Кавказа под флагом газавата. Далее последовала полувековая колонизация Кавказа царской Россией, потом — смутное время революций и период установления в непримиримой борьбе с местными верованиями и традициями советской власти, ассоциируемой с властью русских. История вайнахов уже в рамках СССР также не могла послужить залогом укрепления отношений не только с русским народом, но и с некоторыми народами Кавказа. С лета 1922 г. по 1944 г. было проведено, в частности, 6 крупных «усмирений» чеченцев (Чеченский кризис, 1995, с.8), потом последовали беспрецедентные депортации целых народов.

Неудивительно, что идея национальной независимости, провозглашенная еще в годы Кавказской войны, так глубоко укоренилась в сознании чеченцев. И чеченский, и ингушский народы так и не удалось сломить, обуздать их независимый нрав и искоренить любовь к свободе. Опыт чеченского кризиса показывает, что именно идея освобождения остается наиболее мощной побудительной силой для чеченцев и в наше время. Она подпитывается архетипом героического прошлого сплотившегося народа, борющегося за свою свободу. Подкрепленная архетипическими мотивами, эта идея может быть настолько сильна, что становится самоцелью целого народа, вне зависимости от опыта ее конечного воплощения. Не случайно бывший начальник штаба чеченской армии, а позже президент Чеченской республики Аслан Масхадов в одном из интервью обронил

такую фразу: «Предки уже не раз побеждали Россию, но затем не знали, что делать дальше, и вновь входили в ее состав» (Сегодня. 1996. 12 сент.).

Численность населения Чечено-Ингушетии превышала миллион человек (в 1989 г. — 1,27 млн), когда она в сентябре 1991 г., после низложения Верховного Совета и отставки его председателя Доку Завгаева, прекратила свое существование. Именно с этого момента Чечено-Ингушетия фактически распалась на две самостоятельные республики. Власть в Грозном перешла в руки Общенационального Конгресса чеченского народа. Политическая активность ингушей окончательно переместилась в Назрань, где в декабре 1991 г. была провозглашена Ингушская республика, объединяющая территории Назрановского, Сунженского и Малгобекского районов.

Судьбы чеченцев и ингушей всегда были тесно переплетены. Историки считают ингушей одним из чеченских племен. Отражением языковой и культурной близости чеченцев и ингушей является общее самоназвание — вайнахи («мы—люди»). Характерно, что этноним «вайнахи» утвердился уже в период советской истории. Его введение приписывается ингушскому лингвисту Заурбеку Мальсагову, который в 1920—1930-е гг. боролся за единый для чеченцев и ингушей литературный язык, и русскому лингвисту Николаю Яковлеву, считавшему эти народы этнически очень близкими (Чеснов, 1996, с.37). Союз чеченцев и ингушей кажется очень естественным. Но жизненные ситуации всегда намного сложнее очевидных решений.

Чеченцы и, особенно, ингуши всегда стремились иметь самостоятельные пути развития. Это выражалось в том, что они компактно проживали на отдельных территориях, имели самостоятельные политические образования, разные направления и формы контакта с соседними народами (Волкова, 1974). Тем не менее по взаимному желанию руководства Чеченской и Ингушской автономных областей путем их объединения в 1934 г. была образована единая Чечено-Ингушская автономная область. В 1936 г. она была преобразована в автономную Чечено-Ингушскую республику.

Объявление Чечней своей независимости в рамках границ 1934 г. вплотную поставило ингушей перед необходимостью безотлагательного решения целого ряда территориальных, экономических, культурных и социальных проблем. После распада Чечено-Ингушетии соотношение сил и преимуществ в различных сферах жизнедеятельности сложилось не в пользу ингушского народа. На территории Чечни остались основные промышленные предприятия, административный и культурный центры бывшей совместной республики. Ингушетии практически не досталось никакой системы жизнеобеспечения, никакой промышленности. Очень тонкой была прослойка образованной интеллигенции. До 1992 г. в Ингушетии практически отсутствовали официальные властные структуры, что также не способствовало нормализации общественной жизни.

Чечня все же кое-чем поделилась. И чеченцы не забывают напоминать об этом, причем нередко в форме упрека. Руслан Хасбулатов в одном из интервью отмечает: «Некоторым представителям ингушского народа следовало бы подумать над тем, как они намереваются строить свои отношения с чеченским народом. Чеченцы задаются вопросами: "В чем мы провинились перед ингушами, чьи высокие руководители в Москве "молчаливо соглашались" с политикой, направленной на уничтожение чеченского народа?" Некоторые чеченцы прямо спрашивают: "Им мало того, что значительную часть производства Чечни перевезли в Ингушетию, перегнали строительную и сельскохозяйственную технику, огромные объемы сырья и запасов, нефтедобывающую технику и оборудование, все то, что было накоплено в республике за десятилетия". Люди задают вопрос: "Им мало того, что они самовольно захватили два чеченских района, которых не было в составе Ингушетии, когда ингуши в 1934 г. запросились войти в единую Чечено-Ингушетию?"» (Независимая газета «Жизнь», 1996, № 2(9), июнь).

На фоне политических событий 1991—1992 гг. разьединенность между чеченцами и ингушами возросла. Главные причины этого — обострение отношений из-за спорных территорий и образование Ингушетии как самостоятельной республики в составе России. В июне и сентябре 1991 г. созданный лидерами «Нийсхо» исполком депутатов всех уровней Ингушетии во главе с И.Кодзоевым без всякой законодательной базы провозгласил Ингушскую республику. В ответ Оргкомитет по восстановлению государственности Ингушетии провел в октябре 1991 г. третий Общенациональный съезд ингушского народа, который постановил: «Считать нецелесообразным восстановление ингушской государственности до полного возврата всех аннексированных в период сталинщины ингушских территорий». Согласно постановлению Верховного Совета России, в октябре 1992 г. ингушам предстояло избрать собственные органы власти и приступить к созданию независимой Ингушской республики в составе России. Однако выборы не состоялись, и конец октября стал началом вооруженного конфликта между осетинами и ингушами.

На начальном этапе эскалации межэтнической напряженности между Северной Осетией и Ингушетией Чечня поддерживала Ингушетию. По мнению Р.Хасбулатова, ингушско-осетинский конфликт начался с того, «что ингуши захотели свою республику, причем имея мощную поддержку тогдашнего первого секретаря обкома партии и председателя Верховного Совета Чечено-Ингушской республики Д.Завгаева. Этот лидер даже выдвинул требования к союзным и российским властям: "Если вы не отдадите нам Пригородный район, мы отказываемся провести референдум о единстве Союза". И не провел этот референдум, который состоялся в марте 1991 г.» (Независимая газета «Жизнь». 1996. №2(9), июнь). Впоследствии Чечня не вмешивалась в ход конфликта и признавала право ингушей на самоопределение. Но при этом четко отслеживала свои интересы. Когда российские войска, выполнявшие в регионе миротворческую функцию, продвинулись с понятными целями вглубь территории бывшей Чечено-Ингушетии, они были поставлены перед необходимостью считаться с границами между Чечней и Ингушетией по 1934 году.

Сразу же после провозглашения Ингушской республики президент Чечни Джохар Дудаев заявил, что Сунженский и Малго-бекский районы — это исторические чеченские земли. Если разделять две вайнахские республики по границе 1934 г., то Сунженский район должен остаться в пределах Чечни, как входивший именно в состав Чеченской АО. Ингушская сторона оспаривает район на том основании, что считает его историческими ингушскими территориями: казачьи станицы, возникшие здесь в 1840—1850 гг., возводились на месте ингушских и карабулакских аулов (Цуциев, 1994).

В 1992 г. Д.Дудаев силовым порядком поменял в населенных пунктах Сунженского и Малгобекского районов, где жили преимущественно чеченцы, местные власти. Позиция руководства Чечни относительно территориальных споров с Ингушетией была предельно проста. Министр печати и информации Чечни Мовлади Удугов так выразил ее в одном из интервью: «Если ингуши останутся в составе Чечни, вопрос о границах не будет поставлен, если же они отойдут к России, вопрос о границах будет решаться с Москвой» (Коммерсант. 1992. №31). Еще определеннее на этот счет высказывался Джохар Дудаев: «Как она (Россия) будет делить Чечено-Ингушетию на две республики? Конечно, отхватив кусок исконных чеченских земель для Ингушетии и, конечно, ингушские экстремисты готовы пригласить Россию на помощь в Сунженский и Малгобекский районы. Туда придут со штыками. Это война» (Московские новости. 1992. 19 марта).

Желание Ингушетии остаться в России, помимо других при-М чин, определялось и надеждой на помощь России в решении территориальных споров с осетинами и чеченцами, и соображениями I этнической безопасности. Отделение воспринималось и как возможность избежать дальнейшей этнокультурной ассимиляции, имевшей место не только вследствие близкого культурного и языкового родства, но и значительного численного превосходства чеченцев. По данным переписи 1989 г., чеченцев в бывшей Чечено-Ингушетии было в 4 раза больше, чем ингушей — соответственно 23% и 5% от общей численности населения республики. В Грозном в 1990 г. чеченцев было почти в 6 раз больше: чеченцы составляли 30,5% (121350 человек), ингуши — 5,4% (21346 человек) (Демографический ежегодник, 1990). Это — вторая сторона этнокультурной тождественности. Угроза ассимиляции в ситуации взаимодействия двух близких народов заставляет более малочисленный народ «занимать круговую оборону», например, в форме собственного государства, иногда искусственно отдаляться, чтобы сохранить себя. В противном случае он рискует раствориться в родственном большинстве.

Итак, ситуация напряженности между чеченцами и ингушами на психологическом уровне подкреплялась со стороны ингушей чувствами зависимости, ущемленности и страхом ассимиляции. Повышение статуса Ингушетии и обретение ею самостоятельности, переход от ролей второго плана, когда ингуши выступали в качестве равноправных, но «младших в семье» членов, к первым ролям, усиление этнических границ административными, — все это лишило подпитки эмоциональную основу напряженности между чеченцами и ингушами. Общий язык, который находят лидеры Чечни и Ингушетии, поддержка Ингушетией Чечни в период войны перевели ситуацию в середине 1990-х гг. с критических рубежей фрустрационной напряженности на уровень позитивных отношений.

Ингушетия и Северная Осетия

Конфликту между Северной Осетией и Ингушетией в октябре 1997 г. исполнилось 5 лет. Представляя поначалу внутриреспубликанскую проблему, ситуация напряженности все более определялась как межреспубликанская в связи с образованием Ингушской республики.

В результате национально-государственных изменений бывшей Чечено-Ингушетии конфликт между осетинами и ингушами ограничился только Ингушской республикой и Северной Осетией. Основой конфликта

явились требования ингушской общественности о передаче Ингушетии части территории Пригородного района Северной Осетии, а также правобережной части ее столицы — Владикавказа. Эти территории ингуши считают своими исконными историческими землями.

Главный объект земельных споров — Пригородный район Северной Осетии — был и остается самым многонациональным и густонаселенным в республике. По данным переписи 1989 г. на всей его территории проживало 75,5 тыс. человек, из которых 58,9% составляли осетины, 22,1% — ингуши, 15,7% — русские, а 3,3% — представители других национальностей. Ингушетией оспаривается часть земель Пригородного района, на которых, начиная с 1957 г., постепенно сложилась ситуация «этнодемографического паритета». В 1989 г. здесь проживало 28,7 тыс. осетин и 27,4 тыс. ингушей. Чересполосное расселение осетин и ингушей на этих спорных территориях ограничивает возможность радикального разрешения территориального спора в пользу одной из сторон (Цуцев, 1994).

До 1944 г. Пригородный район входил в состав сначала Ингушской автономной области, а потом Чечено-Ингушетии. После депортации чеченцев и ингушей оспариваемые ныне территории были переданы Северной Осетии. В качестве компенсации в пользу восстановленной Чечено-Ингушетии от Ставропольского края были отделены три района — Наурский, Каргалинский и Шелковской, которые в 1944 г. вошли сначала в Грозненскую область, образованную на месте Чечено-Ингушетии. После разделения Чечено-Ингушетии в 1991 г. эти территории достались Чечне. Северной Осетии были оставлены также так называемый «Моздокский коридор», оспариваемый Ингушетией, Курпский район, оспариваемый Кабардино-Балкарией и Моздокский район, который ранее принадлежал Ставропольскому краю.

За период с 1957 г. по настоящее время в истории осетино-ингушского конфликта было несколько конфронтационных ситуаций. Выделяются события января 1973 г. и октября 1981 г. Первые начались с митингов в Грозном, на которых были поставлены вопросы о судьбе Ингушетии и бывших ингушских сел на территории Северной Осетии. Причиной трагических событий октября 1981 г., произошедших на территории Северной Осетии, стал инцидент, связанный с уголовным преступлением, совершенным ингушом. Инцидент вызвал массовые выступления осетин, возмущенных его жестокостью. И в том, и в другом случае наиболее активные участники событий были обвинены в национализме, и к ним были применены различные по степени тяжести санкции. Более 10 лет после событий 1981 г. этническая напряженность между ингушами и осетинами балансировала на критических рубежах фрустрационной ситуации. В 1991 г. участились открытые столкновения — драки, перестрелки, захваты домов. С 1991 г. в Пригородном районе не снимался режим чрезвычайного положения, который был отменен только в начале 1995 г.

Переходу межэтнической напряженности в стадию открытого конфликта в большой степени способствовал также и тот факт, что Пригородный район был переполнен беженцами из Южной Осетии и внутренних областей Грузии. Так, на 1 февраля 1991 г. здесь проживало по официальным данным почти четверть (около 20 тыс. человек) от всего числа зарегистрированных в Северной Осетии беженцев. В связи с перемирием Грузии и Южной Осетии их число уменьшилось. И все же непосредственно перед конфликтом в октябре 1992 г. в Пригородном районе только зарегистрированных беженцев было около 7 тыс. человек. Они выбирали этот район для временного проживания прежде всего потому, что преимущественно здесь жили осетины из Южной Осетии и их потомки, насильственно переселенные сюда в 1944 г. из Грузии. В течение полувека целое поколение людей, вынужденных сменить место жительства, возможно никогда не покидало чувство неуверенности за свою будущность. Ведь некоторые из них занимали бывшие ингушские дома. Часть беженцев из Грузии также надеялись найти постоянное пристанище возле своих родственников. Устоявшийся демографический баланс на спорных территориях был нарушен. В период обострения ситуации в Пригородном районе именно беженцы проявили себя как наиболее активная часть населения. Не случайно по данным проведенного в 1991 г. социально-психологического исследования осетинских беженцев из Грузии наиболее болезненной проблемой для четверти опрошенных беженцев называлась опасность развития осетино-ингушского конфликта.

Только за первый месяц конфликта с двух сторон было убито 319 человек, 750 ранено, и более 65 тыс. беженцев покинуло свои дома. Для небольших по численности народов эти потери невосполнимы.

Отчетливо обозначенные территориальные противоречия между Ингушетией и Северной Осетией-Аланией, а следовательно диаметрально противоположные интересы, подкрепляются устойчивыми мотивационными структурами. Со стороны ингушей это чувства несправедливости, зависимости и ущемленности, вызревшие во взаимоотношениях и с русскими, и с осетинами, и с чеченцами. Сочетание этих чувств порождает устойчивую

эмоцию стыда. Стыд — это вторичная, «социализированная» эмоция, временно заменяющая и как бы сдерживающая базовую эмоцию гнева (см. *Sites*, 1990). Временно потому, что по мере усиления стыд трансформируется в гнев, а гнев, в свою очередь, опять порождает стыд. Эта «ловушка чувств» является одним из психологических механизмов затяжного характера напряженности между осетинами и ингушами.

Со стороны осетин это также чувство ущемленности, связанное с насильственными переселениями и разделенностью осетин границей между двумя странами — Грузией и Россией. Кроме того ущемленность сочетается с чувством вины. Вина — также «превращенная» базовая эмоция, но эмоция страха. Надо понимать, что это замаскированные базовые эмоции, которые определяют враждебность по отношению к внешнему миру и являются основой сохранения высокого уровня межэтнической напряженности. Но если у ингушей эти чувства разделяет практически весь народ, так как история почти каждой семьи повторяет историю народа, то в Осетии они в первую очередь характерны для осетин, насильственно переселенных в военные годы либо пострадавших в ингушско-осетинском или грузино-осетинском конфликте.

Анализ социально-психологических аспектов ситуаций межэтнической напряженности на Северном Кавказе показывает, что активными субъектами деятельности и взаимодействия здесь являются не отдельные республики, а составляющие их народы. Субъект межэтнического взаимодействия становится все более «первичным». Главное значение приобретают различия этнического и субэтнического уровней, а общая «кавказская» идентичность даже «не разламывается», она «крошится». Это подтверждает тезис о многосубъектности и многоуровневости межэтнической напряженности.

Выраженные тенденции к внутренней суверенизации и федерализации республик говорят о том, что каждый народ на Северном Кавказе предпочитает решать проблемы собственной этнической безопасности самостоятельно. Это соответствует общей тенденции к самоопределению, которая в последние годы становится главенствующей в мировом масштабе. На современном этапе потребность в этнической безопасности — сохранении, воспроизводстве и свободном развитии данной этнической общности как самостоятельного этнокультурного и духовного целого — для народов Северного Кавказа более значима, чем, например, объединение по политическим мотивам или на основе единого вероисповедания.

Анализ этнополитической ситуации на Северном Кавказе показывает, что, начинаясь в контексте двусторонних отношений, напряженность за короткое время охватывает многонациональное население не только непосредственно конфронтирующих республик, но и соседних с ними. Межэтническая напряженность — общая характеристика вышедшей из равновесия полиэтнической системы. На Северном Кавказе ее разрядка невозможна без комплексного урегулирования ситуации во всем регионе.

Все ситуации межэтнической напряженности на Северном Кавказе имеют вполне реальную основу — территориальные споры. Еще в начале XX в. расселение народов здесь было компактным. В результате неоднократных переделов границ, административных преобразований и переселений народов чересполосица стала характерной чертой Северного Кавказа. В то же время здесь существует выраженная тенденция к моноэтничности.

Несовместимость взаимных претензий, «своя историческая правда» для каждой конфликтующей стороны, недопустимость локального решения любой территориальной проблемы определяют невозможность решения земельных споров в ближайшем будущем. Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе подтверждает известный тезис о том, что не существует демократических путей определения территориальных границ.

Важной мотивационной основой сохранения и усиления межэтнической напряженности на Северном Кавказе являются чувства зависимости и ущемленности. Они сочетаются и взаимодополняют друг друга, образуя главную психологическую ось напряженности. Многоступенчатая национально-административная система власти — подчинения породила устойчивое чувство несправедливости и неполноценности у меньших по численности народов. Ущемленность в той или иной степени свойственна всем кавказским народам: уход в махаджирство (насильственное выселение) после кавказской войны XIX в., расказачивание, раскулачивание в эпоху гражданской войны и коллективизации, ссылки и насильственные переселения в период Отечественной войны. Даже относительно обласканные советской властью осетины указали, что они испытывают обиду за свой народ. Понятно, что другие народы Северного Кавказа имеют больше оснований для обид.

По мнению СААрутюнова, за вычетом трех наций Закавказья, образовавших свои независимые государства, весь Кавказ — «...это регион, где каждый считает себя меньшинством, где каждый найдет достаточно оснований, с одной стороны, утверждать величие своего этноса, даже численно маленького, с другой — сетовать

на незаслуженную ущемленность - социальную и правовую территориальную и экономическую, культурную и языковую, которую ныне этот этнос испытывает» (Арутюнов, 1995, с.21). Не случайно самым популярным неологизмом на бытовом уровне межэтнических отношений здесь является слово «нацмен», что не только обозначает принадлежность к «национальному меньшинству» но и конкретизирует ее: «нацмен» - это человек нерусской национальности.

НОСИИ.

Глава 11. Общая этичность и

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ УНИВЕРСАЛИИ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ НАРОДОВ

«Почему люди следуют за большинством? Потому ли, что оно право? Нет, потому что сильно. Почему следуют стародавним законам и взглядам? Потому ли, что они здравы? Нет, потому что общеприняты и не дают прорасти семенам раздора». Так отвечал Блез Паскаль на сложные вопросы, которые не перестают мучить человечество на каждом новом витке его истории. За каким большинством пойдут народы Северного Кавказа? Что психологически объединяет это большинство и в чем его сила?

Геополитическое положение республик Северного Кавказа позволяет рассматривать проживающие в них коренные народы как единую систему этнических групп. Однако у северокавказских народов не только тесно взаимосвязанные исторические пути развития, общность географического расположения и специфическое место в системе межрегиональных взаимодействий. Они обладают общей этничностью, той сложной смесью менталитета и культуры, которая не только характеризует какой-либо народ, но и объединяет его, и отличает от всех других сообществ.

Главная основа северокавказского единства — историко-генетическое, этнокультурное, бытовое и нравственное родство. Это позволяет говорить об общекавказской солидарности и существовании здесь определенного культурно-исторического и психологического типа личности. Попробуем выделить психологическую квинтэссенцию этого единства и ответить на вопрос: увеличивает ли оно шансы социально-политического и психологического объединения и размывания этнических границ между народами Северного Кавказа? Такой аспект анализа, естественно, не отрицает существования культурных, языковых, религиозных и других различий между северокавказскими народами. В этничности народов Северного Кавказа господствуют два айсберга. Первый — остатки неистребимого горского менталитета, формировавшегося многие века. С момента Кавказской войны он подвергнулся систематическому разрушению со стороны России. Второй — советский менталитет, которому горские народы оказались подверженными в разной степени. Успех «русификации», а потом «советизации» зависел от силы сопротивляемости горской психологии чужеродным внешним воздействиям. Соответственно, чем выше в горы, тем меньше степень ассимилированности кавказцев русской и советской культурами.

Кавказцы любят называть себя горцами. Горы оказывают влияние на весь образ жизни народов, в том числе и на их психологию. В зависимости от происхождения и места проживания среди северокавказских народов можно выделить собственно горцев (население гор и предгорий) и население равнины. В настоящее время это разделение в определенной степени условно. Но чеченский кризис, в частности, показал очевидность психологических различий между представителями «жестких» горных тейпов и «мягких» равнинных.

Исторически жители гор всегда находились в экономической и социальной зависимости от жителей равнины, имеющих более выгодные условия для хозяйствования (Арутюнов, 1990). Эта зависимость, например, ярко проявилась в языковой сфере¹⁵. В соответствии с принципом вертикальной зональности распространения двуязычия и многоязычия на Кавказе, впервые описанным Л.И.Лавровым, жители горных ущелий чаще знали языки жителей предгорий и равнин. Так, горцы Балкарии нередко владели языком коренного населения степной Кабарды. Лезгины нередко знали азербайджанский язык, рутульцы, обитающие выше лезгин, знали азербайджанский и рутульский, цахуры, живущие еще выше, чем рутульцы, часто владели азербайджанским, лезгинским и рутульским языками (Лавров, 1989). Закономерности такого рода остались и в настоящее время, хотя место языка-посредника давно принадлежит русскому языку.

¹⁵ На Северном Кавказе существуют три языковые группы: кавказская языковая семья (дагестанские языки, адыго-абхазские (черкесы, кабардинцы) и нахские языки (чеченцы и ингуши)); тюркоязычные народы алтайской языковой семьи (близкородственные балкарцы и карачаевцы, а также ногайцы) и ираноязычные осетины индоевропейской языковой семьи.

Ученые находят и другие связи между природными и социальными параметрами. С.А.Арутюнов отмечает их плавное изменение по оси с северо-запада на юго-восток — от равнин в сторону гор.

С одной стороны, «...падает увлажненность и плодородность почв, количество пахотных земель, снижается облесенность и нарастает гористость и изрезанность рельефа. Вместе с тем нарастает давность и влияние ислама, падает уровень общей урбанизации и европеизации, падает и доля русских в составе населения (от 70% в Адыгее до менее 9% в Дагестане). С некоторыми исключениями в целом в этом же направлении возрастает этническая мозаичность. А с нею — реальная и потенциальная этническая напряженность» (Арутюнов, 1995, с.22).

С природными параметрами безусловно связаны и психологические характеристики северокавказских народов. Но здесь мы не будем останавливаться на различиях между горными и равнинными жителями Северного Кавказа. Это тема специального исследования. Мы рассмотрим те психологические особенности, которые, на наш взгляд, характерны для всех северокавказских народов.

Г.Лебон писал, что основные черты народа проявляются в ситуациях его общего недовольства и беспокойного состояния (Лебон, 1995я). Таковыми как раз являются ситуации межэтнической напряженности. В них актуализируются те качества народа, которые закрепились в процессе его исторического развития как наиболее адаптивные способы поведения и внутри группы, и вне ее. Перечень этих качеств определяется на основе совокупности психологических универсалий, рассматриваемых нами как основные дилеммы, организующие мотивацию социального поведения личности в северокавказских культурах и определяющие личностный выбор в проблемных ситуациях. Это шесть психологических универсалий: «радикализм—умеренность», «андроцентризм (маскулинность)—феминизм», «закрытость—открытость», «регламентированность—дискретность», «общинность (коллективизм)—индивидуализм», «традиционализм—модернизм».

В них в концентрированном виде заложены перцептивные схемы и поведенческие модели, определяющие особенности восприятия и взаимодействия в повседневной жизни (включая и конфликтные ситуации) народов Северного Кавказа как между собой, так и с членами других этнических групп. Представления об этих схемах и моделях составляют важную часть общей этничности северокавказских народов. Эти представления взаимодействуют с установочными образованиями и образуют конативные (поведенческие) структуры этничности, которые задают способы внутригрупповой организации и мобилизации группы в ситуациях межэтнической напряженности. Северокавказские культуры в континууме этих универсалий тяготеют к первому полюсу. В связи с этим их можно охарактеризовать скорее как радикальные, андроцентрические, замкнутые, регламентированные, коллективистские и традиционные.

Традиционализм

Критериями традиционализма для нас являются: устойчивость традиционных социальных институтов, сила связи с прошлым, сопротивление переменам. Большинство северокавказских культур относятся к типу трудно модернизируемых, их характеризует стремление к сохранению привычного жизненного уклада.

Этносоциологические и социально-психологические исследования всегда фиксировали высокую значимость традиционного культурного компонента для самосознания народов Северного Кавказа.

Резкие трансформации их традиционной сферы начались с конца XVIII в. Стадии кризиса традиционных общественных институтов совпадали с этапами колониальной политики царизма. Пик пришелся на 1820—1850-е гг. Многие традиционные общественные институты сознательно разрушались. В качестве примера можно привести указ 1822 г., в соответствии с которым всем кабардинским князьям и дворянам запрещалось «...отдавать детей своих на воспитание к чужим народам». В результате были разорваны аталыческие связи кабардинцев с кавказскими народами, что явилось мощным ударом по институту аталычества и по связям народов Кавказа между собой. Уже в 1860-х гг. этот институт окончательно уходит в прошлое (Смирнова, 1989).

Активное возрождение на Северном Кавказе традиционных социальных институтов свидетельствует о тяготении северокавказских культур к прошлому. Связь с ним активно осуществляется посредством религии, которую С.Московичи назвал способом воскрешения коллективной памяти (Московичи, 1992, с.84). Все возрождающиеся обычаи, традиции, праздники имеют, как правило, религиозный характер, определяемый синтезом православия или мусульманства с местными верованиями. Например, традиционный праздник первой борозды у абазин, старинный праздник Святого Хетага у осетин, празднование Сабантуя у ногайцев и др.

Возвращается национальная и мусульманская атрибутика в одежде (все чаще покрыты головы, более строгая одежда у женщин). Новорожденных, как правило, называют национальными.

именами. С целью пропаганды традиционной национальной культуры в Северной Осетии-Алании создаются ныхасы (народные советы) всех уровней. Возвращение к традициям и обычаям предков подчеркнуто демонстрирует молодежь Северного Кавказа. Причем нередко популярность обретают такие отжившие и неадекватные сегодня обычаи как, например, «умыкание» (похищение) невесты.

На бытовом уровне в качестве одобряемого поведения принимаются поведенческие модели, наиболее приближенные к общечеловеческим ценностям и нормам. Это определяет высокий эгалитаризм северокавказских народов и следовательно, широкие возможности адаптации на Кавказе человека любой национальности. Не случайно русскоязычное население республик всегда стремилось следовать общему традиционному порядку жизни и перенимало обычаи коренных народов, особенно в сфере групповой взаимоподдержки.

В то же время еще в начале XX в. на Кавказе разрешение наиболее острых конфликтных ситуаций осуществлялось на основе обычая кровной мести, свято соблюдавшемся в прошлом многими народами. Это достаточно развернутая поведенческая модель, центральный компонент которой, на первый взгляд, — насилие. Антропологические исследования показывают, что этот обычай, как правило, был характерен для горских народов всего мира (Иванова, 1989; Boehm, 1984). Это результат «...воинской организации социальной жизни в изолированных районах» в условиях постоянной угрозы со стороны внешнего мира (Boehm, 1984). В таких обществах убийство на почве мести становилось поведенческой нормой, являющейся одновременно и формой защиты независимости, и способом сохранения достоинства семьи и рода. На Северном Кавказе обычай кровной мести не изжил сам себя исторически, а был запрещен советской властью в конце 1920-х гг. В 1990-х гг. на Северном Кавказе каждый горец, потерявший в конфликтах и войнах своих близких, становится страстным апологетом кровной мести. Возможность объяснить через «кровную месть» трагические масштабы человеческих потерь на Северном Кавказе определила популярность этого обычая среди политиков и журналистов. Идеология «кровной мести», «цены крови» как способа рационализации агрессивности и враждебности по отношению к другой группе охотно развивается и местными элитами. Создается впечатление, что в конфликтных зонах на Северном Кавказе к «кровной мести» начинают апеллировать целые народы для оправдания агрессивного поведения «ответного» характера. Однако наши эмпирические данные свидетельствуют о том, что для современных кавказцев «норма возмездия» или «ответная агрессия» вовсе не является доминирующей поведенческой установкой. Например, для ингушей и осетин уровень «ответной агрессии» не превышает аналогичный показатель, полученный для народов других республик России, у которых в прошлом никогда не практиковался обычай «кровной мести» (см. раздел III, глава 14).

Второй стороной института кровной мести был комплекс примирения кровников. На его основе выполнялась важнейшая функция этого обычая, предполагающая не насилие, а договоренность и доверительность конфликтующих сторон. Детальная разработанность комплекса примирения, строгая последовательность действий отражает главенствование этой стороны «кровной мести». Это означает, что традиционные механизмы регулирования конфликтных ситуаций, предполагающие насилию четкую альтернативу — мирный договор, издавна являлись неотъемлемой частью менталитета северокавказских этносов. Традиционные формы примирения кровников были регуляторами конфликтных ситуаций в эпоху господства обычного права и в настоящее время безнадежно устарели. Деятельность медиаторских судов старейшин для разрешения групповых конфликтов в 1940—1950-х гг. в Абхазии, в 1960—1970 гг. в Чечено-Ингушетии и Северной Осетии, в 1990-х гг. в Дагестане и между Ингушетией и Северной Осетией оказалась не эффективной. На уровне современных социальных институтов, регулирующих отношения между народами, прямое обращение к традициям адата и примирению по шариату выглядят нелепо. Разве можно сегодня серьезно говорить об искусственных браках между враждующими семьями, о взятии на воспитание ребенка из семьи «врага», о неизбежности примирения после прикосновения кровника к груди матери убитого? Хотя некоторые стороны старого примиренческого обряда могут быть актуальны и сегодня (Гостиев, 1996). В первую очередь принцип индивидуального подхода, который определял деятельность третейского суда — примирялись отдельные фамилии, отдельные аулы, наконец отдельные люди. Именно с «низов» — через конкретных людей, через фамилии должна проводиться на Северном Кавказе работа по снижению роста межэтнической напряженности.

Закрытость (замкнутость)

Неутраченная бытовая традиция всегда обеспечивала какой-то запас закрытости по отношению «к чужим». Но под закрытостью имеется в виду не просто изоляция от внешней среды. В качестве критерия закрытости культуры рассматривается высокий уровень стабильности традиционных моделей поведения и внутригрупповых взаимоотношений в сочетании с интенсивностью социального и человеческого обмена и связей с внешней по отношению к данной культуре средой. С этой точки зрения северокавказские этносоциальные системы больше закрыты для внешних влияний, чем открыты. Даже, несмотря на устойчивые и нередко интенсивные контакты с другими культурами, кавказцы скорее стремятся приспособить к себе и ближнюю, и дальнюю среду, чем меняются сами.

Нередко горцы сохраняют свой стиль жизни вдали от родины, хотя новые условия позволяют развить другие качества. Например, такие северокавказские народы, как чеченцы и ингуши после их возвращения на родину нередко были вынуждены следовать стилю жизни отходнического типа и подрабатывать за пределами собственной республики, где для них не хватало рабочих мест и жилья. Для этих народов был обычен ранний уход младших сыновей из семьи. Не случайно самая большая диаспора среди северокавказских народов у чеченцев — до 400 тыс. человек в разных регионах бывшего СССР. Такой образ жизни определил накопление у этих жизнестойких и адаптивных народов опыта частной инициативы и развитие навыков предпринимательства. Кавказцы раньше многих взялись за торговлю, посредничество, коммерцию. В результате они оказались хорошо подготовлены к смене экономических отношений. Яркое выражение этот опыт приобрел в начале 1990-х гг. и выразился в пике могущества чеченского криминального клана в Москве. В это время чеченцы стали лидерами во многих областях криминального бизнеса (*Модестов*, 1996). Однако этот бизнес делался по-своему, в соответствии с традициями чеченской общины.

Географическая обособленность горных районов Северного Кавказа, их ограниченная доступность в связи с отсутствием дорог, превращающаяся в абсолютную недоступность в зимних условиях, помогли сохранить на сравнительно небольшой территории многообразие языков и культур. Некоторые особенности исторического развития народов Кавказа также связываются с географическими условиями. Например, медленное изменение общественных отношений и замедленный процесс внутриэтнической консолидации (*Уарзиати*, 1990). Еще в 1926 г. в соответствии с переписью вместо одной этнической группы Дагестана — той, которая представляет сегодня современных аварцев, тринадцать этнических групп, говорящих на различных андо-цезских языках, выделяли себя как самостоятельные народы. Искусственное укрупнение этнических групп еще более подчеркнуло многоуровневость и иерархичность идентичностей народов Северного Кавказа. М.Магомедов отмечает: «Житель селения Риквани в Дагестане, говорящий на рикванинском говоре андийского языка, среди андийцев называет себя рикванинцем, в общеварском обществе — андийцем, в общедагестанском — аварцем, вне пределов Дагестана — дагестанцем» (*Магомедов*, 1994, с. 14). Вне Кавказа он считает себя кавказцем.

«Закрытость» северокавказских культур определяется жесткими традиционными условностями и запретами, кланово-родовой системой (например, тейповая структура в Чечне и Ингушетии, тухумы в Дагестане), а также религией. Так, например, мусульмане, проживающие в мусульманской среде, менее подвержены ассимиляции другими культурами. В этом случае даже оторванность от своего этноса имеет меньшее значение. Сравнение двух кабардинских сел в Курпском районе Ставропольского края показывает, что в селе, где мусульманская вера была не утрачена, лучше сохранилась национальная культура.

Несмотря на ссылки и гонения, а может быть в определенной степени и благодаря им, наиболее сохранили свой язык и этнокультурную самобытность те народы, которые были депортированы в сталинские годы. Семейно-бытовая сфера чеченцев и ингушей практически была закрыта от проникновения билингвизма (*Заурбекова*, 1987). Они также сохранили высокую этнокультурную гомогенность, которая в современной социально-политической ситуации возрастает за счет резкого усиления эндогамных тенденций (приверженности однонациональным бракам) во всех регионах Северного Кавказа. Менее защищенными оказались православные осетины, этнос которых был с XVIII в. открыт для русских. Культура осетин была наиболее подорвана интенсивным проникновением так называемой «социалистической культуры». В то же время северокавказские культуры всегда были доступны для «других» — представителей кавказских и некавказских народов. Многие иноплеменники (кумыки и другие дагестанцы, персы, грузины, евреи, турки) становились основателями тейпов в Чечне (*Чеснов*, 1996). Прекрасно прижилось на Северном Кавказе казачество. До современных конфликтов здесь вполне довольны были своей жизнью русские, которые массово переезжали на Кавказ в годы индустриализации страны. Сами горские народы считают свои культуры

открытыми для общения и взаимодействия. Почти 90% опрошенных нами осетин назвали «открытость» вместе с «сердечностью» и «миролюбием» в числе качеств наиболее характерных для своего народа. Более 70% русских респондентов, проживающих в Осетии, также считают осетинскую культуру открытой. Безусловно, русский и другие народы приходили на Кавказ со своей культурой и своей психологией. Но, попадая, с одной стороны, под обаяние кавказской романтики сильных людей и мужских отношений, а с другой — в строго регламентированную и традиционную среду, они скорее переделывались сами, чем пытались изменить существующий порядок.

Регламентированность

Критерии регламентированности — это жесткость регулирующих и запретительных стандартов общества, определенность и консерватизм культурной жизни. Более регламентированная культура — это всегда сильное суперэго и следовательно повышенный уровень стресса. В ней не особенно приветствуются расхождения во мнениях и ненормативные поступки. Ее представители стремятся избегать неопределенности, а девиантное поведение нередко порождает с их стороны агрессивность.

Северокавказские культуры представляют собой скорее жесткие и «плотные», чем дискретные и гибкие системы, хотя каждый народ занимает свою, отличную от других, точку вблизи полюса регламентированности.

Отношение к человеку на Северном Кавказе регламентируется в соответствии, во-первых, с его принадлежностью к клановому, родовому или семейному дереву, во-вторых с его статусом, в-третьих, с его возрастом. Эти три момента — иерархии, власти и старшинства жестко определяют границы одобряемого поведения.

Внутренняя иерархия кланово-родовых отношений, свойственная северокавказским культурам и в наши дни, свидетельствует об их авторитарности, опирающейся на традиционный патриархальный менталитет. Власть общины, рода нередко ассоциируется властью государственных (республиканских) структур и порождает патерналистские ожидания в отношении новых властей. «Уважение к власти» назвали характерной чертой своего народа более 80% опрошенных нами в 1994 г. осетин. В прошлом значимость статусных отношений была не одинакова у разных народов Северного Кавказа. Наиболее развиты они были в Кабарде, где, например, право кровной мести определялось статусом в феодальной иерархии — кровная месть не могла быть обращена против вышестоящего лица (*Кажаров, 1994*).

Культ старших — одна из характерных особенностей северокавказских народов. Уважение старейшин своего народа проецируется на старейшин других народов. Советы старейшин существуют в некоторых северокавказских республиках. Их деятельность особенно важна при урегулировании конфликтных ситуаций между народами Северного Кавказа. В половозрастных отношениях высоко значимыми внутрикультурными ценностями являются такие качества как послушание, конформизм, покорность.

Консерватизм северокавказских культур определяется их высокой приверженностью к традиционным укладам, устойчивой межпоколенной связью и преемственностью. Свойственная им некоторая инерционность заставляет рассматривать их скорее как застывшие (персистентные), чем динамические культуры. Известно, что феодальные отношения на Северном Кавказе развивались более медленными темпами, чем, например, в Закавказье и переплетались с патриархально-общинными отношениями. В советской историографии общепризнано, что ко времени присоединения Северного Кавказа к России (середина XIX в.) горские народы стояли на разных уровнях феодального развития. Дальше других по пути складывания феодальных отношений продвинулись кабардинцы. Некоторые авторы считают, что в Чечне в XVIII в. еще встречались рабовладельческие реликты. У чеченцев эта особенность менталитета проявилась в наши дни. Шамиль Басаев в интервью корреспонденту «Независимой газеты» так выразил свое восприятие многочисленных фактов использования чеченцами военнопленных в качестве рабов: «У чеченцев такой закон — пленный является частной собственностью. Многие это воспринимают как дикое средневековье, как рабство. Нет, это не рабство! Они едят то же, что мы едим. Некоторые сами поймали пленных, некоторые купили, некоторые, вот как сейчас пришел просить человек, получили в подарок. Я уже свыше 200 человек отдал просто так. Солдатским матерям, чеченцам из разных диаспор» (*Независимая газета. 1996. 21 янв.*).

Северокавказские культуры — высококонтекстуальны. Все происходящее в них имеет свой особый смысл. Внешняя сторона жизни полна условностей. Она несет много информации. А это в свою очередь порождает устойчивые ожидания. Свой культурный смысл имеют не только ритуальные формы поведения, но и бытовое поведение. Особое значение имеет регламентированность и прочность бытовых поведенческих стереотипов.

Это определяет этику следования правилам, а не этику подчинения, что как раз, по мнению Эрнста Геллнера, позволяет избежать дилеммы либо принять внешнюю культуру, либо «придерживаться фольклорного популизма» (Геллнер, 1992).

Еще одной стороной высокой «контекстуальное™» северокавказских культур является важность различий между членами своей группы и «другими», между поведением внутри группы и вне ее. Здесь существует двойной стандарт: за пределами группы любые действия, не приносящие ей ущерба, могут не рассматриваться как предосудительные. Внутри группы одобряется однозначность действий. Этому способствуют этикеты северокавказских народов — совокупность норм, правил, регулирующих поведение человека в любой ситуации от рождения до самой смерти. Этикет предотвращает возможные конфликты, так как определяет соответствие между действиями и смыслом этих действий и таким образом маскирует личное отношение человека к ситуации или к партнерам. Требования традиционного этикета полнее соблюдаются во время ритуальных собраний (свадьба, похороны) и на людях.

Этикеты — важные способы регламентации северокавказских обществ. Детальную регламентацию адыгского этикета рассматривает в своих работах Б.Х.Бгажноков. Например, один из принципов адыгского этикета — рассмотрение поля общения с точки зрения «почетное—менее почетное». Это касается не только отношений между людьми, но и сторон света в жилом помещении, и правил разделки и распределения пищи (Бгажноков, 1983). В любой ситуации предполагается определение иерархии присутствующих, а значит прав и обязанностей участников. В современной жизни, как и в прошлом, этикеты выполняют объединяющую роль. Например, активно возрождаемый сегодня Адыга хабза (адыгский этикет) является важной основой объединения разрозненных черкесов Северного Кавказа. Не случайно на Северном Кавказе существуют такие понятия как «че-ченство», «абхазство» и др. Они символизируют совпадение образа жизни с традиционными нормами поведения. Различаясь в деталях, этикеты северокавказских народов пересекаются по главным поведенческим нормам. Поэтому с полным основанием можно говорить об общем кавказском этикете.

Общинность

Общинность мы рассматриваем в числе психологических универсалий социокультурной размерности «коллективизм—индивидуализм». Основными критериями общинности как ориентации на группу являются: подчиненность группе и зависимость от нее, важность одобрения со стороны группы, наличие внутригрупповой поддержки, господство вертикальных, межпоколенных связей, выраженность Мы-идентификации. На основе этих критериев северокавказские общества можно определить как коллективистские.

Общинность как характеристика северокавказских народов — это результат их внутреннего структурирования по кланово-родовому принципу. Она придает им основательность и прочность. Известно, что длительное время у большинства северокавказских народов сохранялись следы племенного деления, на базе которого формировались этнотерриториальные общности (например, жители различных ущелий). И до сих пор здесь в общественной жизни и в быту в большей или меньшей степени сохраняются следы патриархального уклада, особенно отчетливо проявляющиеся в патронимических отношениях. Как яркое выражение общечеловеческой потребности в групповой принадлежности, клановость в первую очередь предполагает высокую преданность и привязанность к своему роду и семье. Деление на кланы, выполняя, по словам Л.Гумилева, «функцию скелета этноса» (Гумилев, 1990), регулирует как отношения отдельных представителей, так и родовых или семейных коллективов между собой. Это всегда был один из универсальных принципов поддержания единства у всех северокавказских народов.

Семейные родовые связи переплетены с соседскими, куначескими отношениями и с отношениями, порожденными некоторыми формами искусственного родства. Поэтому в качестве структурной единицы кланово-родовой системы на Северном Кавказе нужно рассматривать сообщества людей, объединенных тесными кровнородственными (естественными или искусственными), соседскими и куначескими связями. В настоящее время консолидация этносов на Северном Кавказе продолжает осуществляться «снизу вверх» и имеет в своей основе достаточно четкую кланово-родовую структуру. Это становится особенно заметным в условиях межэтнической напряженности.

Современная социально-политическая ситуация на Северном Кавказе еще более актуализирует общинные отношения у всех народов. По мере роста межэтнической напряженности усиливаются внутриэтнические эмоциональные связи, внутригрупповая кооперация, круговая порука и взаимоподдержка, возрастает чувство этнической общности, а собственная группа в системе ценностей выдвигается на первый план. Ориентация на

группу становится важной частью групповых систем психологической защиты в ситуациях межэтнической напряженности. И особенно у горских народов. Доказательством этого явилось доминирование среди осетин аллоцентрических личностей, нуждающихся в групповой присоединенности. Причем среди русских жителей Северной Осетии-Алании число аллоцентрических личностей было в 2 раза меньше. Эти различия хорошо видны на гистограмме (см. рис. 15), где представлено соотношение этноаффилиативных и противоположных им тенденций — показателей ассоциированности и диссоциированности с группой среди осетинского и русского населения республики Северная Осетия-Алания. Кроме того в ситуациях межэтнической напряженности активизируются механизмы этнического самоопределения — практически каждый человек, проживающий сегодня на Северном Кавказе, вынужден проявить свое «коллективное» национальное лицо, а значит, встать на чью-то сторону.

Проявления коллективизма связаны с особенностями внутреннего строения этнической группы. Г.Триандис подчеркивает значимость числа подгрупп внутри группы: чем их больше, тем уже влияние коллективности как размерности, которая сплавляет и организует всю группу целиком (*Triandis, Leung, Villareal, Clack*, 1985). В разных культурах Северного Кавказа складывается своя «внутренняя» ситуация. Сравним с этой точки зрения осетинскую и чеченскую культуры. В Чечне существовавшее всегда четкое разделение общества на тейпы и вирды было усилено в 1990-х гг. вооруженными структурами. Чеченское общество всегда было как бы «негосударственным». У чеченцев существовали традиции проведения народных собраний, но у них, например, никогда не было царя. Проблема консолидации для них значима не только сейчас, но и была актуальна всегда. У.Лаудаев, чеченец по» происхождению, писал в 1872 г., что «общество чеченского племени, состоя из множества фамилий, искони враждебных между собою, чуждо единодушия. Таким образом, назрановцы были непримиримыми врагами чеченцев на плоскости и на Тереке; они грабили и убивали друг друга; также шатоевцы нападали на Надтеречных чеченцев, эти же, мстя им, похищали у них людей и продавали их в ясыр (неволю) на запад Кавказа. Ауховцы более близки с кумыками, а назрановцы с осетинами и кабардинцами, нежели с единоплеменными чеченцами. Из этого неединодушия чеченских обществ проистекала ничтожность политического значения их страны» (*Лаудаев*, 1993, с.157).

У осетин только в начале 1990-х гг. стали повсеместно реанимироваться широкие родовые связи, потерявшие былую значимость в период социализма. Они безусловно поддерживались и раньше, но не были главной опорой официальной власти. Основой разделения осетинского общества было и остается «горское» происхождение (жители различных ущелий — куртатинцы, ала-гирцы и др.) и на более общем уровне — диалектное разделение (дигорцы и иронцы — жители Северной Осетии, кударцы — жители Южной Осетии).

Глубокая внутриэтническая структурированность северокавказских обществ существенно снижает возможности их консолидации. Элиты республик серьезно озабочены развитием единого национального самосознания.

Андроцентризм

Северокавказские культуры можно обозначить как андроцентрические, т.к. в значительной степени они ориентированы на мужчин. В благополучные времена трудно было найти мужчину, которому бы не понравилось на Кавказе. Мужчины безусловно здесь главные действующие лица. В патриархальных обществах Северного Кавказа им всегда принадлежали все активные роли.

История Северного Кавказа не содержит большого числа особо выдающихся женских имен. И это вовсе не потому, что здесь не было неординарных представительниц слабого пола. Границы одобряемого женского поведения жестко ограничивались культурами. Женщинам отводились функции, которые еще в начале XX в. строго определялись домашним хозяйством. Особенно регламентировалось поведение женщин в мусульманских культурах. И хотя им в той или иной степени удалось разомкнуть этот круг, устойчивое соотношение в общественной жизни подавляющего большинства «активных» мужчин и подавляющего большинства «пассивных» женщин сохранилось и сегодня.

Например, об отношении к женщине в политике можно судить по итогам выборов в органы власти. Среди депутатов от северокавказских республик, выбранных в Государственную Думу и в Федеральное собрание Российской Федерации 12 декабря 1993 г., не было ни одной женщины. Среди 71 парламентария, выбранных в Северной Осетии-Алании 26 марта 1995 г., оказалась только одна женщина. Причем в этой республике в сравнении со всеми остальными северокавказскими республиками с мусульманскими традициями, в 1993 г.

было отдано наибольшее количество голосов за общественное движение «Женщины России». Если раньше при советской власти срабатывали принципы спущенной сверху «половозрастной» разнарядки и соответственно избиралось определенное количество женщин в органы власти, то в условиях демократизации северокавказских обществ берут верх исконные механизмы их саморегуляции.

Еще Маргарет Мид показала, что биологическая природа не определяет автоматически социальные роли мужчин и женщин (Mead, 1935). Выживание народов в суровых кавказских горах требовало четкой регламентации поведения каждого члена общества. Отсюда жесткая дифференциация половых ролей. Статус женщины в семье и обществе в начале XX в. определялся патриархально-феодальным порядком, законами адата и шариата. Для внутрисемейных отношений народов Кавказа в прошлом были характерны авторитарная власть главы семьи (старшего мужчины в доме), строгое подчинение младших старшим, иерархизация статусов членов семьи, зависимое положение женщины в доме, строгая половозрастная регламентация труда, соблюдение обычаев избегания (Пче линцева, Соловьева, 1994). Последние определяли сдержанные эмоциональные отношения в семье.

Матери принадлежала основная роль в воспитании детей обо его пола до 6—7 лет, особенно в малой, нуклеарной семье. Значительна была роль старшей женщины, которая выполняла в большю многопоколенных семьях организаторскую, хозяйственную и воспитательную функции (Гостиева, 1994). Одна из важнейших функций женщин у северокавказских народов — сохранение и передача традиций. В значительной степени благодаря природному консерватизму женщин и стремлению к сохранению семьи и родственных связей остались действенными многие положительные обычаи на Северном Кавказе — уважение к старшим, обязательные проявления заботы о стариках, гостеприимство, взаимопомощь. В силу таких особенностей женщины оказываются значимой стабилизирующей силой для консолидации народов и сохранения этнических границ между ними. В частности, они чаще, чем мужчины предпочитают делать выбор в сфере неформальных связей по этническому критерию. Например, осетинки при выборе друзей и предпочитаемых брачных партнеров для своих детей более склонны, по сравнению с мужчинами или русскими женщинами, ограничивать неформальный круг общения рамками своего народа. Многие семейно-бытовые традиции сохранялись у народов Северного Кавказа до 1950—1960-х гг. В мусульманских культурах Северного Кавказа границы эмансипации женщин раздвинулись в наименьшей степени. Современные тендерные идеалы северокавказских обществ — культурные представления о мужском и женском поведении, о предназначении мужчин и женщин — в значительной степени продолжают соответствовать традиционным патриархальным представлениям о сексуальных ролях. Например, в некоторых республиках Северного Кавказа и в годы советской власти существовало многоженство, которое сейчас получает уже открытое общественное одобрение. Президент Ингушетии Руслан Аушев подписал указ, разрешающий в соответствии с национальными и религиозными обычаями брать в жены нескольких женщин. По случаю 8 марта поздравляя женщин Ингушетии, он сказал: «Желаю вам, чтобы вы рожали только мальчиков и не обижались, когда муж приводит в дом вторую жену» (Итоги, 1996, август). Ни возмущения, ни протеста со стороны ингушских женщин выражено не было.

Социальное неравенство между мужчинами и женщинами глубоко укоренилось в северокавказских обществах. Но женщины здесь никогда не были бесправными или забытыми. Их функции высоко ценились мужчинами, и женщины всегда занимали достойное положение. Отражением этого явились результаты одного из социологических опросов, проведенного с целью определения уровня дружелюбности по отношению к женщинам в России. Наибольшую дружелюбность к женщинам показали жители Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкессии. Причем Кабардино-Балкария продемонстрировала результаты, по всем основным параметрам лучше среднероссийских (Женщина XX века. 1994, март).

Доминирование мужчин в северо-кавказских культурах, на наш взгляд, это одна из причин тенденции к радикализации отношений в регионе. Мужчины чаще склонны поддерживать насилие как средство социального контроля (см. рис. 16).

В частности, в Северной Осетии-Алании как русские, так и осетинские женщины чаще, чем мужчины считают насилие недопустимым в межэтнических конфликтах и реже одобряют насильственные действия. Женщины в силу своей природы всегда на стороне мира. Недаром в прошлом на Северном Кавказе существовал обычай примирения, где особая роль отводилась женщине.

Радикализм

Среди исторически устойчивых и в наибольшей степени влияющих на поведение и взаимодействие характеристик народа, Постав Лебон выделял две группы качеств: нравственные и волевые {Лебон, 1995а). Рассмотрение волевых и нравственных проявлений северокавказских народов в континууме «радикализм—умеренность» показало, что они тяготеют к полюсу радикализма.

Нравственные характеристики связаны со способностью придерживаться твердых правил поведения и не отступать от них. В северокавказских культурах здесь четыре краеугольных камня: геронтимия — почитание стариков, личная честь, культ гостя и взаимопомощь. Эти обычаи в XIX в. отличались не только строгостью их соблюдения, но и радикализмом. Например, гостеприимство распространялось на любого человека, в том числе и преступника, и ради безопасности гостя хозяин должен был жертвовать всем, вплоть до самой жизни (Кажаров, 1994; Бабич, 1996). Вайнахская пословица гласила: «Спрячь покойника под кровать, а гостя прими».

Способности, проистекающие из воли — это энергичность, настойчивость, умение владеть собой и добиваться поставленной цели. В ситуациях межэтнической напряженности эти качества у северокавказских народов проявляются в свободолобии, воинственности и темпераментности. Эти характеристики — стержень активного характера горца. Они определяют стремление к крайним способам самоутверждения, манифестным формам поведения.

Радикализм северокавказских народов определяется также характерной для них аффективной вовлеченностью в происходящее. Для кавказцев не характерна эмоциональная сдержанность, они скорее склонны подчеркивать свои чувства, преувеличивая их. М.Ю.Лермонтов — участник Кавказской войны XIX в., писал о горцах в поэме «Измаил-бей»:

«И дики тех ущелий племени, Их бог — свобода, их закон — война. Там поразить врага не преступленье, Верна там дружба, но вернее мщенье, Там за добро — добро, и кровь — за кровь, И ненависть безмерна, как любовь». Спустя полтора века в жестокой и бессмысленной войне России с мятежной Ичкерией подтвердилась справедливость этого удивительного по своей выразительности и лаконичности образа в лице чеченских боевиков. Чувством мести переполнены не только мужчины, но и горянки, потерявшие в этой войне мужей, детей, братьев. Вот не просто строки из письма (опубликованного в газете «Труд»), а жизненная стратегия девятнадцатилетней чеченки, у которой под обломками дома погибла вся семья, маленький брат остался калекой, а война перевернула душу: «У меня внутри иногда такая ненависть вскипает, что тетя пугается: вдруг я уеду в Чечню и стану там мстить, искать виновных. Мне очень хочется родить сыновей. Все-таки мстить, стоять за себя и близких должны мужчины. Для женщины богом уготована другая роль и участь».

Воинственность для кавказского мужчины всегда была позитивной характеристикой. Она связывалась с Любовью к свободе, с воспеваемым в песнях непокорным духом, с представлениями о том, что «мужчина рожден для опасного дела, без него он все равно что тур в одном загоне с овцами», что «набеги украшают мужчину как хвост — скакуна». Кроме того, воинственность для горца была жизненно необходимым качеством — приходилось постоянно отстаивать и свои владения, и свою жизнь. Поэтому в прошлом оружие всегда было непременным атрибутом вышедшего за порог своего дома кавказца.

Представители северокавказских народов отличались не только воинственностью, но и воинскими способностями. В царской России горцы Северного Кавказа в мирное время были освобождены от воинской повинности по причине неблагонадежности. Но если призывались на воинскую службу, то, как правило, добивались больших успехов. Горцы, отличающиеся «...особой расторопностью, способностью к службе и хорошим поведением», быстро продвигались по служебной лестнице. Из них в 1914 г. была сформирована легендарная Кавказская туземная конная дивизия, впоследствии получившая название «Дикой дивизии». А.Вережанин, побывав в одном из ее дивизионов, Осетинском, так описывает его воинов: «Какой все видный народ. Осетины, молодец к молодцу, точно как на подбор. Весь дивизион состоял из охотников. У некоторых всадников полное снаряжение стоило 700—800 р. и даже 1000 р. Что мне в особенности бросилось в глаза у осетин, это их осанка и походка. Каждый осетин имел походку точно князь какой: выступал важно, степенно, с чувством собственного достоинства» (цит. по: Баев, 1915, с.22).

Свои воинские способности горцы Северного Кавказа показали во время Отечественной войны. Служа в советской армии, чеченцы, ингуши, осетины нередко добивались до высших воинских званий. В 1990-х гг. в России многие из этих имен стали широко известны. Кавказская воинственность нашла самое прямое отраже-

ние в реальной жизни. В начале 1990-х гг. создавались военизированные организации (типа «Мансур» в Чечне, военные формирования Конфедерации народов Кавказа, воевавшие в Абхазии), формировались национальные гвардии (Чечня, Ингушетия, Северная Осетия). Как и в начале века, в современной России после чеченского кризиса[^] стали ограничивать прием на службу в элитные войска представителей некоторых северокавказских народов.

У горских народов Северного Кавказа на основе сурового образа жизни сформировался свой специфический способ мышления и восприятия в условиях конфликтных ситуаций: склонность скорее к силовым решениям как наиболее верному, хотя и радикальному способу разрешения конфликтных ситуаций. Это отражается и на выборе стратегий поведения в ситуациях межэтнической напряженности: горские народы в глазах русских, по сравнению с их представлениями о себе, выглядят как менее склонные к компромиссу. И хотя русские жители Северной Осетии-Алании считают осетин достаточно компромиссными в выборе поведения в напряженных ситуациях, более четверти респондентов приписывают осетинам «настойчивое стремление решить вопрос в свою пользу» (см. табл. 8). Осетины, по сравнению с русскими, также чаще приписывают себе такой стиль поведения.

Широкие возможности проявлений радикализма в решении политических и социальных вопросов на Северном Кавказе в первую очередь определяются, конечно, не личностными и культурными факторами. К радикализму подталкивали: (а) атмосфера войны, уже длительное время окутывающая Северный Кавказ (Нагорный Карабах, Абхазия, Южная Осетия), (б) перенасыщенность региона оружием и целенаправленный курс местных элит на милитаризацию, начиная с событий в Абхазии, (в) обострение криминогенной обстановки, (г) почти двухлетняя жестокая война и оставшийся потенциальный военный очаг в самом сердце Северного Кавказа — Чечне. Проживание в таком нестабильном регионе, где помимо общих для России проблем повседневной реальностью были убитые, раненые и беженцы, не может не вести к деструктивным психологическим последствиям. Для населения северокавказских республик характерно распространение таких психических пограничных состояний как массовая невротизация и фрустрация, продуцирующих различные негативные переживания. В условиях высокой межэтнической напряженности естественным результатом таких процессов является общее снижение толерантности, повышение уровня межличностной конфликтности, агрессивности и широкая генерализация негативных эмоций, вызванных острыми социальными и экономическими проблемами, в плоскость межэтнических отношений. Аура войны, охватившая этот регион, вместе с «кавказской воинственностью», которую приписывают себе многие кавказцы, толкает в ситуациях напряженности к выбору более радикальных способов их разрешения.

Завершая эту главу, подчеркнем, что, несмотря на мозаичность культур, между северокавказскими народами существует множество культурных взаимозаимствований в самых различных сферах жизни. Основа культурного родства народов Северного Кавказа — активная общинная жизнь и высокая значимость родственных связей, преобладание мужского начала и культа старейшин, схожесть кодексов чести. Это те традиционные модели, которые выполняли широкие социальные функции и поэтому оказались менее разрушенными. Сходство различных аспектов (исторического, демографического, социального, политического и др.) жизнедеятельности северокавказских культур является основой их общей этничности. Не только вследствие общности геополитического положения, но и в силу общей этничности, народы Северного Кавказа можно отнести к единому северокавказскому суперэтносу. Это определяет высокую схожесть механизмов адаптации и противостояния в северокавказских культурах глобальным изменениям, происходящим в обществе.

Анализ в контексте межэтнической напряженности этничности и психологических универсалий северокавказского суперэтноса свидетельствует о высоком внутреннем и внешнем конфликтном потенциале региона. В условиях роста межэтнической напряженности такие качества как замкнутость и традиционализм северокавказских культур «запускают» важный защитный механизм регрессивного характера: определяют «отход» культур назад — в традиционную этнокультурную нишу и актуализируют традиционные регулятивные механизмы. Такие качества как общинность и регламентированность составляют важную основу механизмов консолидации, диктуют необходимость участия и мобилизации каждого в условиях угрозы этнической безопасности. Радикализм и андроцентризм определяют предпочтение силовых способов разрешения конфликтных ситуаций. На поведенческом уровне защитные реакции на угрозу этнической безопасности наиболее ярко проявляются в актуализации и реанимации кланово-родовых связей, усилении

эндогамных тенденций, повсеместном возрождении старых традиций, мощном всплеске религиозной активности.

Глава 12. Этнополитическая мобилизация: направления массовой активности

Основные векторы этнополитической мобилизации северо-кавказских народов определились уже в самом начале 1990-х гг. О сепаратизме и этнокультурном возрождении, характерном для всех титульных народов республик России, говорится в главах 10 и 11. Здесь остановимся на специфических направлениях массовой активности народов Северного Кавказа. Исламизм, реабилитационная активность (в том числе и активность насильственно переселенных народов), милитаризация и солидаризация — опорные темы риторики и программы, развиваемые местными элитами для удержания власти.

Реабилитационная активность

Реабилитационная активность направлена на восстановление поправных прав, самоуважения и достоинства своего народа. В той или иной степени она характерна для всех северокавказских народов. Самосознание «наказанных» кавказских народов, народов-изгнанников и просто «лиц кавказской национальности», обиженных национальной политикой России, было готово к «оживлению» архетипических образов, связанных с колонизацией, репрессиями, депортациями, насильственными переселениями. «Страдания седовласых старцев, горе и отчаяние матерей, слезы детей дают нам полное моральное право объявить о нашем всеобщем народном непростении государству, которое сделало все, чтобы нас уничтожить» — написано в Обращении национального Совета балкарского народа (Балкарский Форум. 1991. №5). По сведениям отдела спецпереселений НКВД из общего числа высланных северокавказских народов с 1943 по 1948 г. умерло 144 704 человека или 23,7% (Волкова, 1996, с.23). Оставшиеся в живых сумели пройти через резкую смену жизненной ситуации и адаптацию в экстремальных условиях. Психологическую основу реабилитационной активности в значительной степени определяют национальные расстройства невротического и психотического уровней. Но сам факт депортации — это еще не все. Нельзя забывать также о том, что возвращение в конце 1950-х гг. депортированных народов на Северный Кавказ не означало прекращения их унижений и тягот как материального, так и морального характера. Еще долгие годы сохранялось несправедливое отношение к ним как к изменникам родины. Данные социологических исследований свидетельствуют о том, что наиболее отрицательное отношение у народов Карачаево-Черкессии было выявлено именно к карачаевцам (Смирнова, 1993, с.24). В республиках «проштрафившиеся» и «наказанные» народы были на третьих ролях: они практически отстранялись от институтов власти. Материальные средства на их нужды выделялись в последнюю очередь. Конечно, выросли новые поколения, но они уже разделили вытесненное их родителями и предками — очевидцами и жертвами — негативное содержание коллективного бессознательного и уже навсегда сохранили горькие воспоминания, актуализированные современными событиями.

Реабилитационная активность — это групповое компенсаторное поведение в чистом виде. Его главной целью является не возмещение в полной мере всех моральных и материальных утрат. В любом случае их невозможно полностью компенсировать. Идея реабилитации является в первую очередь важным статусным мотивом. Повышение статуса и престижности группы — вот форма компенсации, которую отстаивают национальные элиты. Стремление народов реабилитироваться особенно активизировалось после принятия Верховным Советом РСФСР Декларации «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению и обеспечении их прав», которая предусматривала восстановление территориально-административных образований на момент переселения. Результатом движения ингушей, балкарцев, карачаевцев за реабилитацию явились провозглашения этими народами своих республик. Под идею реабилитации проще всего собрать многочисленные митинги, она придает высокий эмоциональный накал любому собранию. Восстановление поправных прав и справедливости

было основным содержанием съездов ингушского народа, начиная с марта 1991 г. Их главные темы: обсуждение вопроса государственно-политической самостоятельности Ингушетии, возвращение Пригородного и Малгобекского районов. Известен результат этой активности — вооруженный конфликт.

Чрезвычайный съезд народов Карачая, состоявшийся в ноябре 1991 г., принял решение о проведении бессрочного митинга вплоть до признания Карачаевской республики Центром. Однако несколько долгосрочных митингов и другие виды реабилитационной активности не продвинули организацию Карачаевской республики, провозглашенную в ноябре 1990 г. съездом народных депутатов Карачая.

Карачаевцы остались единственным из репрессированных народов, не получившим ту форму государственности, которую имел до выселения.

Чрезвычайный съезд Конфедерации репрессированных народов Российской Федерации, объединяющей общественно-политические движения и организации балкарцев, греков, ингушей, карачаевцев, корейцев, крымских татар, немцев, месхетинских турок, ингерманландских финнов, чеченцев (Нальчик, февраль, 1992 г.) констатировал, что правительство РФ не обеспечило реализацию Закона РФ «О реабилитации репрессированных народов».

Более глубинный архетипический слой у северокавказских народов в отношениях с русскими связан с Кавказской войной XIX в. В результате ее значительно сократилась численность коренных народов Кавказа, некоторые исчезли вовсе (например, убыхи). События более чем вековой давности приобрели особое значение для тех народов Северного Кавказа, которые не были депортированы во время Отечественной войны. Лидеры и идеологи национальных движений стремятся актуализировать в памяти народов самые трагические события прошлого вне зависимости от срока их давности. Второй съезд кабардинского народа и всеадыгский съезд обратились к Верховному Совету РФ с просьбой дать политико-правовую оценку Русско-Кавказской войне. В Дагестане, Кабардино-Балкарии, Адыгее прошли научные конференции по проблемам кавказской войны. В соответствии с памятными датами проводятся траурные митинги. Теперь 21 мая (день празднования Россией победы над мятежным Кавказом) признано в Северо-Кавказских республиках Днем жертв Кавказской войны и насильственной депортации. В «Программе деятельности Конгресса кабардинского народа на перспективу» в качестве основной задачи предполагается «...воссоздание в полном объеме государственности Кабарды, которой она лишилась в 1822 г. в результате полувековой борьбы за независимость и геноцида кабардинского народа» (Хасэ. 1992. № 20). Подчеркивается, что вместе с независимостью Кабарда утратила 4/5 своего населения. Среди черкесов широко распространено мнение, что сдавшаяся последней (1864 г.) в Кавказской войне Черкесия потеряла 90% своего населения: они либо погибли, либо оказались за пределами своей родины. Эти данные не могут не произвести впечатления на массовое сознание. Перед имамом Шамилем, возглавлявшим борьбу кавказцев против России в течение 25 лет, поклоняются не только аварцы. В работах ученых, в художественной литературе Кавказская война, несмотря на поражение, представлена как подвиг и слава народов Северного Кавказа.

Еще одна форма реабилитационной активности на Северном Кавказе — это деятельность в защиту насильственно переселенных народов. Людей переселяли в военное время на территории, освободившиеся после депортации других народов. Как правило, это происходило без учета согласия переселенцев, то есть насильственно. Тем не менее, они до сих пор еще испытывают комплекс вины. Те из них, кто продолжает жить в домах, из которых были депортированы представители других народов, передали этот комплекс, замешанный на страхе и тревожном ожидании, своим потомкам.

Активность насильственно переселенных народов характерна для осетин, а также лакцев и аварцев (Дагестан). Это защитная реакция на групповом уровне в ответ на реабилитационную активность ближайших соседей. Например, в феврале 1994 г. был создан первый Чрезвычайный съезд депортированных народов Дагестана. Представителей от чеченцев-аккинцев на съезде не было, и его главная цель заключалась в «...защите интересов всех, кто пострадал в связи с насильственным их переселением на земли репрессированных в 1944 г. чеченцев».

Мощная реабилитационная активность чеченцев-аккинцев и ингушей заставили Дагестан и Северную Осетию в июле 1991 г. представить в Верховный Совет РСФСР законопроект «О насильственно переселенных народах». В нем подчеркивалась необходимость юридически определить их статус, признать незаконными сами насильственные переселения. В марте 1996 г. в рамках парламентских слушаний Государственной Думы по вопросу «Концепция государственной национальной политики в РФ» был вынесен на обсуждение разработанный Министерством национальностей РФ законопроект «О защите моральных и социально-экономических прав принудительно переселенных народов».

Исламизм

С самого начала 1990-х гг. в мусульманских республиках Северного Кавказа обострение социальных, этнических, экономических проблем нередко сопровождалось выступлениями под исламскими лозунгами. В первую очередь это было характерно для Дагестана, Чечни и Ингушетии. В этих республиках мусульманская активность стала особенно заметной с начала 1991 г. и выразилась в акциях солидаризации с мусульманами

Ирака. Когда большая часть России восхищалась блестящей операцией, осуществленной президентом США Дж.Бушем в зоне Персидского залива, в Махачкале и в Грозном прошла целая серия митингов, на которых осуждалась политика США на Ближнем Востоке и выражалась горячая поддержка Саддама Хусейна.

Практически все горцы Северного Кавказа, за исключением значительной части осетин, исповедуют ислам, который начал широко утверждаться после монголо-татарского нашествия. Из-за преобладающего влияния мусульманской религии здесь явно выражены тенденции к тотальной исламизации региона и объединению мусульманских народов. Несмотря на внутренние противоречия в мусульманском мире Северного Кавказа, общая религия способствует усилению внутренних эмоциональных связей и в этом смысле является важным интегрирующим фактором в регионе.

Христианство, пришедшее на Северный Кавказ из Грузии и Византии, закрепилось главным образом среди осетин. Православная ориентация большинства осетин, а также их принадлежность к индоевропейскому кругу, определяют специфику положения осетин в северокавказском суперэтносе. Около пятисот лет назад здесь появились казаки, ставшие оплотом православия на Северном Кавказе.

Однако ни ислам, ни христианство не вытеснили полностью древние местные верования. Многие из них вошли составной частью в христианскую и мусульманскую обрядность. В частности, православие в Осетии никогда не существовало в догматически-традиционной форме. В 1990-х гг. как реакция на мусульманское единение Северного Кавказа и рост межэтнической напряженности с соседней мусульманской Ингушетией в Северной Осетии-Алании происходит всплеск православной религиозной активности. Активизация казачества и устойчивая ориентация Осетии на Россию усиливает значимость религиозного фактора в регионе.

Особую позицию Осетии среди северокавказских республик подтверждают в частности и такие данные. Еще до вооруженного противостояния ингушей и осетин лишь 17% осетин и 13% русских, проживающих в Северной Осетии-Алании, согласились, что республике следует входить в Конфедерацию народов Кавказа в случае ее создания как самостоятельного государственного образования (см. табл. 9).

В северокавказских республиках активизировалось мусульманское обучение населения. Действуют исламские институты в Дагестане, Ингушетии. Восстановлена деятельность исламского института в Грозном. Религиозная литература чаще всего привозится представителями диаспоры из-за рубежа. С начала 1990-х гг. организуются регулярные массовые паломничества северокавказских мусульман в Мекку.

Центром ислама на Северном Кавказе всегда был Дагестан. В I начале XX в. здесь действовало более 800 мечетей. В десятках медресе и сотнях мектибов обучались несколько тысяч дагестанцев. К 1988 г. в Дагестане осталось всего 27 мечетей. Но за последние пять лет их число превысило 1000. Около 85% дагестанского населения ! относятся к мусульманскому вероисповедованию. В последнее время \ в Дагестане усиливается влияние ислама в его наиболее экстремистской форме — ваххабизм. Позиции ислама наиболее сильны в селах — преимущественно в даргинских и аварских районах, отчасти в кумыкских. На сельском уровне Джамааты (Советы мусульман при мечетях) играют немалую роль при решении социальных вопросов.

В настоящее время в Дагестане высок уровень политизации ислама. Хотя между различными течениями и сектами в мусульманском движении Дагестана существуют серьезные противоречия, доходящие иногда до столкновений, общее вероисповедование и наличие разветвленных организационных структур позволяют исламским лидерам мобилизовать для активных политических действий, например, митингов на центральной площади г. Махачкала, до 20—25 тысяч человек (Халидов, 1992).

Возрождение ислама очень активно проходило также в бывшей Чечено-Ингушетии. Хотя здесь только в конце 1970-х гг. были открыты первые мечети, действовавшие до этого времени подпольно. Именно чеченские лидеры проявляли стремление возглавить «национально-освободительное» движение горских народов с приданием ему окраски исламской революции. С самого начала в Конфедерации народов Кавказа доминировали представители тех республик, где особенно усиливались сторонники ислама, и Чечня занимала лидирующую позицию. А президент Д.Дудаев явно пытался выступать в качестве не только политического, но и религиозного лидера.

При Д.Дудаеве Чечня третий раз за свою историю объявлялась теократическим государством. Впервые это произошло во времена имама Шамиля. Он был последователем одной из ветвей суфизма — накшбендии. Шамиль пытался стереть родовые различия, уничтожить народное законодательство и на его место поставить

шариат — богословское право, что способствовало бы в конечном итоге созданию государственной системы управления. Как бы в противовес воинствующему мюридизму в эти же годы распространяется другая суфийская ветвь — кадырия, проповедующая мирный мюридизм. Именно от этой ветви в качестве важного ритуального элемента сохранился среди чеченцев религиозный танец зикр, сопровождающийся поминовением имени Аллаха. В настоящее время эти две суфийские ветви в Чечне перемешаны.

По мнению Сулима Насардинова, директора института проблем исламской цивилизации, народный ислам на Кавказе — это расплывчатый синтез общемусульманских духовных ценностей, местных языческих культов, некоторых важнейших элементов суфийского ритуала (Независимая газета. 1996. 23 февр.). Тем не менее он набирает силу и консолидирует мусульманские северо-кавказские народы. Хотя и здесь на межреспубликанском уровне доминируют разъединительные тенденции. Уже на Первом съезде мусульман Северного Кавказа (май 1989 г.) произошел раскол: из Духовного управления мусульман выделились духовные управления чеченцев, кабардинцев и других народов. Несмотря на «расплывчатость» содержательной основы ислама, она оказывается важнейшей причиной психологической и этнокультурной «несовместимости» и роста напряженности между горскими народами с одной стороны и русскоязычным населением Северного Кавказа и православным титульным населением республики Северная Осетия-Алания — с другой.

Активность солидаризации

И исланизм, и реабилитационную активность можно отнести к активности солидаризации. Но здесь имеется в виду более высокий уровень — межэтнический аспект солидаризации, и, в частности, тенденция единения всех северокавказских народов.

Идея объединения народов Северного Кавказа за последние сто с лишним лет частично реализовывалась два раза: в попытке создания Шамилем единого горского государства и в образовании Горской республики, просуществовавшей неполные два года (1918—1919). Созданию Федеративной Горской республики предшествовал Первый съезд горцев Кавказа (май 1917 г., Владикавказ), на котором был образован Союз объединенных горцев Кавказа. Горская республика на федеративных началах объединяла семь областей, начиная с абхазов на Западе до закатальских аварцев в Азербайджане. В нее входили Абхазия, Адыгея, Дагестан, Кабарда, Осетия и Чечня. Обе попытки объединения нельзя назвать удачными.

Усиление активности по солидаризации народов Кавказа в конце 1980—начале 1990-х гг. было напрямую связано с ростом межэтнической напряженности в его различных регионах. Первым толчком послужили трагические события июля 1989 г.: произошедшие в Сухуми столкновения между абхазами и грузинами, и именно в Сухуми после этих событий состоялся первый за годы советской власти съезд горских народов Кавказа (август 1989 г.). В нем приняли участие всего 7 народов Кавказа. На съезде была создана Ассамблея горских народов Кавказа (АГНК) и принят ее 1 устав.

Как реакцию на события в Чечне и на появившуюся угрозу военного вмешательства со стороны России можно рассматривать Третий съезд народов Кавказа. По сравнению с предыдущим, его состав значительно расширился. Помимо абазин, абхазов, адыгейцев, ингушей, кабардинцев, черкесов и чеченцев, представители которых присутствовали и на Первом съезде, его делегатами стали также аварцы, даргинцы, лакцы, чеченцы-аккинцы, южные и северные осетины, шапсуги.

Главным итогом этого съезда было решение о создании Конфедерации горских народов Кавказа в качестве «...правопреемника независимой Северо-Кавказской республики (Горской республики)». В Декларации Конфедерации говорилось: «В нашей борьбе за право на существование, свободу и справедливость не исключена возможность физического истребления отдельных горских народов Кавказа, как это не раз бывало в нашей печальной истории. Но у нас нет выбора, и мы можем противопоставить этим силам только свое единство. Оградить себя от агрессии мы можем только объединенными силами самообороны народов — членов Конфедерации горских народов» (цит. по: *Анчабадзе*, 1996, с.186).

Идея расширения Конфедерации как межрегиональной организации, объединяющей не только горцев, но и другие народы Северного Кавказа, была поддержана на Чрезвычайном съезде народов Кавказа в октябре 1992 г. Главным адресатом этой акции было все более набирающее силу казачество. С этого момента из названия Конфедерации было исключено слово «горские», и оно приобрело более обобщающий смысл — Конфедерация народов Кавказа (КНК). Несмотря на то, что отношения с казачеством складывались негладко, этот факт в свое время послужил причиной снижения напряженности в регионе.

Идеологи КНК видят ее главную функцию по достижению «горско-кавказской государственности» не в подмене органов власти республик Северного Кавказа, а в их «подталкивании» к объединению. Предполагается, что на первом этапе, который продлится 5—10 лет, должна быть образована Конфедерация республик Северного Кавказа и Абхазии пока еще в составе России, которой делегируется часть управленческих функций. Гражданство на этом этапе предполагается двойное — «кавказско-российское», но впоследствии только «свое». На этом же этапе должен быть пересмотрен Федеративный договор и заключен Конфедеративный договор с Россией. В дальнейшем провозглашается государственная независимость Конфедерации кавказских республик (*Анчабадзе*, 1996). После 1993 г. роль и значение КНК как объединяющей народы Кавказа организации резко снизилась. Очередной Восьмой съезд народов Кавказа, прошедший в конце августа 1996 г. во Владикавказе, показал, что идея объединения северокавказских народов осталась, но тенденции размежевания на данном этапе значительно сильнее тенденций к единению. В условиях взаимных территориальных претензий, упадка экономики и снижения уровня жизни, соперничества в различных жизненных сферах между республиками, трудно говорить о единстве северокавказских народов.

Процессы солидаризации в таких условиях в первую очередь служат тенденциям межэтнического размежевания: на Северном Кавказе народы солидаризируются на основе исторической, этнокультурной и кровнородственной близости. Причем активность такого рода выражается не только в поддержке на словах, но и на деле (пожертвования, участие в боевых действиях). Так, осетины из Южной Осетии весной 1992 г. активно поддерживали северные осетины, абхазов — кабардинцы. В свою очередь южные осетины приняли активное участие в осетино-ингушском конфликте. По некоторым данным в боевых действиях в Чечне участвовало около 800 ингушей.

В 1989 г., помимо добровольцев от КНК, главную помощь абхазам оказали кабардинцы. В обращении к съезду кабардинского народа Председатель Верховного Совета Республики Абхазия В.Ардзинба сказал: «В этой кровавой войне с грузинским фашизмом нас оберегает прежде всего адыго-абхазское единство, тысячелетняя общность наших древних народов» (Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии / Под ред. М.Н.Губогло, И.Л.Бабич: В 2 т. М.: ИЭА, 1994. Т.И). По словам председателя Союза абхазских добровольцев Руслана Токова в боевых действиях в Абхазии участвовало полторы тысячи граждан Кабардино-Балкарии. Из них 59 погибли и четверо пропали без вести (Северный Кавказ. 1996. №33.). 14 августа каждый год в Нальчике проводится митинг, посвященный началу абхазо-грузинского военного конфликта и памяти погибших.

Активно взаимодействуют на Северном Кавказе адыги. Ими считают себя кабардинцы, адыгейцы, черкесы, абхазы и шапсуги. На Первом всеадыгском съезде, прошедшем в Нальчике в 1992 г., была создана общественная организация «Адыгэ Хасэ». Ее цель — добиваться формирования федерации адыгейских народов. Деятельность «Адыгэ Хасэ» выходит за пределы Северного Кавказа. Помимо репатриации соотечественников из-за рубежа, через эту организацию поднимается проблема восстановления Шапсугского национального района, существовавшего до 1944 г. Шапсуги в начале XIX в. представляли одну из самых многочисленных групп адыгского этноса. К концу Кавказской войны они оказались на грани исчезновения. Около 10 тысяч шапсугов живут сейчас в Лазаревском и Туапсинском районах.

Единство черкесов и их возрождение — главные идеи Международной Черкесской Ассоциации, последний конгресс которой проходил в г.Черкесске в июле 1996 г. Ногайцы Дагестана, Чечни, Ставрополя, Карачаево-Черкесии и Астраханской области активно взаимодействуют через общество «Бирлик».

Милитаризация

Рост напряженности на Северном Кавказе сопровождался интенсивным вооружением его населения. С самого начала 1990-х гг. впереди всех республик по этому направлению шла Чечня. Сразу же после провозглашения независимости здесь был взят курс на создание собственной армии. Постановлением Совета обороны Чеченской республики «О мерах по обеспечению правопорядка в г. Грозном и районах республики» воинские формирования были переведены на казарменное положение, а лица, имеющие огнестрельное оружие, были обязаны зарегистрировать его в трехдневный срок. Практически этим косвенно подтвердилось право ношения огнестрельного оружия каждым гражданином республики. У.Лаудаев писал о чеченцах: «Прежде они не были уверены ни за один день своей жизни, почему не делали без него (оружия. — Г. С.) ни шагу, как на работах, так и дома, и даже засыпая, осматривали, исправно ли оно» (*Лаудаев*, 1993, с. 182). Страсть к оружию всегда была одной из отличительных черт горцев, так как оно входило в число жизненно необходимых для него вещей.

Проблему поголовного вооружения Чечни помогла решить Россия, когда оставила ей расположенные на ее территории военные городки, спешно покинутые российскими военнослужащими в июне 1992 г. Военные эксперты констатируют, что «к ноябрю 1994 г. из-за попустительства федерального Центра в Чечне де-факто были созданы дееспособные вооруженные силы», а Д.Дудаев вошел в историю и как организатор быстрого строительства боеспособной армии (Независимое военное обозрение. 1996. 26 сент.). Уже в сентябре 1992 г. чеченская армия насчитывала свыше 10 тыс. человек и являлась мощной региональной военной группировкой. В период вооруженного осетино-ингушского конфликта, который многими сейчас рассматривается как начало чеченской войны, в Чеченской республике уже отработывались механизмы включения в единую систему обороны всего мужского населения от 15 до 55 лет, независимо от национальности, вероисповедания и гражданства. По мнению В.А.Тишкова, «осуществленное федеральными структурами беспрецедентное вооружение территориальной власти Чечни, а затем и ее местной оппозиции предопределило эскалацию конфликта, в котором главным стала борьба за власть в республике» (Чеченский кризис, 1995, с.50).

Наличие в центре Северного Кавказа десятков тысяч крепких мужчин, воевавших почти два года, хорошо владеющих оружием и отвыкших от мирной жизни, порождает серьезное беспокойство властей и нешуточный страх жителей соседних республик. В приграничных районах Дагестана во время боевых действий в Чечне были сформированы отряды самообороны. По словам М.Толбоева, секретаря совета безопасности Дагестана, предполагалось довести численность такого рода отрядов до 5 тыс. человек и полностью вооружить их. Подготавливались нормативные документы для частичной легализации на 2—3 года имеющегося у населения приграничных районов оружия. Эти меры принимались в связи с заявлениями некоторых представителей чеченской стороны о территориальных притязаниях к Дагестану (Независимая газета. 1996. 12 окт.). Мятая Ичкерия как эпицентр напряженности на Северном Кавказе и после заключения Хасавюртовских соглашений была и останется на долгие годы причиной серьезного беспокойства ее ближайших соседей, вне зависимости от их национальной принадлежности.

Милитаризация северокавказских республик протекала на фоне необычайного обострения в регионе криминогенной обстановки. Ему способствовал указ Д.Дудаева «Об исполнении решений иностранных судов и арбитражей в Чеченской республике», согласно которому ни один преступник, находящийся на территории республики, не будет выдан государству, не признавшему независимость Чечни.

Давняя северокавказская традиция родственных отношений с оружием, легализованная в рамках отдельно взятой республики, была в некотором смысле поддержана Президентом России в его указе от 12 февраля 1997 г. В соответствии с ним возможность легально вооружаться получило русское население Северного Кавказа в лице казачества. Согласно уставу Терского казачьего войска,

одобренного данным указом, казаки, состоящие на государственной службе, получили возможность ношения служебного оружия. Криминогенность, напигованность оружием, легальные и нелегальные вооруженные группировки превратили Северный Кавказ в пороховую бочку, которая уже неоднократно взрывалась.

Рассмотренные выше специфические направления массовой активности народов Северного Кавказа являются формами этнополитической мобилизации, наиболее интенсивно используемыми в своих целях местными элитами. Иррадиация межэтнической напряженности в регионе приводит к возникновению групповых противодействий со стороны одних народов в ответ на формирование специфических направлений массовой активности у других народов. Так, реабилитационная активность народов, депортированных в 1940-х гг., вызвала активность насильственно переселенных народов; активность исламизма в мусульманских республиках региона определила всплеск интереса к православию среди осетин и русского населения. Групповые противодействия возникают также и по причине групповых стремлений к этнической безопасности. Это определяет солидаризацию северокавказских народов в первую очередь на основе этнокультурной и кровнородственной близости, а не по политическим мотивам. По отношению к северокавказскому региону в целом такая тенденция отражает процессы межэтнического размежевания, а не общекавказского единения.

И все же северокавказский суперэтнос далек от межэтнического единства. Рост межэтнической напряженности в регионе ведет к разрушению общей региональной идентичности и усиливает межэтническую дифференциацию. После распада СССР первую трещину в общекавказской идентичности породил осетино-ингушский конфликт. По критериям религиозного вероисповедания и исторического происхождения в северокавказскую систему этносов хуже вписываются осетины и русские. Кроме того, северокавказский суперэтнос представляет как раз тот вариант, когда близкие, схожие по многим параметрам культуры, пытаются избежать ассимиляции и в целях этнической безопасности, стремятся не к слиянию, а к обособлению. Еще

продолжается этап разъединения, которые народы Северного Кавказа должны пройти в период передела власти в новых социально-политических условиях.

И все же на Северном Кавказе заметны объединительные тенденции. В случае появления внешнего врага здесь есть, помимо других, все социально-психологические основания для консолидации горских народов. В следующих главах на основе анализа социально-психологических эмпирических исследований различных ситуаций межэтнической напряженности на Северном Кавказе будут рассмотрены этнические границы и отношения между некоторыми народами проживающими в этом регионе.

Глава 13. Особенности самосознания северокавказских народов в 1980-х гг.

Во времена советского интернационализма, когда средства массовой информации были переполнены сообщениями о все крепнущей дружбе народов, между ингушами и осетинами случались бурные выяснения взаимоотношений. Последний острый «доперестроечный» конфликт произошел в октябре 1981 г. в Орджоникидзе — нынешнем Владикавказе за одиннадцать лет до начала современного осетино-ингушского конфликта. В настоящее время в Северной Осетии-Алании эти события нередко называют Октябрьским восстанием и не сводят к межнациональным проблемам, а рассматривают как этап борьбы за национально-государственный суверенитет. Жестко подавленное, оно все же оказало раскрепощающее влияние на несколько поколений не только осетин, но и их ближайших соседей — ингушей, чеченцев, кабардинцев и других северокавказских народов.

По следам этих событий летом 1984 г. нами было проведено социально-психологическое исследование этнических стереотипов среди студентов, работавших в течение двух месяцев на консервном заводе в небольшом городке Ардон в Северной Осетии.

Многонациональный стройотряд состоял из студентов Чечено-Ингушского государственного университета (г. Грозный) и Северо-Осетинского государственного медицинского института (г. Орджоникидзе). Стройотрядовцы занимались реальной производственной деятельностью — были объединены в бригады, работали на единый наряд и имели полный рабочий день.

Выборка испытуемых была ограничена по половому признаку — в исследовании принимали участие только девушки. После отсева экспериментальных данных, оказавшихся неполными в результате отъезда некоторых студенток, общее количество респондентов составило 112 человек. Среди них было 28 чеченок, 39 русских, 16 ингушек и 29 осетинок. За последние годы на Северном Кавказе произошло так много трагических событий, невольными участниками которых могли оказаться эти девушки, что трудно с уверенностью сказать, как сложились их судьбы. Больше оснований надеяться, что относительно благополучно сложилась жизнь осетинок и русских из Северной Осетии. Некоторые из них, уже врачи со стажем, после октября 1992 г. выхаживали в больницах республики пострадавших во время вооруженного осетино-ингушского конфликта. В 1994—1996 гг. в прифронтовом Владикавказе они оказывали помощь раненым из Чечни. Но что стало с чеченками и ингушками? В каких школах и университетах; обучают иностранным языкам детей и студентов девушки из Грозного — бывшие студентки факультета иностранных языков Грозненского университета? И все ли они живы?

В то жаркое лето в Ардоне царил полный мир. После октябрьских событий прошло около 2 лет. С помощью отработанного арсенала идеологических средств ситуация была сглажена, нормализована и, кажется, забыта. И надо признаться, что межнациональные отношения меньше всего занимали мысли наших респондентов. Мир царил и на всем Северном Кавказе, и во всей стране. А исследование межэтнических проблем не входило в число конъюнктурных тем. Тем не менее, ощущая скрытую напряженность, власти Северной Осетии поддержали проведение этого исследования. Защищенная на его основе кандидатская диссертация была практически первой этнопсихологической работой после длительного затишья в этой области. Главной ее целью было исследование содержаний идентичностей различных этнических групп, их взаимосвязей и изменений в процессе межэтнического взаимодействия между представителями нового поколения. В этой главе в сжатом виде представлены некоторые ее результаты.

Программа эмпирического исследования была рассчитана на два месяца и включала следующие методы: социометрию, модифицированный тест Келли, Диагностический тест отношения (ДТО), Цветовой тест отношения (Эткинд, 1980), включенное наблюдение, интервью и анкетирование.

Когнитивная структура этнической идентичности

Сравнение содержаний групповых идентичностей проводилось на основе всей совокупности признаков-атрибуций, выявленных с помощью модифицированного теста Келли. После предварительного отбора в пространстве исходных признаков остались атрибуты, полученные только в результате межэтнических сравнений. Межличностный уровень сравнений не рассматривался. В итоге было

отобрано 830 характеристик-атрибуций, в число которых включались многочисленные повторы, так как групповая идентичность характеризуется согласованностью мнений членов группы.

Содержательный анализ исходного пространства признаков позволил выявить общую картину по всей совокупности характеристик. Они распались на две крупные группы: «Этнокультурные особенности» и «Черты характера». Последняя включала две трети всех признаков. Основной ее массив составили три подгруппы: собственно «черты характера», «качества, определяющие отношение к людям» и «особенности поведения и динамические характеристики». Умственные качества, различные умения и др. оказались статистически незначимы и в общем анализе не учитывались. Выделенные группы качеств рассматривались как опорные компоненты содержательной структуры этнической идентичности.

Качества анализировались отдельно в каждой этнической группе по следующим критериям: (а) признаки-атрибуции, характеризующие собственную этническую группу (автостереотипы); (б) признаки-атрибуции, характеризующие другие этнические группы (гетеростереотипы); (в) совпадающие признаки-атрибуции в автостереотипе и гетеростереотипе; (г) совпадающие признаки-атрибуции в различных гетеростереотипах.

Автостереотипы. Автостереотипы всех четырех групп отличались высокой позитивной направленностью. Между собой они различались, главным образом, этнокультурными характеристиками. В число последних входили признаки, связанные с традиционными формами поведения (на основе этнических обрядов, обычаев, традиций), с религиозными обычаями, а также с такими этнокультурными определителями как язык, фольклор, внешний облик.

Эти характеристики составили почти половину от всех атрибуций автостереотипа чеченок (45,6%). У ингушек их число достигло 40%, у осетинок — 30%. Представители этих трех групп с высокой внутригрупповой согласованностью¹ выделяли «традиционность», предполагающую высокую степень приверженности национальным обычаям и традициям, а также характеристики, представляющие целые комплексы обычаев — «отношение к старшим», «гостеприимство», «взаимопомощь». Этнокультурные характеристики в автостереотипах чеченок и ингушек отличались большим сходством. В первую очередь это проявлялось в представлениях об обычаях, связанных с отношением к мужчинам (их почитание и возвышение) и во взглядах на брак, в том числе в отрицательном отношении к браку с членами других этнических групп; а также в представлениях о традиционных особенностях внешнего облика. В автостереотипе осетинок в качестве опорных этнокультурных компонентов определились характеристики, отражающие традиции взаимопомощи, родственные связи и особенности семейно-бытовой сферы.

В то же время значимость этнокультурных параметров оказалась абсолютно не характерной для русских — в их автостереотипе наиболее представлена была группа признаков «Черты характера». Среди оригинальных самохарактеристик, которыми отличался автостереотип русских от автостереотипов других групп, выделялась группа качеств, отражающих открытость и направленность на общение («искренность», «незлопамятность», «жизнерадостность», «душевность», «мягкость»). Но она не могла выполнять системообразующую функцию. В автостереотипе русских отсутствовало этнокультурное ядро, поэтому он не имел устойчивой структуры.

Во всех автостереотипах, разделяемых большинством, были такие атрибуты, как «доброта», «простота», «смелость», «щедрость». У чеченок, осетинок и ингушек оказались совпадающими качества «скромность», «гордость» и «чувство национального достоинства». Но большая часть кластера «Черты характера» и у горских народов представляла достаточно разрозненную картину. Здесь не выделилось устойчивых и оригинальных комплексов, описывающих характеры этнических групп. Представления о чертах характера собственной этнической группы оказались достаточно расплывчатыми и включали разнообразные общечеловеческие характеристики. То же самое можно сказать о кластерах «Отношение к людям» и «Оценка поведения и динамических характеристик».

Полученные результаты говорят о том, что значимость кластера «Этнокультурные особенности» в середине 1980-х гг. была безусловна на уровне самовосприятия для таких этнических групп, как чеченцы, ингуши и осетины. Даже у молодых девушек — представительниц этих этнических групп, не говоря уже о более

старших поколениях, этнокультурные атрибуты составляли устойчивые и оригинальные комплексы признаков как главную опору самоидентификации. Представительницы горских народов, в первую очередь чеченки и ингушки, отчетливо ощущали свои этнические границы. Менее всего границы своей этнической общности осознавали русские, утерявшие этнокультурные ориентиры и испытывавшие дефицит культурной отличительности. И все же семантические зоны совпадающих характеристик в автостереотипах свидетельствуют о том, что в восприятии народами друг друга доминировало осознание сходства, а не различий.

Гетеростереотипы. Анализ гетеростереотипов дополнит нам картину межэтнических отношений, существовавших в 1980-е гг. в регионе.

Совпадение представлений группы о себе с ее же представлениями о другой группе рассматривается как показатель, отражающий, во-первых, близость групп на уровне самосознания и, во-вторых, проницаемость их этнических границ. Анализ совпадений таких представлений по этнокультурным параметрам выявил следующую картину. Русские Северной Осетии сближали себя с осетинами, отмечая возможность «принятия осетинских обычаев». В то же время у русских из Грозного осознание этнокультурного сходства с чеченцами и ингушами не было обнаружено. Как впрочем не осознавали этнокультурного сходства с русскими и чеченки, и ингушки. Осетинки воспринимали чеченскую и ингушскую культуры как гораздо более близкую к себе, чем русскую, подчеркивая сходство традиций взаимопомощи, норм поведения в кругу семьи, отношения к старшим и т.д. Чеченки сближали себя по этнокультурным особенностям с ингушами, указывая на схожесть языков, фольклора, традиционной сферы. С осетинами они отмечали близость некоторых обычаев, особенности положения женщины в обществе. Ингушки находили много общего между культурами своей этнической общности и чеченской, например, схожесть семейно-бытовых традиций, некоторые религиозные обычаи.

В гетеростереотипах всех этнических групп присутствовали атрибуты, свидетельствующие об осознании и этнокультурных различий, и этнокультурного сходства. Совпадающие характеристики в представлениях этнических групп друг о друге отражали их взаимные ожидания. Более 60% представлений осетин о чеченцах и чеченцев об осетинах совпадали по этнокультурному компоненту. Совпадала также половина аналогичных атрибуций в гетеростереотипах осетин и ингушей. Это означает, что и чеченцы с осетинами, и ингуши с осетинами ожидали друг от друга понимания и одинакового поведения в ситуациях, связанных с традиционной культурой. Меньше совпадений по этнокультурному компоненту (30%) оказалось между представлениями чеченцев об ингушах и представлениями ингушей о чеченцах. Причем и те, и другие обвиняли друг друга в «изживании обычаев», «в меньшей строгости традиций». Вероятно, это — выражение на уровне социального восприятия защитной реакции на угрозу этнокультурной ассимиляции у близких народов. Ее цель — укрепление этнических границ. В то же время и русские, и осетины в своих представлениях максимально сближали эти народы. Девушки-осетинки в нашем исследовании фактически отождествляли чеченцев с ингушами. Как мы видим, культурная проницаемость этнических границ между горскими народами была достаточно высокой. Более четко стремились обозначить между собой этническую границу ингуши и чеченцы. Строгая этническая граница поддерживалась между, с одной стороны, чеченцами и ингушами, с другой — русскими. Русские были более открыты для осетинской культуры.

Представления о других этнических группах по кластеру «Черты характера» отличались от автостереотипов появлением негативных атрибуций. У русских негативные качества в образах чеченцев, ингушей и осетин составили почти треть. На фоне как бы благополучного развития отношений между народами Северного Кавказа эти данные свидетельствовали о наличии здесь в 1980-х гг. латентной межэтнической напряженности даже в студенческой среде, которая как известно, всегда отличается интернационалистическими ориентациями. Негативные атрибуты — это следствие непонимания, возникающего в результате этнокультурных различий. В частности, русские приписывали осетинам, ингушам и чеченцам качество «лицемерие». Представления русских об ингушах и чеченцах совпадали по характеристикам «хитрость», «дерзкость», «грубость». Несовпадение северокавказских этикетов представлениям русских о нормах поведения — одна из главных причин появления в гетеростереотипах таких характеристик.

Этнокультурный барьер оказался также причиной проецирования друг на друга нежелательных в собственных культурах характеристик. Например, ингушей и чеченцев русские объединяли на основе таких качеств как «замкнутость», «чувство превосходства» и «высокомерие». Горские народы, в свою очередь, также

приписывали русским «изолированность от окружающих» и «замкнутость». Осетинки воспринимали русских как скупых и своевольных. Скупость, приписываемая русским — результат

противопоставления традиционному понятию широкого «кавказского гостеприимства», хотя «русское гостеприимство» известно как одна из устойчивых характеристик русского народа. «Своеволие» русских возникло как противопоставление более строгой традиционной системе воспитания девочек и девушек кавказских национальностей, предполагающей функционирование жесткой системы условностей и запретов. Исходя из своих традиционных норм поведения, представительницы всех горских народов приписали русским «раскрепощенность», «непринужденность в общении» и «свободу в поведении». Кроме того, следует отметить, что данные качества, например, скупость, своеволие, высокомерие, представляют собой атрибуты-«оборотни», обладающие способностью мгновенно находить «оправдательные» положительные эквиваленты в случаях смены знака эмоционального отношения к объекту — экономность, смелость, гордость.

Причем, все эти эквиваленты также присутствовали в гетеро-стереотипах. Это означает, что благоприятно складывающаяся ситуация межэтнического взаимодействия должна была обеспечить быстрое усиление позитивных образов народов друг о друге. Тем более, что в них доминировали позитивные характеристики — основа сближения народов между собой. Причем называлось много характеристик, которых не было в автостереотипах. Осетинкам нравились те качества у русских, которые, на их взгляд, были не характерны для осетин — «жизнерадостность», «добродушие», «мягкость», «терпеливость», «бесхитрость». Чеченки и ингушки выделяли характерные, по их мнению, для осетин качества: «преданность», «чувство собственного достоинства», «умение держать свое слово». Чеченки среди качеств, характерных только для русских, выделяли «самостоятельность», «прямолинейность», «правдивость», «мягкость», «любопытность».

Русские воспринимали и ингушей, и чеченцев как «рассудительных», «настойчивых» и «скромных». У себя и осетин русские находили общие качества — «отзывчивость» и «доброжелательность». Осетинки, хотя себя и русских видели очень разными, выделяли «гордость» и «простоту» как общие качества. Совпадающими качествами у осетин с чеченцами и ингушами были «скромность» и «доброта». Среди общих качеств с русскими чеченки называли «простоту» и «веселость». Наибольшее количество совпадающих характеристик по кластеру «Черты характера» было между автостереотипом ингушек и их представлениями о русских. За исключением «веселости» в этих образах совпадали все наиболее типичные характеристики. Это говорит том, что несмотря на существенные этнокультурные различия, ингуши стремились к сближению с русскими. На основе этого общечеловеческого фонда («простота», «отзывчивость», «доброжелательность», «гордость», «доброта», «скромность» и другие качества) строятся психологические мостки между народами и увеличивается проницаемость этнических границ.

Содержательный анализ этнической идентичности определил основные различия между этническими автостереотипами и гетеростереотипами. Автостереотипы оказались более детализированными, многослойными и диффузными. Гетеростереотипы — более структурированными, определенными и негативными. Однако наряду с появлением в образах других народов негативных характеристик были получены абсолютно позитивные гетеростереотипы — образы русских в глазах чеченок и ингушей. Женская часть 1 молодого поколения ингушского и чеченского народов в начале 1 1980-х гг. демонстрировала исключительно позитивное отношение к русским.

Главная содержательная основа, на которой строились и авто-стереотипы, и гетеростереотипы в рассматриваемой ситуации была I этнокультурной. Этнокультурные параметры в ситуации латентной межэтнической напряженности выступили в качестве главных маркеров этнических границ. Общие семантические зоны в представлениях групп о себе и о других группах создавали широкую психологическую основу для межэтнического обмена и взаимодействия.

Этнокультурная дистанция .

В понятие этнокультурной дистанции входят представления о Я взаиморасположенности (близости—отдаленности) различных этнических групп в когнитивно-эмоциональной сфере их самосознаний. Этот аспект исследовался на основе количественных показателей — коэффициентов этнической идентификации и межэтнической дифференциации (см. глава 9). Расчет показателей этнической идентификации (оценка воспринимаемого сходства) производился на основе степени близости респондентов: (а) со своей этнической группой (Я-автостереотип) я (автоидентификация), (б) с основными этническими подгруппами (iТ-гетеростереотип₁; Я-гетеростереотип₂), (в) с «отрицательными» по социометрическим критериям членами

своей группы; (г) с «положительными» по социометрическим критериям членами своей группы. Расчет показателей межэтнической дифференциации (оценка воспринимаемых различий) под считывался на основе «расстояния» между оценками следующих подгрупп: (а) собственной этнической группой и другими этническими группами (Автостереотип—Гетеростереотип, Автостереотип—Гетеростереотип₂); (б) между другими этническими группами (Гетеростереотип,— Гетеростереотип₂).

На основе этих показателей и их соотношения оценивались этнические предпочтения и плотность этнических границ.

У представителей всех четырех этнических групп оказался приблизительно одинаковым уровень идентификации с собственной группой (от 0,89 — у осетинок до 0,85 — у чеченок). Средние величины идентификации с другими этническими группами были ниже уровня идентификации с собственной группой. Даже в такой благоприятной ситуации межэтнических отношений, какая была в нашем исследовании, закономерно происходит осознание большей близости с собственной этнической группой. Для каждой группы была получена оригинальная картина, отражающая ее представления о степени близости (о величине этнокультурной дистанции) с другими этническими группами.

Если чеченки осознавали тесную близость с ингушами как с родственным народом, то ингушки, напротив, вопреки очевидности, отдаляли чеченцев от себя, противопоставляя им близость с русскими. Это также одно из проявлений защитной психологической реакции на угрозу этнокультурной ассимиляции, что в данном случае выразилось в отчуждении близкородственной группы, в увеличении этнокультурной дистанции и в укреплении этнических границ на психологическом уровне. Таким образом, еще раз подтверждается вывод о том, что в этом поколении молодых людей — будущей интеллигенции Чечни и Ингушетии, не культивировалось негативное отношение к русским, характерное для их отцов и дедов, прошедших депортацию. Скорее наоборот, формировался явный позитив, о чем выразительно говорит сравнение величин этнокультурных дистанций.

На фоне всей этой картины бросается в глаза превосходящая все дистанцированность осетинок, чеченок и ингушек от отрицательного по социометрическому выбору члена собственной этнической группы. Негативизм для этих народов — важная при чина увеличения дистанцированное в отношениях. Только для русских отрицательный персонаж «из своих» оказался ближе, некоторые другие этнические группы, в частности, ингуши и чеченцы.

Опираясь на вывод о том, что основным определителем этноинтегрирующих и этнодифференцирующих компонентов этнической самосознания являются этнокультурные факторы, мы предположили, что эти факторы непосредственно воздействуют на выраженность автоидентификации и межэтнической дифференциации. В качестве одного из таких факторов в нашем исследовании рассматривалась субъективная степень приверженности респондентов традиционным системам своих этнических культур.

Традиционные этнокультурные ориентации определялись на основе двух закрытых вопросов: «Знаете ли Вы обычаи, традиции, обряды своего народа?», «Соблюдаете ли Вы свои национальные обычаи и традиции в повседневной жизни?».

Молодые осетинки, чеченки и ингушки продемонстрировали хорошее знание своей традиционной этнической культуры. Так, свыше трети осетинок отметили, что знают обычаи хорошо и, как правило, их соблюдают. Такой ответ дали почти половина чеченок и больше половины всех опрошенных ингушек. В группе русских таких респонденток оказалось всего две.

В результате определились две группы этнофоров, одну из которых составили респонденты с высокой степенью приверженности национальным традициям и их соблюдающие, а другую — респонденты, практически не знающие и не соблюдающие национальные обычаи и традиции. Были подсчитаны средние величины коэффициентов идентификации с собственной группой и коэффициентов межэтнической дифференциации отдельно для каждой этнической подгруппы (табл. 10). Респонденты с высокой степенью приверженности традиционным системам своих культур по сравнению со второй группой менее дистанцировались от собственной этнической группы, а другие группы воспринимали как более отдаленные друг от друга (различия значимы при $P < 0,05$). Высокая значимость для этнофора собственной традиционной этнокультурной системы приводит к увеличению «субъективного расстояния» между группами, что выражается в усилении межэтнической дифференциации.

Было проверено влияние на процессы идентификации и межэтнической дифференциации еще одного фактора — насыщенности межэтнического общения как одной из особенностей микросреды индивида. С учетом многонациональноеTM родственного круга, в частности, национальности близких друзей, а также национальности соседей и предпочтений в этой сфере, было выделено три группы.

Очень малочисленной оказалась группа, члены которой по данным опроса ограничивали свое общение представителями собственной этнической среды (4 человека — 2 чеченки, 1 русская, 1 осетинка). Вторая группа (индивиды, контактирующие в повседневном общении не больше чем с представителями 3-х национальностей, включая представителей этнической группы респондента) состояла из 25 студенток (6 осетинок, 12 русских, 4 ингушки, 3 чеченки). Эти две группы составили 22% от всей выборки. Остальные респонденты включили в круг непосредственного повседневного общения представителей самых различных национальностей, проживавших в бывшем СССР.

Сравнительный анализ коэффициентов идентификации и дифференциации, проведенный отдельно по выделенным группам, не показал значимых различий. Так, например, в первой и во второй группах, несмотря на ограниченность межэтнических связей, высокие коэффициенты автоидентификации значимо не определяли соответственно высокую степень межэтнической дифференциации (коэффициент корреляции Пирсона — $0,3945 < C < -0,1205$, при $P < 0,05$). Это показывает, что ограниченность межэтнических контактов непосредственно не влияет на зависимость между высокой автоидентификацией и соответственно высокой межэтнической дифференциацией.

Трансформации эмоционально-оценочного компонента этнического стереотипа в процессе совместной деятельности

Сама по себе констатация негативных характеристик в гетеро-стереотипах мало говорит об их влиянии на всю структуру этнического образа. Исследуя эмоционально-оценочный компонент этнических стереотипов на основе ДТО, мы обратились к изучению возможностей их изменений. Для этого ДТО проводился 2 раза: в начале совместной деятельности студенток в стройотряде и по истечении двух месяцев их взаимодействия.

Мы предположили, что процесс совместной деятельности оказывает определенное влияние на восприятие представителями разных этнических групп друг друга. В этом случае на субъекта в первую очередь воздействует непосредственный опыт конкретного взаимодействия с членами иноэтнических групп. Стереотипизация выступает как механизм практического познания, в результате которого повышается адекватность и когнитивная сложность этнических образов. С развитием деятельности претерпевают изменения не только динамические характеристики межэтнического восприятия (объем, разносторонность, адекватность, согласованность), связанные с когнитивным содержанием, но и оценочные критерии познания представителей иноэтнических групп (Ломов, 1984).

На возможность быстрого изменения общей валентности этнических образов указывало одновременное наличие в них обоих полюсов (позитивного и негативного) атрибуций-«оборотней». Первая гипотеза, которую мы выдвигали, состояла в том, что благоприятная этноконтактная ситуация может усилить позитивную валентность этнических образов за относительно короткое время.

В условиях совместной деятельности восприятие представителей иноэтнических групп осуществляется не только на основе эмоционально-непосредственного отражения, но и на основе рационально-опосредованного. В этой связи мы выдвигали еще одну гипотезу: в многонациональных производственных коллективах значимыми характеристиками восприятия друг друга выступают не этнические, а «деятельностные» параметры, оказывающие влияние на общий образ воспринимаемых этнических групп, что находит свое отражение в позитивных изменениях эмоционально-оценочного компонента этнического стереотипа.

Сравнение эмоционально-оценочных параметров этнического стереотипа: амбивалентности, выраженности и направленности проводилось по четырем этническим группам — русским, чеченкам, ингушкам и осетинкам (см. табл. 11).

Во всех этнических группах самую высокую позитивную эмоциональную определенность имела оценка «Идеала». Потом следовали самооценки и автостереотипы. Сравнение диагностических коэффициентов и коэффициентов выраженности говорит о том, что эмоциональная амбивалентность гетеростереотипов

усиливалась за счет появления в них негативных характеристик. Однако их доля оказалась незначительна для того, чтобы гетеростереотипы приобрели общую негативную направленность.

Изменения коэффициентов амбивалентности, выраженности и направленности автостереотипов в течение двух месяцев оказались незначимы. Это подтвердили и корреляционные связи между эмоционально-оценочными параметрами автостереотипов (коэффициент сопряженности Пирсона — $0,6891 < C < 0,8743$).

Если автостереотипы показали себя относительно стабильными образованиями, то гетеростереотипы, напротив, оказались более подвержены влиянию обстоятельств. По непараметрическому критерию Уилкоксона оказались значимы изменения (от 0,04 до 0,11) всех трех эмоционально-оценочных коэффициентов гетеростереотипов, зафиксированные по прошествии двух месяцев (с вероятностью ошибки $p < 0,05$). Общая тенденция состояла в усилении позитивности гетеростереотипов. Особенно очевидны изменения диагностических коэффициентов этнических гетеростереотипов, выявленные при их попарном сравнении с разницей в два месяца. Так, у осетинок при сравнении первоначальных и вторичных гетеростереотипов чеченцев и ингушей произошло 10 переходов отрицательных диагностических коэффициентов в положительные. У русских гетеростереотип осетин был в целом позитивен с самого начала, а через два месяца его позитивный заряд усилился. У русских возросла также позитивность образов чеченцев и ингушей. У чеченок и ингушек вторичный гетеростереотип осетин сдвинулся в позитивную сторону и сменился знак негативных диагностических коэффициентов.

Еще одним доказательством позитивного сдвига в эмоционально-оценочной структуре этнического стереотипа послужило общее сравнение по всей выборке первоначальных гетеростереотипов со вторичными. Так, в начале взаимодействия отрицательные диагностические коэффициенты составили 35% от всего числа коэффициентов, в то время как во вторичных гетеростереотипах их число уменьшилось почти в 2 раза — до 18%.

Позитивный сдвиг образов воспринимаемых этнических групп происходил на основе изменения качественных критериев межэтнического восприятия в процессе совместной деятельности. Фокусом восприятия друг друга стали не этнические, а «деятельностные» параметры.

На основе материалов интервью «Атрибутивный прогноз», проведенного в конце второго месяца, выяснилось, что* число «деятельностных» признаков в процессе межэтнического взаимодействия по сравнению с этническими параметрами значительно возросло. Именно «деятельностные» качества, приписываемые

представителям этнических групп, стали рассматриваться в качестве причин их успешности или неуспешности. Контакт и знакомство способствовали снижению искаженности стереотипов и персонификации членов других этнических групп. В то же время такой процесс предполагает «размывание» образа совокупного абстрактного члена этнической общности. В зависимости от такого фактора как успешность деятельности представления о собственной этнической группе в некоторых случаях приобрели даже более негативный характер, чем образы других групп.

Можно возразить, что позитивное изменение параметров эмоционально-оценочного компонента этнических стереотипов вызвано установлением дружеских контактов. С целью рассмотрения такой возможности и проверки обоснованности сделанных выводов были проанализированы параметры эмоционально-оценочного компонента этнического стереотипа отдельно по двум группам.

Первую группу составили респонденты, которые в течение двух месяцев приобрели дружеские знакомства более чем с тремя представителями иноэтнических групп (их оказалось 58 человек). Вторая группа состояла из респондентов, не подружившихся в течение двух месяцев ни с одним из представителей других этнических общностей (25 человек). Эти данные были получены на основе материалов анкеты, проведенной нами в конце второго месяца.

Естественно, мы получили результаты, которые подтвердили позитивное воздействие дружеских отношений на этнические стереотипы. Так, в группе респондентов, значительно расширивших сферу дружеских межэтнических контактов, повысилась определенность и позитивность гетеростереотипов. Однако с позитивными изменениями образов других этнических групп оказалась связана и ограниченность дружеских межэтнических контактов. У более чем половины респондентов второй подгруппы также усилилась позитивность гетеростереотипов. Это выразилось в увеличении позитивности как диагностических коэффициентов, так и коэффициентов выраженности (*Кцюева*, 19856). Итак, приведенные выше результаты показали, что в условиях ситуации латентной межэтнической напряженности межгрупповые контакты в форме совместной деятельности достаточно легко изменяли гетеростереотипы в позитивную сторону. Конечно, такие

результаты определялись также и тем, что наши респонденты были молоды и тем, что они были студентами, которые, как правило, являются самой интернационально настроенной частью общества. И все же не в последнюю очередь это отражало низкий уровень предубежденности и высокую настроенность на широкое межэтническое взаимодействие у северокавказских народов в середине 1980-х гг.

Глава 14. Ингушетия и Северная Осетия-Алания: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ СОХРАНЕНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ

Ингуши и осетины веками жили рядом, были добрыми соседями, нередко между ними возникали родственные связи. Тем не менее для проживающих на Северном Кавказе народов резкое ухудшение осетино-ингушских отношений не было неожиданностью. Память нескольких современных поколений этого региона хранит даты, факты и ситуации, которые свидетельствуют о существовании напряженности между ингушами и осетинами на протяжении десятков лет. Особую роль в этом сыграла депортация ингушей в 1944 г. В октябре 1992 г. мир между этими народами был нарушен. Где бы ни лежали корни ингушко-осетинского конфликта — в отношении к собственности, в дележе должностей, в борьбе за избирательные голоса (*Тишков, 1997б*), его трагические последствия — невосполнимость человеческих жертв, пропавшие без вести и заложники, разрушенные дома и жизни — основа устойчивого противостояния осетин и ингушей.

До войны в Чечне ингушко-осетинский конфликт был самой острой проблемой региона. Он длится уже так долго, что наблюдатели отмечают сезонные колебания: напряженность усиливается весной. С момента трагических событий в Пригородном районе Северной Осетии-Алании вышло несколько указов Президента Российской Федерации об урегулировании конфликта, подписано множество соглашений, постановлений о порядке возвращения беженцев в места их прежнего проживания. Но до середины 1997 г. лишь немногим более 5% беженцев вернулись в Пригородный район. По данным МВД Северной Осетии, на 15 июля 1997 г. здесь проживало свыше 7,2 тыс. ингушей, включая не покидавших Пригородного района ингушей — жителей с. Майское и с. Чер-мен (Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень, октябрь, 1997 г. С. 16).

Почему же с таким трудом налаживается переговорный процесс между осетинами и ингушами? Ведь помимо официальных контактов на федеральном и региональном уровнях были организованы многочисленные встречи. Встречались старейшины, молодежь, представители одних профессий, воины-интернационалисты, религиозные деятели, женщины, спортсмены, бизнесмены. Какие-то результаты есть, но по сравнению с затраченными усилиями надо признать, что они минимальны. Политологи называют немало причин затяжного характера ингушко-осетинского конфликта, в том числе пассивность и неповоротливость сначала Временного госкомитета по ликвидации последствий конфликта, потом так называемого аппарата при Президенте России, не обеспечения федерального финансирования восстановительных работ в Пригородном районе, наличие национал-радикалов среди ингушей и осетин, противоположность позиций руководства республик.

Помимо этих и других причин нельзя сбрасывать со счетов социально-психологические детерминанты сохранения напряженности между Северной Осетией и Ингушетией. К их числу относится ряд факторов, которые, на наш взгляд, имеют наибольшее психологическое значение для людей, длительное время проживающих в ситуации конфликтной межэтнической напряженности. Среди них: (а) наличие реальной основы непрерывной конфронтационности ситуации — отсутствие решения по вопросу спорных территорий; (б) высокая нестабильность межэтнических отношений в северокавказском и соседних с ним регионах; (в) исторические различия в этносоциальном статусе осетин и ингушей; (г) актуализация прошлых негативных моментов во взаимоотношениях и современный негативный опыт разрешения конфликта; (д) сам факт достижения критического уровня конфронтации, перехода к агрессии и насилию; (е) акцентирование этнокультурных, психологических и религиозных различий. Перечисленные факторы находят прямое отражение в содержании этнического самосознания и в значительной степени определяют формирование у сторон соответствующих этнических образов и интерпретаций мотивов и действий друг друга. Эти образы и интерпретации становятся серьезными барьерами, затрудняющими формирование кооперативной стратегии по урегулированию осетино-ингушских отношений.

Территориальные и этнические границы

Осетино-ингушский конфликт в полной мере относится к типу территориальных конфликтов, разрешение которых, по мнению многих исследователей, представляется наиболее трудным. Именно проблемы, связанные

с территориальными спорами, за несколько месяцев до конфликта назывались русскими, осетинами и ингушами, проживающими в Северной Осетии, в качестве главных причин напряженности (см. табл. 12).

До конфликта четверть русских считали эти земли «исконно казачьими», треть осетин — «исконно осетинскими», около 70% ингушей — «исконно ингушскими». «Общей родиной для осетин, ингушей и казаков» называли эту территорию треть осетин, половина всех опрошенных русских и 16% ингушей.

Мнения жителей Северной Осетии-Алании о принадлежности спорных территорий существенно изменились после конфликта (см. табл. 13, данные по 1994 г.). По данным, полученным в массовом опросе летом 1994 г., в два раза больше осетин стали рассматривать спорные территории как земли, закрепленные за Осетией по закону. Увеличилось количество таких представлений и среди русских. Экспертный опрос 1995 г. показал абсолютное доминирование этого мнения среди осетинской и русской творческой и политической элиты, а также в рабочей среде. В то же время снизилась радикальность представлений осетин о территориях Пригородного района, как об «исконно осетинских» землях. Время, прошедшее после конфликта, способствовало снижению эмоциональности мнений и формированию более прагматичного взгляда на суть конфликта. Тем не менее такая позиция достаточно прочна и поддерживается среди осетин политической элитой и творческой интеллигенцией. Придерживается этой позиции и часть русской политической элиты Северной Осетии-Алании. И все же среди осетин и русских встречались респонденты, считавшие часть земель Пригородного района «исконно ингушскими» или «незаконно» у них «отобранными». Сами ингуши однозначно придерживаются именно этого мнения. Лишь 3% ингушей склонны все же рассматривать эти земли как спорные. В Конституции Республики Ингушетия территориальные притязания к Северной Осетии-Алании закреплены на официальном уровне.

По сравнению с 1992 г. среди осетин уменьшилось число тех, кто считает спорные территории «исконно казачьими». Хотя традиция взаимоподдержки друг друга осетинами и казачеством была продолжена во время вооруженного конфликта, к моменту нашего опроса в 1994—1995 гг. ситуация неоднократно менялась. Этому способствовали различные политические события и активная деятельность казачества в регионе. Одним из ее результатов явилось укрепление среди русских Северной Осетии-Алании мнения о «казачьей» принадлежности спорных территорий. Это представление находит поддержку в первую очередь у русских рабочих: среди них треть опрошенных в 1995 г., как и треть всех опрошенных русских в 1994 г. продолжали считать спорные территории «исконно казачьими». В то же время русская политическая элита Северной Осетии-Алании, следуя за национальной элитой республики, активно поддержала мнение о том, что часть Пригородного района — это земли, закрепленные за Осетией по закону.

Существенно потускнели под влиянием конфликтов романтические представления о спорной территории как об «общей родине». Число осетин — сторонников такого рода представлений в 1994 г., по сравнению с 1992 г., снизилось в 8 раз. Среди городских русских таких респондентов в 1994 г. вообще не оказалось, в то время как два года назад половина всех опрошенных русских считали спорные территории общей родиной. Среди опрошенных ингушей в 1994 г. никто не назвал данную территорию «общей родиной», в то время как до конфликта так воспринимали Пригородный район приблизительно пятая часть ингушей. Это одно из доказательств расщепления верхних обобщающих уровней социальной идентичности и уплотнения этнических границ. Идеологическая риторика прошлого существенно сдала свои позиции под влиянием ситуации затяжной межэтнической напряженности. Конфликт драматически изменил представления у всех сторон о возможностях благополучного совместного проживания. Но в 1995 г. представления об «общей родине» начинают все более активно поддерживаться творческой и политической элитами, уставшими от затянувшейся конфронтации.

Нестабильность межэтнических отношений

Помимо вооруженных конфликтов последних лет нестабильность межэтнических отношений в северокавказских республиках и конкретно в регионе проживания осетин и ингушей в значительной степени обусловлена высокой интенсивностью миграционных процессов прошлого и настоящего времени.

К их числу, во-первых, относится большая межреспубликанская миграция, связанная с началом возвращения в 1957 г. депортированных народов, в том числе и ингушей, на территории своих национальных образований. После возвращения часть ингушей компактно расселилась в Пригородном районе Северной Осетии-Алании. Всего с 1957 по 1989 гг. жителями данного района стали около 17 тыс. ингушей.

Во-вторых, это миграционные процессы последних лет. Например, в Северной Осетии-Алании, которая и в благополучные времена занимала первое место среди российских автономий по показателю плотности населения, появилось большое количество переселенцев и беженцев различных национальностей. Среди них основную часть составили беженцы-осетины из внутренних районов Грузии и Южной Осетии, уже более пяти лет как осевшие в республике, осетины из Средней Азии и Пригородного района.

Перерастание осетино-ингушской напряженности в вооруженное противостояние и политические процессы в Чечне ускорили отток русского населения из Чечни и Ингушетии — в Северной Осетии появились сотни беженцев-казаков. В этот период в газете «Терский казак» было опубликовано коллективное письмо казаков из Сунженского района Ингушетии, которые считали «...невозможным нормальное проживание русских с ингушами в казачьих станицах» и предлагали «свой выход»: переселить русское население Ингушетии в Пригородный район Северной Осетии, а в освободившиеся дома вселить ингушских беженцев. По их мнению, в результате такого шага будут достигнуты следующие

цели: «...Уменьшится национальная напряженность в северокавказском регионе, появится реальная возможность прекращения конфликта, Осетия получит в лице своих новых граждан тружеников-земледельцев, что благотворно скажется на экономическом состоянии; уменьшится миграционная нагрузка на Юг России» (Терский казак. 1993. №3.).

Низкая численность осетин, проживавших в бывшей Чечено-Ингушетии, определила их относительно небольшой отток в Осетию. В 1994 г. беженцев-осетин из Чечни и Ингушетии было 540, вынужденных переселенцев — 151 человек. Всего же в целом на 1 июля 1994 г. в Северной Осетии было зарегистрировано 49 450 беженцев и вынужденных переселенцев, к сентябрю 1997 г. их число снизилось до 35,2 тыс. человек (данные миграционной службы Северной Осетии).

По данным Мухарбека Аушева — президента Ассоциации по оказанию помощи ранее депортированным народам и вынужденным переселенцам, на территории Ингушетии в начале 1997 г. находилось 37 650 ингушских беженцев — бывших жителей Северной Осетии (Северный Кавказ. 1997. №1). В связи с тем, что ингуши нередко проживали в Осетии без прописки у своих родственников, эта цифра близка к действительности, так как по данным МВД Северной Осетии численность ингушского населения республики на момент начала вооруженного конфликта — 31 октября 1992 г. — составляла 37,5 тыс. человек (Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень. 1997. № 4. С.16). Надо также учитывать, что после вооруженного конфликта в Осетии осталось 12 500 ингушей — жителей ряда населенных пунктов республики (например, поселок Майское, село Хурикау Моздокского района), не принимавших в нем участия.

Наличие большого числа беженцев в конфликтной зоне порождает не только экономические и социальные проблемы, но является дополнительной психологической нагрузкой для двух республик. Беженцы и переселенцы — это люди в состоянии травматического или посттравматического стресса. Они не способствуют оздоровлению тяжелой обстановки, а напротив, еще более увеличивают негативную «аффективную» заряженность психологического поля конфликта.

Нестабильность этнических отношений усиливает дифференцированность и избирательность социального восприятия. В ситуации конфликтной межэтнической напряженности все этнические образы преломляются сквозь призму конфликта. Психологическая дистанция между народами увеличивается, формируется устойчивая «предубежденная» когнитивно-эмоциональная система, включающая собирательные образы союзников и врагов. С образами врагов все понятно, но кто в представлениях осетин и ингушей является их союзниками? О взаимоотношениях между ингушами и чеченцами мы уже писали в главе 10. В данный исторический момент несмотря на этнокультурную близость ингушей и чеченцев численное превосходство последних определяет стремление ингушских лидеров дистанцироваться от близкородственных соседей. В таких случаях воздвигаемые этнические границы имеют скорее искусственную природу и без их усиления границами административными плохо выполняют свою разделительную функцию.

Как показано в предыдущей главе, представители ингушской молодежи (18—25 лет), которые родились уже на земле предков, а не в степях Средней Азии, отождествляли себя в большей степени с русскими, чем с родственными им чеченцами. Чеченцы, в свою очередь, также не были склонны выделять ингушей как наиболее психологически близкую к себе группу, а ставили их практически в один ряд с русскими. Но такая картина была получена в начале 1980-х гг. В 1990-х гг. ингуши поддерживали чеченцев во время войны,

многие чеченские беженцы нашли приют в Ингушетии. И у ингушей есть основания рассчитывать на поддержку чеченцев в критической ситуации.

Политические связи Ингушетии и Осетии с Россией начинаются в середине XVIII в. Их развитию способствовали незащищенность Ингушетии и Осетии от внешних нападений, стремление к установлению торговых связей с русской пограничной линией {Блиев, 1985}, а также перспективы массового переселения на равнину. Непосредственные контакты между осетинами и ингушами — с одной стороны, и русскими — с другой, начинались через взаимоотношения горцев с казаками.

Казаки, начавшие осваивать среднее Предтеречье Северного Кавказа еще в XVI в., проживали на спорных сегодня территориях Северной Осетии-Алании с 1859 по 1922 г. С появлением в XIX в. казачьих станиц Сунженской линии вопрос земельного дефицита для горцев еще более обострился {Гордеев, 1992; Заседателева, 1974; Козлов, 1990; Омельченко, 1991}. Установление советской власти сопровождалось изгнанием в 1920—1923 гг. казаков Сунженской линии. Казачьи станицы были заселены ингушами, которые проживали там в течение 22 лет до 1944 г.

В противоположность ингушко-казацким отношениям осетино-ингушские складывались относительно благоприятно. Осетины часто становились казаками. Уже в годы советской власти, когда правобережное казачество в 1920-х гг. было поголовно репрессировано, левобережное казачество пострадало лишь отчасти, благодаря совместным активным действиям осетин и казаков. Отметим также, что терские казаки одними из первых выступили на стороне Северной Осетии в октябре—ноябре 1992 г. В случае дальнейшего обострения отношений между Осетией и Ингушетией местные казаки и казачество юга России, несмотря на внутренние разногласия, могут выступить как союзники осетинского народа.

Нестабильность межэтнических отношений определяется также особенностями социально-демографических, политических и культурных процессов в регионе. Интерес в данном случае представляет сравнение не только ингушей с осетинами, но того и другого народа с русским населением республик. Русские по данным переписи 1998 г. занимали по численности прочное второе место после титульных народов как в Северной Осетии, так и в бывшей Чечено-Ингушетии. Среди социально-демографических факторов, особенно повлиявших на формирование этнического самосознания народов Ингушетии и Осетии, выделяются следующие: темпы естественного прироста титульных национальностей и рост их удельного веса в городской среде.

Самый низкий уровень естественного прироста населения среди северокавказских народов сохраняется у осетин, что является одним из индикаторов более высокой степени модернизированное Северной Осетии по сравнению с другими республиками региона. Наиболее высокий уровень рождаемости в 1980-х гг. на Северном Кавказе был зафиксирован в бывшей Чечено-Ингушетии. Например, за одно десятилетие (1979—1989 гг.) число ингушей увеличилось на 30%, чеченцев — на 26%, в то время как естественный прирост русских снизился здесь за тот же период времени более чем в 15 раз.

Титульные национальности значительно потеснили русское население в городах республик. Удельный вес чеченцев и ингушей в общей численности городского населения бывшей Чечено-Ингушетии увеличился за 30 лет (1959—1989 гг.) более чем в 5 раз, осетин в Северной Осетии — в 1,7 раза. В частности, во Владикавказе удельный вес осетин вырос с 23,6% в 1959 г., до 40% в 1979 г., почти достигнув уровня существующего тогда удельного веса русских (43%), а в 1989 г. практически сравнялся с 50% отметкой (см. табл. 14, глава 15). Более чем в 7 раз по сравнению с 1944 г. увеличилось число ингушей в столице Северной Осетии-Алании — за период с 1957 по 1989 гг. во Владикавказе поселилось 14,4 тыс. ингушей.

В Северной Осетии-Алании, как и во всех других северокавказских республиках, наиболее активной в области национального возрождения и социально-политической деятельности оказалась титульная национальность. Приведем для примера наиболее крупные события, произошедшие в этой республике за 1991 г.: переименование СО АССР в Северо-Осетинскую Советскую Социалистическую Республику, Съезд народов Северной Осетии, Съезд осетинского народа, Международная научная конференция по осетиноведению и др. Они отражают общие тенденции национального возрождения в целом по региону. Одной из сторон активизации процессов суверенизации явилось увеличение во властных структурах, в политической, социальной и экономической сферах жизнедеятельности доли чеченцев в Чечне и осетин в Осетии по сравнению с русскими и ингушами, проживающими в этих республиках.

Все эти процессы активизировали и ингушскую элиту. Но ингуши столкнулись с жесткой конкуренцией в предпочитаемых ими социально-профессиональных нишах и в Чечено-Ингушетии, и в Северной Осетии. В

Осетии, по мнению осетин и русских, ингуши были заняты и добивались успехов главным образом в промышленности, а также в научно-образовательной и культурной сферах деятельности. В промышленности серьезную конкуренцию ингушам составляли русские и татары. В образовании, науке и культуре — престижных сферах деятельности в Осетии — практически все народы республики, и в первую очередь — осетины и русские (см. рис. 17). Вследствие различного статусного положения, с одной стороны, осетин и чеченцев, а с другой — ингушей, последние не сумели в полной мере реализовать свои социальные потребности. Это явилось еще одной важной причиной повышения социально-политической активности ингушской элиты.

Социально-политическая активность ингушей в 1989—1991 гг. отличалась, в первую очередь, четкой направленностью на разрешение территориального вопроса в пользу Ингушетии (*Anchabadze, Arutiunov, Volkova*, 1993). В 1989—1990 гг. состоялось более 10 крупных митингов, главной темой которых был территориальный вопрос. В 1991 г. их число уже превысило 30. Некоторые из этих многотысячных митингов длились по несколько недель, основательно накаляя ситуацию.

Этносоциальный статус

Различия в этносоциальном статусе между ингушами и осетинами определялись тем, что ингуши как «наказанный» народ, несмотря на восстановленную после возвращения на родину «титультность», оставались ущемленным меньшинством и как бы народом «второго сорта» и в Осетии, и в бывшей Чечено-Ингушетии.

Осознание народом своего положения в системе социальных связей и отношений обусловлено уровнем его социального развития. До образования советского государства темпы эволюции осетинского и ингушского народов историки и этнографы оценивают приблизительно одинаково. Общественный строй горских народов Кавказа в XIX в. определяется в целом как патриархально-феодальный. Тем не менее, в социальной структуре народов Северного Кавказа существовали различия. Например, она была более сложной у кабардинцев и части западных адыгов, менее сложной — у чеченцев и ингушей. Промежуточное положение по социальной стратификации занимали осетины вместе с карачаевцами и абазинами (*Волкова*, 1989; *Гарданов*, 1967; *Кушева*, 1963; *Робакидзе*, 1978). Так, и Тагаурское общество осетин, и горные ингуши в начале XIX в. находились в политической зависимости от кабардинских князей, владевших значительной частью северокавказской равнины, и платили подать в один рубль серебром (*Волкова*, 1989). И Ингушетия, и Северная Осетия после их краткого совместного существования последовательно в Горской республике Терской Советской Республике, Горской (АССР) Республик прошли путь от автономных областей до автономных республик. Однако, по сравнению с «персональной» автономией Северной Осетии, Ингушетия с 1934 по 1944 гг. и с 1957 г. по август 1991 являлась составной частью Чечено-Ингушетии сначала как автономной области, а с 1936 г. — как АССР. Только в 1992 г. Ингушетия стала субъектом Российской Федерации такого же уровня как и Северная Осетия.

Огромные человеческие и моральные потери ингуши претерпели во время депортации. Как и другие репрессированные народы, они прошли через «статусную депривацию» — упразднение не только республики, но и народа. В целом, в 1944 г. из Пригородного района было выселено 26 019 человек, включая 2 254 человек из самого Владикавказа. Всего депортировали 493 269 чеченцев и ингушей. Из них приблизительно пятую часть составляли ингуши, численность которых к тому времени была 91,2 тыс. человек. Эта беспрецедентная по масштабам и по сути акция не могла не изменить самосознание ингушского народа.

С.У.Алиева, прошедшая ребенком через ад репрессий, пишет, что до сих пор не может «...преодолеть сложившегося в школьные годы рефлекса ущербности, неправомерности, неправомерности своего "предательского", "плохого" национального происхождения» (*Алиева*, 1993, с.322). 1944 г. послужил началом активного накопления депрессивных астенических состояний у целого народа, оказавшегося в унижительной ситуации этносоциального неравенства. По оценке самих репрессированных, стремление выжить вело к нравственному саморазрушению: «Выживали те, кто научился хитрить, изворачиваться, ловчить, "делать" деньги, лгать» (*Базоркина*, 1993, с.119). Тяжелые психологические последствия этносоциального неравенства до конца не преодолены и сегодня. Только смена нескольких «благополучных» поколений может освободить народ от тяжелого груза унижений, обид и ненависти к обидчикам.

Северная Осетия в период депортаций, напротив, оказалась в территориальном выигрыше, определившем соответственно политические и экономические преимущества. В итоге ее территория увеличилась за счет

Моздокского района, заселенного русскоязычным населением, и Пригородного района, который слился со столицей республики экономически и территориально. Однако цена

этих преимуществ оказалась достаточно высока: два насильственных переселения и дальнейшее проживание в заведомо конфликтной зоне.

В 1944 г. бремя переселения осетинам пришлось разделить с жителями соседних республик и областей. Людей перемещали насильно, применяя жесткие административные и партийные меры давления и контроля, усугубленные военным временем. Осетинские семьи особенно сопротивлялись переселению, так как по кавказским обычаям соседи близки как родственники, а ингуши и осетины многие столетия жили рядом.

В 1957 г. Чечено-Ингушетии возвратили часть земель, переданных в военное время Северной Осетии. Проживавшие на этих территориях осетины были вывезены и лишены недвижимого имущества, нажитого за последние годы. Значительная часть переселенных осетин была из Грузии, где они уже потеряли свои жилища, поэтому эти люди селились в Пригородном районе и у своих родственников в Осетии. В качестве «земельной» компенсации за оставшиеся в Осетии территории в пользу Чечено-Ингушетии от Ставропольского края были отторгнуты три района (Каргалинский, Шелковской и Наурский), превышающие ранее отчужденные земли по площади. Однако эти территории в конечном итоге достались не Ингушетии, а Чечне, и при предъявлении своих претензий ингушская сторона об этой компенсации предпочитает не упоминать. В период с 1960-х по 1990-е гг. казачье население здесь сократилось до 30%, в то время как чеченское возросло до 49% (Цуциев, 1994).

Факт возвращения в конце 1950-х гг. депортированных народов оказался не решением проблемы, а порождением целого ряда новых, не менее серьезных проблем. Они особенно обострились после принятия закона Российской Федерации «О реабилитации репрессированных народов» от 26 апреля 1991 г., который можно рассматривать в качестве «пускового» политического фактора эскалации напряженности между осетинами и ингушами. На его основе репрессированным народам предоставлялись «...права на восстановление территориальной целостности, существовавшей до антиконституционной политики насильственного перекраивания границ, на восстановление национально-государственных образований, сложившихся до их упразднения, а также на возмещение ущерба, причиненного государством». Закон существенно обострил неучтенный в этом декларативном акте вопрос о последовавших вслед за депортациями насильственных перемещениях народов. Например, осетины прошли через насильственные переселения в 1920, 1944 и 1957 гг., казаки — в 1918—1920 гг. Самым уязвимым местом этого закона является нормативно-правовой аспект. Его непроработанность превратила данный документ в чисто декларативный акт.

Если Северная Осетия считалась экономически наиболее развитой среди республик Северного Кавказа, то молодой Ингушской республике в этом ряду досталось последнее место. Ингуши начинали строить свою жизнь практически заново — без социальной, экономической, административной структуры. В принятом ВС Российской Федерации 4 июня 1992 г. законе «Об образовании Ингушской республики в составе Российской Федерации» не были определены важнейшие государственные атрибуты: территория, границы, столица.

Итак, осетины более органично вписывались в советскую этносоциальную структуру, отличались законопослушностью. Ингуши, напротив, на протяжении многих лет находились с окружающим обществом в состоянии конфликта, подпитываемого глубокими противоречиями между необходимостью социального взаимодействия и ущемленностью и сложностью выражения группового «Я». Результаты этого — отчуждение и замыкание целого народа, накопление депрессивных психологических состояний, развитие комплекса «обиженной нации». Несущим стержнем этих негативных процессов явилось чувство несправедливости, в значительной степени определяющее восприятие и интерпретацию поведения других этнических групп. Через конфликт ингуши стремились вернуть утраченные земли, на которых предполагалось строить новый дом. Осетины пытались сохранить уже устоявшуюся административную и экономическую конфигурацию республики и обеспечить ее народам свободное и безопасное развитие. Выравнивание этносоциального статуса у конфликтующих сторон на государственно-политическом уровне вовсе не означает немедленную перестройку их сознания. И тем более это не предполагает немедленного появления равных возможностей. Такое положение дел подкрепляет соперничающую стратегию поведения в ситуации конфликтной межэтнической напряженности.

Наследство и реалии межэтнических отношений

Опыт межэтнических отношений можно условно разделить на три части: исторический опыт предыдущих поколений, непосредственный опыт очевидцев (живущих поколений) и актуальный опыт последних лет. Все эти три совокупности обобщенной и схематизированной информации эмпирических знаний и соответствующих навыков имеют свои особенности преломления в групповом этническом самосознании.

В историческом развитии осетин и ингушей, как и у каждого кавказского народа, достаточно примеров внешней агрессии и принуждения. Взаимоотношения между самими этими народами на протяжении их многовекового сосуществования также нельзя отнести к разряду идиллических. Например, в эпоху средневековья эти отношения характеризуют и как антагонистические, и как дружественные. «Антагонизм возникал по причине борьбы за землю, дружественными же они были потому, что эти народы были соседями и находились в тесном соприкосновении друг с другом»

(Долгам, 1972, с. 14).

Если войны и конфликты разъединяют народы, то хозяйственные связи, социальный и культурный обмен соединяют их. Весь этот исторический опыт взаимоотношений между народами фиксируется в концентрированном виде в их исторической памяти и представляет важнейшую архетипическую составляющую образов других этнических групп. В ситуациях межэтнической напряженности в первую очередь актуализируется негативная часть этих образов, которая превращается в содержательную опору интерпретаций мотивов и действий другой стороны.

В соответствии с географическими условиями, помимо устойчивых горизонтальных контактов (горцы с горцами, контакты между собой равнинных жителей), существовала четкая вертикальная направленность — сверху вниз: с гор на равнину. Она определялась такими факторами как малоземелье, необходимость в летних и зимних пастбищах, развитие отгонного скотоводства и отходничество. Исторические устойчивые этнокультурные контакты, а следовательно хозяйственные связи у осетин и ингушей, помимо взаимодействия друг с другом, в XIX в. совпадали по русской и грузинской линиям. По труднодоступным горным тропам ингуши традиционно общались с горцами Восточной Грузии, с народами Дагестана, осетинами — с кабардинцами и балкарцами. Малоземельные Осетия и Ингушетия, несмотря на то, что были ближайшими соседями, не могли удовлетворить взаимные нужды, и всякого рода хозяйственные контакты развивались между ними в меньшей степени, чем с другими народами Кавказа.

Подтверждает этот момент плохая представленность в этнографической литературе материалов о развитии кулаческих связей между ингушами и осетинами. Куначество, как особая форма гостеприимства, способствовало установлению хозяйственных и дружеских связей между горцами. Ее трансформированные формы, связанные с историческим изменением традиционных социальных институтов на Северном Кавказе, в специальной литературе зафиксированы не между осетинами и ингушами, а, главным образом, между южными осетинами, дигорцами и рачинцами, осетинами и кабардинцами, осетинами и балкарцами, ингушами и хевсурами, ингушами и грузинами-мтиулами (Волкова, 1989).

Аналогичная картина складывается при рассмотрении различных форм искусственного родства, которые в прошлом имели большое значение для северокавказских народов. Эти формы в условиях отсутствия государств служили укреплению внешних и внутренних социальных связей и союзов против врагов. Этнографы отмечают, что среди народов Северного Кавказа, стремившихся к установлению искусственного родства во всех возможных случаях, в меньшей степени это относится к чеченцам и ингушам (Смирнова, 1989).

Искусственное родство у ингушей (кроме побратимства) не влекло за собой последствий, одинаковых для большинства народов Северного Кавказа: материальной взаимопомощи, обязанности и права кровомщения и квазиродственной экзогамии. Чеченцы и ингуши являются также единственными народами Северного Кавказа, у которых не существовало аталычества (связь семей воспитателя и воспитанника, почитаемая иногда даже выше кровнородственной), а пребывание в «другом доме» не вело к породнению. В то же время у осетин в XVIII—XIX вв. тесные аталыческие связи еще довольно отчетливо сохранялись с кабардинцами, балкарцами и грузинами (Волкова,). Я.С.Смирнова объясняет такие различия особенностями общественного строя вайнахов, когда крепкие родовые связи не требовали дополнительного укрепления отношениями искусственного родства (Смирнова,). Тот факт, что в этнографической литературе, посвященной данной теме, практически не описываются случаи искусственного родства между осетинами и ингушами, свидетельствует о том, что искусственное породнение не относилось к привычным формам взаимодействия между этими народами.

Тем не менее среди вайнахов была распространена побратимство (посестримство). Но оно прежде всего предполагало союз двоих и далеко не всегда распространялось на семьи побратимов. Побратимство предполагало взаимоподдержку, взаимопомощь и верность, на побратимов распространялся обычай кровной мести. У вайнахов и осетин эта форма обычно встречалась внутри этноса, хотя нередко бывали случаи заключения побратимства с представителями других этносов. Но опять же, у ингушей такие союзы чаще заключались с грузинами — мохевцами и мтиулами (Волкова, 1989). Однако еще в начале 1990-х гг. нам были известны случаи установления некоторых форм искусственного родства между осетинами и ингушами.

Практическое отсутствие современного позитивного опыта по достижению согласия между осетинами и ингушами, начиная с ноября 1992 г., само по себе также является значимой детерминантой роста межэтнической напряженности в регионе. Затяжной характер конфликта, неэффективность множества переговоров, решений, соглашений, жесткость и противоположность позиций участников конфликта, повторяющееся негативное поведение с обеих сторон (угрозы, взятие заложников, террористические акты, вооруженные провокации) — все это не только не разрушает, но подкрепляет негативные интерпретации сторонами действий и мотивов друг друга. Взаимные обиды, претензии и опасения снижают и так бывший очень низким уровень доверия и надежду на выработку взаимоприемлемых решений. Так, по данным этносоциологического опроса, уже до октябрьских событий 1992 г. свыше 80% осетин и свыше 60% русских не доверяли заявлениям ингушских лидеров о том, что в случае передачи части Пригородного района в состав Ингушетии осетинское население не будет из него выселяться.

Значительное влияние на рост напряженности между Северной Осетией-Аланией и Ингушетией оказывает необычайное обострение криминогенной обстановки. Особое значение имеют преступления, совершенные осетинами и ингушами по отношению друг к другу. «Уголовные преступления на межнациональной почве», которые уже неоднократно провоцировали здесь обострение межэтнических отношений, 36% осетин, 21,2% русских и 13,7% ингушей назвали в середине 1992 г. среди основных причин усиления напряженности в республике. Уже упоминалось о том, что известные трагические события в Северной Осетии в октябре 1982 г., в результате которых в ее столицу были введены войска, начались с массовых выступлений осетин, возмущенных жестокими преступлениями отдельных лиц ингушской национальности. В свое время это событие было квалифицировано как «разжигание межнациональной розни», и сотни жителей Северной Осетии были наказаны.

Переход к агрессии и насилию

Одним из наиболее деструктивных последствий вооруженного противостояния осетин и ингушей является преодоление или сокращение дистанции между установочными образованиями, декларациями, намерениями и реальными действиями. Оба народа «перешли Рубикон» — преступили черту во взаимоотношениях. После этого проще конфликтовать, чем простить друг друга или признать свою вину. Самым губительным психологическим результатом свершившихся фактов этнического насилия является страх. Ингуши боятся возвращаться небольшими группами и отдельными семьями, как это предлагает осетинская сторона. Они опасаются за свою жизнь. Боятся мести все, кто прямо или косвенно участвовал в вооруженных столкновениях. Боятся родственники участвовавших. Боятся мести жители сел в зоне конфликта, например, в Тарском, где не было военных действий, но брошенные ингушами дома понемногу разбирались по кирпичикам. Новой дестабилизации обстановки, новой крови и разрушений боятся все жители двух республик. Страх искажает этнические образы, убивает доверие и является одной из самых сильных эмоций, побуждающих к действию.

У осетин и ингушей противоположные взгляды на события октября—ноября 1992 г. Жители Северной Осетии-Алании воспринимают случившееся как агрессию со стороны ингушей, предпринятую с целью изгнания осетин со спорных территорий. Действия осетинской стороны определяются как защита своей законной территории. Понятие «конфликт» в данном случае вообще отрицается. Причем на оценке событий конца октября-начала ноября как агрессии со стороны ингушей настаивают не только представители осетинской, но и русской элиты республики (см. Говорит элита Республик..., с.198, 200). С ингушской стороны ситуация трактуется как осетинская агрессия, предпринятая с целью изгнания ингушей с территории, которая должна принадлежать по закону Ингушетии. К сожалению, агрессивные действия имели место как с той, так и с другой стороны. У ингушей они были специально организованы и целенаправленно вызваны нагнетанием обстановки экстремистски настроенными ингушскими лидерами. На фоне непродуманных политических акций центра, сложного социального и политического положения ингушского народа и того негативного

психологического состояния, которое вызревало десятилетиями, сделать это было нетрудно. У осетин агрессивные действия носили ответный и инструментальный характер.

Спустя два года после конфликта у сторон сохраняется высокая готовность ответить на агрессию ответной агрессией (см. рис. 18). Хотя более 40% осетин и треть ингушей воспринимают себя как сторону, которая «старается сгладить конфликт», но идти на односторонние уступки среди тех и других мало желающих. И с той, и с другой стороны остались кровники, которые жаждут возмездия. Поэтому еще так велико число тех, кто склонен к соперничающей стратегии в межэтнических отношениях. Для того, чтобы подняться над обидами и ненавистью, необходимо длительное время.

Вооруженное противостояние существенно изменило ситуацию в зоне напряженности с точки зрения взаимных ожиданий. В результате разрыва коммуникаций между сторонами значительно сократился обмен информацией, тем более позитивной. Материализация негативных установок привела к тому, что избирательность восприятия стала осуществляться по принципу «ничего хорошего ждать не приходится».

Самооправдания по типу сопоставления совершенных друг другом негативных акций, коллективного разделения ответственности, апелляции к высшим ценностям, делигитимизации другой стороны не только существенно снижают значимость собственных агрессивных действий, но и облегчают проявление возможного насилия в дальнейших отношениях.

При такой высокой общественной значимости конфликта, все события, факты, эпизоды и цифры (в большинстве случаев непроверенные), с ним связанные, мгновенно становятся достоянием широких кругов, приобретая соответствующую эмоциональную окраску. Негативная аффективная окраска информации как с ингушской, так и с осетинской стороны является отражением взаимоисключающих официальных позиций республик по достижению согласия, а также общих настроений и ожиданий населения Ингушетии и Северной Осетии-Алании.

Поддержанию высокого уровня напряженности в большой степени способствовало одностороннее эмоциональное освещение событий в средствах массовой информации. Вплоть до того, как первые полосы газет заняли репортажи о кризисных событиях в Чечне, оно было достаточно интенсивным. Такого рода материалы, созданные как бы с целью просвещения широкой общественности и апелляции к ней, почти незаметными проходили в центре. Но зато они находили мгновенный отклик у конфликтующих сторон. Газетные статьи, очерки, телевизионные передачи многократно обсуждались, вновь накаляя обстановку и усиливая такие побуждающие к действиям эмоциональные состояния как страх, ненависть, возмущение, гнев.

Закономерно, что представители средств массовой информации, освещающие события в зоне конфликта, проникаются интересами именно той стороны, с которой они имеют больше контактов. Кроме того ингуши, как сильно пострадавший за годы *Щ* советской власти народ, вызывают особое сочувствие. Поэтому ситуация нередко рассматривается только с одной позиции, описываются леденящие душу подробности, порочащие другую сторону. Приводя недоказанные страшные цифры и факты, я пишуший принимает на себя огромную ответственность (*Ляпин, и* 1993; *Белозерцев, Дуванова*, 1993). Экстремальные негативные примеры, ассоциируемые с той или иной группой, заставляют читателя забывать о том, что они очень редки и являются скорее исключением. К сожалению, преступники есть у любого народа, тем более в сумятице вооруженного противостояния. Однако Я делать такого рода обобщения по национальному признаку означает провоцировать конфликт дальше. Эмоциональность и субъективность в освещении журналистами серьезной проблемы есть также результат «эмоционального заражения» в психологическом поле этнического конфликта.

Война в Чечне как бы оттянула на себя напряженность с других республик Северного Кавказа. В том числе разрядилась обстановка и в зоне ингушско-осетинского конфликта. Здесь произошел спад террористической и криминальной активности. По данным МВД Северной Осетии, ее позитивная динамика такова: 1993 г. — 400 преступлений с применением огнестрельного оружия и взрывчатых веществ, 1994 г. — 521, 1995 г. — 245.

Но потенциал роста напряженности сохраняется. И его основа не только 500 кровников с той и с другой стороны (115 жертв со стороны осетин, 400 — со стороны ингушей). В первую очередь — это большое количество беженцев, зарегистрированных и в Ингушетии и в Северной Осетии-Алании. А также огромный уровень безработицы, особенно в Ингушетии, где безработных в 1996 г. было почти 50 тыс. человек (*Независимая газета*. 1996. 22 мая). В январе 1997 г. по данным из Ингушетии на 1 рабочее место претендовали 500 человек (*Северный Кавказ*. 1997. №1).

Поиски сходства и различий

Представления о психокультурных особенностях других этнических групп составляют важную основу интерпретаций их мотивов и действий. Рост межэтнической напряженности повышает значимость совместимости традиционных этнокультурных моделей и сензитивность (чувствительность) народов к культурным различиям и этнопсихологическим особенностям.

По мнению этнологов, в процессе исторического взаимодействия осетин и ингушей между ними образовалась обширная зона этнокультурного сходства. Развитие отношений между предками осетин и ингушей именно с точки зрения взаимопроникновения культур хорошо прослеживается на археологических материалах (Тменов, 1985; Кобычев, 1985). Б.А.Калоев считает, что ингуши с точки зрения общности в духовной культуре, в обычаях, обрядах, фольклоре, а также в дохристианских и домусульманских религиозных воззрениях ближе к осетинам, чем с родственными им чеченцами (Калоев, 1989). Условия жизни в горах вырабатывали у народов сходные черты в хозяйстве и в традиционно-бытовой сфере. Предки осетин в I период массовых миграций в горы перенимали в процессе адаптации к новым экологическим условиям элементы горской культуры (Уарзиати, 1985; 1990). Большое сходство было между 1 осетинскими и ингушскими памятниками материальной культуры, сельскохозяйственными орудиями, традиционными занятиями. Известные историки и этнографы, занимавшиеся исследованиями Кавказа (П.И.Грабовский, В.Ф.Миллер, Б.Далгат, Г.Вертепов, Л.П.Семенов), приводят множество фактов осетино-вайнахских параллелей в дохристианских и домусульманских верованиях (божества, культы, празднества), обрядах и обычаях. Наследием древних кавказцев у осетин и вайнахов можно считать поклонение «святым» камням, горам, деревьям, рощам, а также некоторые святилища, встречавшиеся повсюду в Осетии и горной Ингушетии. В качестве языческих святилищ осетины и вайнахи широко использовали средневековые христианские храмы и часовни, построенные в период распространения христианства из Грузии (Калоев, 1989).

Осетино-вайнахские этнокультурные связи подтверждаются и множеством общих фамилий у этих народов. Ингушские фамилии, ведущие свое происхождение из Осетии, до недавнего времени поддерживали родственные связи со своими осетинскими однофамильцами. Они выражались во взаимных визитах, особенно во время свадеб, похорон, рождения сыновей-первенцев и других семейных и общественных торжествах, а также в оказании помощи друг другу (Калоев, 1989). Этнографические материалы свидетельствуют также о наличии как в отдаленном прошлом, так и в современный период до конфликта, довольно прочной традиции среди ингушей браков с осетинками. Примирение на основе родственных и семейных связей — это один из способов урегулирования конфликта на среднем уровне.

Множество культурных взаимозаимствований у этих народов существует в лингвистической сфере (ираноязычная лексика в современных чеченском и ингушском языках) (Абаев, 1949), фольклоре, в народном эпосе. Французский исследователь Ж. Дюмезиль считает, что ядро знаменитых нарттовских сказаний от скифов через алан пришло к их последним потомкам — осетинам. Эту «...устную словесность в той или иной степени восприняли соседние народы» — абхазцы, адыги, чеченцы и ингуши, «исказив в ней как раз то, что было специфически осетинским, скифским» (Дюмезиль, 1990, с. 12). Вайнахи, также как и осетины, считают нарттовский эпос своими исконными преданиями.

До принятия горцами-ингушами мусульманства большое сходство прослеживалось в осетинской и ингушской культурах в семейной и свадебной обрядности, в похоронных и поминальных традициях. Исследователи также отмечают тождественность у этих народов регулятивных социальных институтов. В частности, важнейший регулятор отношений в конфликтных ситуациях — обычай кровной мести — отличался достаточной жестокостью как у осетин, так и у ингушей. Кровная месть падала на широкий круг родственников (до третьей степени родства), продолжалась годами, нередко приводя к истреблению целых семей. Сходным было и примирение кровников, совершавшееся почетными стариками (медиаторами) по определенному ритуалу, с уплатой виновной стороной «цены крови» («платы примирения») и устройством ею так называемого «кровного стола» — угощения для большого числа людей (Калоев, 1989). В ингушко-осетинском конфликте примирение кровников — одна из ключевых проблем, так как на долгие годы — это повод для возобновления кровопролития. Раньше двух противников примиряли целые села. Теперь это необходимо делать на уровне республик и их президентов. Это необыкновенно трудное и хлопотливое дело. Но именно через восстановление отношений между отдельными людьми возможно примирение целых народов.

Разница в историческом происхождении оказалась все же настолько сильна, что между осетинами и ингушами, несмотря на почти два тысячелетия тесного соседства, сохранились важные различия. В настоящее время они

концентрируются в языково-культурной и религиозной сферах. Различия в культурной сфере в определенной степени обусловлены географически: культура вайнахов формировалась в условиях горного Кавказа, а культура осетин зародилась в степях, продолжив свое развитие в горных условиях. Культура алан-осетин после их переселения на юго-восток из степей прошла серьезные испытания на устойчивость — новые климатические условия жизни, новые соседи, общественные потрясения. Несмотря на все это, осетинский язык (у осетин — иранский язык индоевропейской языковой семьи, у ингушей — нахский язык, кавказская группа языков) удалось сохранить до наших дней «...не только как форму, несущую некоторое культурное содержание, но и само это содержание, в котором сохранилось состояние скифской цивилизации на последних ступенях ее развития» (*Дюме-зиль*, 1990, с. 12).

Сходство в географических условиях, в материальной и духовной культуре, в традиционных верованиях, в общественном, семейном и хозяйственном быту определили единую систему психологических универсалий у северокавказских народов, в том числе у ингушей и осетин (см. глава 11). Но по сравнению с осетинской ингушскую культуру можно охарактеризовать как более закрытую, более регламентированную и традиционную. Это определяется тем, что для ингушского народа в большей степени характерны следующие особенности: (1) высокая этническая гомогенность и выраженность эндогамных тенденций; (2) лучшая сохранность традиционно-культурной и религиозной сфер жизнедеятельности; (3) высокая жизнеспособность и сохранность кланово-родовой системы (тейповая структура общества); (4) более «горное» происхождение.

В историческом разрезе ингушская культура представляется как менее динамичная по сравнению с осетинской. Эта характеристика в большой степени определяется географическим и религиозным факторами и выражается на социальном уровне в низкой сензитивности к иным мировоззренческим системам, в частности к социалистической. Благодаря таким особенностям ингушское общество оказалось менее подвержено многолетней политике русификации национальных окраин, от которой значительно пострадала более «открытая» культура Северной Осетии. Осетинское общество по сравнению с ингушским интенсивно, модернизировалось в годы советской власти. Социалистическая модернизация на социально-экономическом и культурном уровнях в первую очередь означала создание всеохватывающей институциональной системы, регулирующей все общественные и межличностные отношения. В результате традиционное рассматривалось в качестве «устарелого», «пережитков», «анахронизмов». Ингуши, напротив, оказавшись менее восприимчивыми к социалистической модернизации, не спешили менять свою систему ценностей. Такое отчуждение, как защитный механизм целой культуры, особенно активизировалось вследствие репрессий, обрушившихся на ингушский народ. «Необходимость выжить заставила разобраться в традициях и обычаях — от каких временно отказаться, какие усилить. ...Эти тринадцать лет, в которые все народы вокруг разваливались, мы — сохранялись. Мы сопротивлялись насильственному уничтожению» — вспоминает А.Базоркина о годах, проведенных в депортации (*Базоркина*, 1993).

Родо-племенной уровень консолидации в ингушском обществе, еще более актуализируясь в ситуации межэтнической напряженности, определяет высокую внутригрупповую солидарность и усиливает коллективистские начала. А.Базоркина пишет о своем народе: «Удивительная это у нас черта: самый анархичный и независимый нрав в повседневности и самый организованный — в необходимости» (*Базоркина*, 1993, с. 119).

В настоящее время на Северном Кавказе постепенно набирает силу и религиозный фактор. С точки зрения исторического развития межэтнических отношений мусульманство для ингушей означает, помимо религиозных функций, связь и единение с другими кавказскими мусульманскими народами и ассоциируется с освободительной борьбой горцев против России. Для осетин христианство — в первую очередь связь и единение с православной Россией.

Итак, можно сделать вывод, что зоны и этнокультурного сродства, и этнокультурных различий между осетинским и ингушским народами достаточно обширны. В зависимости от общей установки на развитие отношений между этими народами возможны успешные поиски как сродства этих культур, так и различий между ними. В условиях роста напряженности между этими народами происходит акцентирование именно различий, которые, закрепляясь в самосознании народов как факты психологической, культурной, религиозной несовместимости, становятся трудно преодолимыми барьерами на пути урегулирования конфликта.

Выше были рассмотрены основные социально-психологические детерминанты сохранения напряженности между осетинами и ингушами. Они определяют формирование этнических образов через универсальные социально-перцептивные механизмы, рассмотренные в главе 7. Такого рода этнические образы лежат в основе

конфронтационных интерпретаций поведения сторонами друг друга — серьезных барьеров на пути к взаимопониманию, препятствующих формированию кооперативной стратегии по урегулированию ингушко-осетинских взаимоотношений. Конфронтационные интерпретации — психологические результаты не только конфликта как события, но и конфликта как «социального» конструирования сторонами ситуации межэтнической напряженности. Без их «переконструирования» с учетом психологических факторов невозможно добиться реального снижения уровня межэтнической напряженности.

В результате исследования определились социально- ; психологические механизмы, на основе которых формируются конфронтационные интерпретации сторонами мотивов и действий друг друга в осетино-ингушском конфликте. Среди них: ; (а) расщепление обобщающего уровня социальной идентичности; (б) повышение избирательности и дифференцированности межэтнического восприятия не только на основе конфликта, но и длительно существовавшего этносоциального неравенства; (в) актуализация негативной части архетипических образов и их усиление в результате негативного подкрепления современным опытом конфликтных взаимоотношений; (г) превращение фактов этнического насилия в основу формирования взаимных ожиданий; (д) акцентуация психокультурных и религиозных различий. Работа по снижению конфронтационности взаимоотношений ; интерпретаций должна быть направлена на восстановление общечеловеческой этничности как основы «кавказского» родства между ингушами и осетинами и разрушение противостояния в групповом сознании не только образов друг друга, но и собирательных образов союзников и врагов. Ее необходимо строить с учетом гипертрофии чувства социальной справедливости, доминирования соперничающей стратегии во взаимодействии, резкого снижения доверия между сторонами, наличия устойчивого чувства страха в сочетании с представлениями о культурной, психологической и религиозной несовместимости.

Глава 16. Чужие среди своих: этнопсихологические проблемы

адаптации вынужденных мигрантов

В 1990-х гг. Северный Кавказ превратился по существу в буферную зону, вобравшую в себя вынужденных мигрантов почти из всех «горячих» точек бывшего СССР (Миграции и новые диаспоры..., 1996, с.24). Одно из первых мест среди северокавказских республик по насыщенности переселенцами со всей России принадлежит Северной Осетии-Алании, где в 1995 г. было сосредоточено свыше 680 вынужденных мигрантов на каждые 10 тыс. жителей (Сравнительные показатели..., 1995, с.43—44). Вынужденные мигранты Северного Кавказа — одно из самых трагических «человеческих» порождений ситуаций конфликтной и кризисной межэтнической напряженности. Они, как правило, третья сторона в конфликтах, но главные жертвы войн и межэтнических столкновений. Каков их психологический портрет? Что несут в себе эти люди, в одночасье переступившие черту, отделяющую благополучную жизнь от неизвестности, нищеты, унижений? Как трансформируется этническая идентичность у перемещенных лиц в условиях психотравматического воздействия ситуаций конфликтной и кризисной межэтнической напряженности? Каковы перспективы их социально-психологической и этнопсихологической адаптации в кардинально изменившейся для них ситуации?

В этой главе представлены результаты социально-психологических исследований вынужденных мигрантов на Северном Кавказе и с Северного Кавказа, проведенных автором и при его участии в 1991 — 1992 и 1994—1995 гг. Среди них две категории перемещенных лиц: переселенцы — вынужденно покинувшие постоянное место жительства на основе принятия решения о миграции, и беженцы — вынужденно покинувшие постоянное место проживания в ситуации угрозы жизни. Психологические исследования вынужденных мигрантов были начаты нами в январе—феврале 1991 г. совместно с психологами Московского университета Е.И.Шлягиной и Л.А.Шайгеровой. Опросы и тестирование беженцев проводились в подмосковных пансионатах. Первые русские беженцы появились в Москве после трагических событий в Баку в январе—феврале 1990 г. Этот опыт стал для нас отправной точкой для развития психологических исследований вынужденных мигрантов (Солдатова, Шайгерова, Шлягина, 1995). Дальнейшая последовательность исследований не являлась воплощением заранее продуманного плана, а определялась политическими событиями и развитием межэтнических отношений на Северном Кавказе.

В октябре—ноябре 1991 г. совместно с сотрудниками Института языка, литературы и истории г. Орджоникидзе (Северная Осетия) было опрошено 350 вынужденных мигрантов из Грузии, соответствующих по образовательному и возрастному уровням, а также по профессиональному статусу генеральной совокупности всех прибывших. Опрос проводился в основном в местах размещения мигрантов: в санаториях,

общежитиях и турбазах. Социологический опросник включал 50 вопросов. В качестве психологического инструментария был использован Диагностический тест отношения (ДТО).

В августе 1994 г. в Северной Осетии (г. Владикавказ) было проведено психологическое исследование вынужденных русских переселенцев из Грозного (38 человек). Опрос проводился как раз во время строительства для них на северо-осетинской территории поселка на месте так называемого Попова хутора, входящего в число спорных земель между Северной Осетией и Ингушетией. Русским предлагалось поселиться на «спорной» территории и фактически выполнять роль буфера между конфликтующими сторонами. Опрос вынужденных переселенцев из Грозного проводился по месту их жительства или работы частично в общежитиях Владикавказа, частично в полудостроенных домах их будущего поселка за чертой города.

В марте—апреле 1995 г. было осуществлено исследование русских беженцев из Грозного (36 человек), покинувших республику в разгар военных действий в январе 1995 г. Беженцы из Грозного опрашивались в Москве, где временно проживали у своих родственников и знакомых.

Исследования беженцев и вынужденных переселенцев из Грозного проводились по одной программе. В нее, помимо небольшого опросника, вошли 5 психологических методик: Тест фрустрации Розенцвейга, ДТО, опросник агрессивности Басса—Дарки, методическая разработка «Типы этнической идентичности», модифицированный тест Куна.

Попытаемся ответить на поставленные выше вопросы, сравнивая эмпирические материалы, полученные по группам вынужденных мигрантов, с данными по контрольной группе и с результатами исследования титульного и русского населения в различных республиках России. Контрольную группу составили 30 москвичей обоего пола русской национальности. Они были опрошены по той же эмпирической программе, что и вынужденные переселенцы и беженцы из Грозного.

Социально-психологические проблемы невозможно понять без социального контекста. Представим краткую хронологию событий и общую характеристику наших респондентов, полученную на основе материалов опроса, проводимого перед психологическим тестированием.

Ситуации и респонденты

А. Беженцы и вынужденные переселенцы из Грузии. В конце 1990 г. после объявления о создании независимой демократической республики Южная Осетия и ее выходе из Грузии конфликт между Южной Осетией и Грузией приобретает открытую военную форму. В период пика конфликта в феврале—марте 1991 г. поток мигрантов в Северную Осетию достигает почти 100 тыс. человек. Последовавший в октябре 1992 г. вооруженный осетино-ингушский конфликт в немалой степени был обусловлен этим фактором. Известно, что беженцы из Южной Осетии приняли непосредственное участие в конфликте, так как большинство из них были расселены в спорном Пригородном районе Северной Осетии. По отношению ко всему населению республики это почти 16%. В соответствии с принятыми в мировой практике нормативами такое соотношение определяет максимальный уровень социальной напряженности. В сентябре 1997 г. в Северной Осетии-Алании все еще оставалось 28 тыс. беженцев из Грузии (данные миграционной службы Северной Осетии-Алании), что составило почти 90% от всех вынужденных мигрантов в республике.

Конфликт в Южной Осетии определил исход осетин не только с ее территории, но и со всей Грузии. Из всех прибывших в Северную Осетию осетин 70% были жителями самых различных

районов Грузии. Их скорее можно отнести к категории вынужденных переселенцев. Большинство из них не испытало непосредственной смертельной угрозы, не были разрушены их дома или захвачены квартиры. Из выезда из Грузии был обусловлен неудовлетворенностью общественно-политической обстановкой, анти-осетинскими публикациями в местной печати, страхом физической расправы. Из опрошенных нами респондентов, прибывших из Грузии, лишь 14% были из Южной Осетии, все остальные — из внутренних областей Грузии. Причем четвертая часть всех опрошенных приехала непосредственно из Тбилиси. В связи с этим мы рассматриваем группу респондентов из Грузии как смешанную, включающую и беженцев, и вынужденных переселенцев.

В качестве главной причины отъезда этих людей с мест постоянного жительства называлось «Преследование за национальную принадлежность» (85% от всего числа опрошенных). Принятию трудного решения покинуть родной дом может быть на длительный срок, а может быть и навсегда способствовало то, что более половины опрошенных жили под «Угрозой увольнения с работы», непосредственно сталкивались с конкретными

угрозами физической расправы, переживали случаи физического насилия по отношению к ближайшим родственникам. Кровь, пролитая в грузино-осетинском конфликте, определила основную направленность агрессии внутри Грузии в начале 1990-х гг. в сторону осетин и ускорила отъезд тех, кто лишь подумывал об этом.

Помимо морального и психологического ущерба, вынужденные мигранты, и особенно беженцы, принесли с собой тяжелый груз материальных потерь. Только четвертая часть опрошенных были уверены, что с их домами и имуществом все в порядке. Большинство респондентов либо вообще не имели никакой информации (30%), либо она оказалась крайне неутешительна: их дома с разрешения или без разрешения властей заняты чужими людьми (32%) или же разрушены и сожжены (13%). На прежнем месте жительства практически все респонденты имели либо собственные дома (64%), либо государственные квартиры (32%).

Проблема прописки, как общегосударственный механизм контроля и ограничения перемены места жительства на территории страны, напрямую ударила по вынужденным мигрантам. Отсутствие прописки всегда было причиной отказа в работе и получении жилья. Отсутствие работы определяло невозможность получения прописки. В этот заколдованный круг попадают вынужденные переселенцы и беженцы во всех регионах России. Возможность покупки на новом месте домов и квартир не может исправить положение, так как старое жилье если и удастся продать, то за бесценок. Наиболее острыми социальными вопросами для осетинских мигрантов из Грузии были — «Отсутствие жилья», «Отсутствие работы» и «Отсутствие прописки». Спустя четыре года после нашего опроса эти проблемы в определенной степени удалось разрешить. Около 70% трудоспособного населения из числа беженцев-осетин нашли работу, остальные заняты торгово-челночными операциями (Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень. 1997. № 4. С. 15).

В период опроса более 90% наших респондентов имели временное жилье в общежитиях, пансионатах, гостиницах, на турбазах, у родственников, друзей и т.д. Из числа последних половина считали свое жилищное положение нетерпимым и занимались поисками другого жилья. Не намного лучше складывалась ситуация с работой. По нашим данным, число неработающих составило практически половину из всех опрошенных нами перемещенных лиц. Причем, их подавляющая часть (77%) — люди активного возраста от 20 до 59 лет. Кроме этого, во время опроса почти у 40% респондентов никто из трудоспособных членов семьи не работал. В результате 44% опрошенных рассчитывали главным образом на государственные пособия, на помощь благотворительных фондов, родственников, знакомых, 16% использовали еще сохранившиеся накопления, продавали имущество.

Б. Вынужденные переселенцы и беженцы из Чечни. В связи с продолжающимся обострением ситуации из Чечни уже в массовом порядке начинает выезжать русскоязычное население. Только за 1994 г. Чечню покинуло 18% жителей. Среди них подавляющая часть — русские. А общее число беженцев и вынужденных переселенцев из Чечни к концу 1996 г. приблизилось к 400 тыс. человек. Это составило около трети всего населения республики (Миграции и новые диаспоры., 1996).

С декабря 1994 по апрель 1995 гг. Федеральной миграционной службой России было зафиксировано свыше 320 тыс. беженцев из Чечни, которые временно проживали на территории смежных регионов. Беженцы и переселенцы неславянских национальностей чаще оседали в соседних Дагестане и Ингушетии. Особенно переполненной оказалась маленькая Ингушетия. К 1996 г. здесь на 1000 жителей было 276 вынужденных мигрантов (Сравнительные показатели., 1995).

Такое соотношение уже давно перекрыло любые предельные с точки зрения сохранения некоторой социальной стабильности цифры. Русские мигранты из Чечни стремились дальше: в Ростовскую область, Ставропольский и Краснодарские края. Они пополнили также пестрый состав вынужденных мигрантов Северной Осетии-Алании.

Почти все приехавшие в Северную Осетию из Грозного вынужденные переселенцы оценивали положение русских в Чечне как крайне неблагоприятное. Среди главных причин принятия решения о миграции назывались следующие: «Не вижу будущего для своих детей», «Материальные трудности», «Русских вытесняют из различных сфер жизни», а также опасения за свою жизнь и жизнь детей. Задолго до начала в Чечне боевых действий причины, связанные с угрозой безопасности, оказались существенными аргументами миграции русских из этой республики.

Русские, бежавшие из Грозного в январе 1995 г., за редким исключением, не собирались мигрировать. Об этом свидетельствуют и более высокая по сравнению с вынужденными переселенцами оценка ими уровня безопасности проживания в Чечне. Они бежали главным образом от войны и связанных с ней ужаса и страха за свою жизнь.

Из беженцев, оказавшихся в Москве, две трети приехали к проживающим здесь родственникам. Как показал опрос, именно на их поддержку, да на собственные силы рассчитывала подавляющая часть беженцев. И все же в самом начале своего крестного пути почти треть опрошенных надеялась на помощь федеральных властей, по приказу которых ракетные удары по Грозному в январе 1995 г. вдребезги разбили их и так незадавшуюся жизнь. Но что Москва не ждет их с распростертыми объятиями, осознавали все беженцы. Практически никто из них не ждал и не надеялся на сочувствие и поддержку со стороны москвичей.

С другими мыслями и настроением переезжали в Северную Осетию вынужденные переселенцы из Грозного. Небольшая их часть также мигрировала с надеждой на помощь родственников, но число назвавших в качестве причины переезда такую исключительно важную причину для мигрантов как обещание жилья не намного превосходит число респондентов, для которых наиболее значимыми оказались психологические аспекты. - Одной из главных причин сознательного выбора Северной Осетии в качестве места проживания, явились представления о позитивном отношении местного населения. Большинство переселенцев отметило, что «К русским здесь относятся лучше, чем в других республиках Северного Кавказа» и что «Между казаками и осетинами всегда были хорошие отношения». Поэтому новое место жительства психологически устраивало значительную часть русских переселенцев из Грозного, которые оценивали степень безопасности русских в Северной Осетии на «4» и «5» баллов (при наивысшей оценке в «5» баллов). Что касается возвращения обратно в Чечню, то половина всех беженцев и вынужденных переселенцев не представляла себе этого ни при каких условиях. Вторая половина беженцев не исключала возможности вернуться в Грозный при условиях безопасности, возмещения ущерба, «Восстановления прежней жизни». Более негативно к перспективе возвращения отнеслись вынужденные переселенцы, сознательно покинувшие республику. Некоторые из них условием возвращения называли даже «Высылку чеченцев».

Этнопсихологические особенности вынужденных мигрантов

А. Этничность в структуре социальной идентичности вынужденных мигрантов. Сравнительный анализ утверждений по известному тесту Куна «Кто Я?» (*Bums*, 1979), полученных при опросе у русских вынужденных переселенцев и беженцев и жителей (осетин и русских) Северной Осетии-Алании, выявил определенные различия в видении ими себя в системе жизненных отношений личности. Как и в стандартных случаях, у вынужденных мигрантов объективные характеристики (социальный статус, семейные роли, половозрастные характеристики) доминируют над субъективными (личностные признаки, самооценки, результаты особых жизненных обстоятельств). Но между вынужденными переселенцами и беженцами есть разница (см. табл. 18).

У беженцев, во-первых, число объективных характеристик значимо ниже и, во-вторых, среди них доминируют специфические групповые категории. Среди беженцев никто не назвал себя ни гражданином России, ни гражданином республики (Чечни), никто не вспомнил о своей половой или религиозной идентификации, но почти половина опрошенных отнесла себя к категориям из разряда специфичных: бомж, безработный, нищий, беженец и др. Для сравнения: среди постоянных жителей республик России таких самоидентификаций менее 1% от общего количества характеристик. Причем, для беженцев само понятие «беженец» еще

не обрело свой смысл и является менее значимой статусной категорией по сравнению с «бомжом», «бездомным», «нищим».

Опорные в системе жизненных отношений категории частной жизни (базовые) и этнополитические категории составляют всего около 13% в структуре идентичности беженцев. Для сравнения — у осетин и русских Северной Осетии-Алании соответственно около 80% и свыше 90% от всего числа самоидентификаций (см. табл. 18). Основные статусные социально-присоединяющие характеристики, такие как гражданство и национальность становятся для русских беженцев не актуальными категориями. Эта кардинальная трансформация структуры идентичности — беженцы осознают себя выброшенными за пределы главных жизненных отношений в обществе. Глубинной основой этого процесса является деформация мотивационно-потребностной сферы самосознания, в том числе потребности в идентичности, социальной присоединенности.

Для вынужденных переселенцев потребность в социальной присоединенности, как возможность принадлежать к группам, которые способны защитить, сохраняет свою значимость. Помимо этнической принадлежности, для них актуальна гражданская принадлежность («Гражданин России») и принадлежность к казачеству. Уровень этнополитической мобилизации группового сознания у переселенцев ниже, чем у осетин, которые находятся в ситуации конфликтной межэтнической напряженности, и выше, чем, например, у татар, якут и тувинцев, находящихся в ситуации фрустрационной напряженности. Но главная надежда вынужденного переселенца на свою семью. Это основная группа поддержки в трудной ситуации. В девять раз чаще, чем беженцы, вынужденные переселенцы определяют себя с позиции семейной, супружеской ролевой и статусной идентификации. Таким образом, у вынужденных переселенцев сохраняется основная структура идентичности, где остаются значимыми общечеловеческая, семейная, профессиональная, половая принадлежности. Тем не менее, иерархия идентичностей приобретает свою региональную специфику." на третьем месте по значимости у русского переселенца на Северном Кавказе — принадлежность к казачеству, как к группе, способной защитить здесь русских.

Идентичность беженцев не структурирована, расплывчата и в значительной степени определяется на основе субъективных характеристик и самооценок, отражающих трагический характер их мироощущения. Если у вынужденных переселенцев только десятую часть всех самоидентификаций составляют субъективные характеристики, то у беженцев их почти половина (44%). Это результаты очень высокого уровня посттравматического стресса. Среди самооценок доминируют депрессивно-пессимистические: «Человек без будущего» (5%), «Никому не нужный» (5%), «Оскорбленный», «Униженный», «Растоптанная личность» (6,4%), «Разбитый», «Морально убитый», «Подавленный», «Растерянный», (5,7%), «Беззащитный», «Бесправный», «Зависимый» (5%), «Ограбленный», «Человек без родины», «Лишний» (2,8%). Эти определения отражают астенические переживания собственной малоценностиTM, стыда, незащищенности, подавленности и униженности. Причем агрессивный оттенок — «Мстительный, воинственный, злой» имеет лишь небольшая часть определений (2,1%). Выделяется отдельный самоуничижительный комплекс: «Бич, никто, не-человек, дерьмо, с клеймом "Чечня", скот, тень, никчемный человек, убогий, отброс общества» (11,3%). Лишь один из респондентов употребил характеристику в оптимистическом ключе, назвав себя человеком, находящимся в состоянии «Ожидания хорошего».

У беженцев идентичность, как социально-психологический регулирующий механизм, не выполняет свои основные функции: интегрирующую на групповом уровне и адаптивную — на личностном. Разрушение системы жизненных отношений определяет дезориентацию в социальном пространстве: разрушение потребности в социальной присоединенности дополняется неготовностью к разрешению ситуации собственными силами. В то же время у вынужденных переселенцев этническая идентификация, так же как и другие этнополитические категории, остается одним из важных адаптивных и интегрирующих механизмов.

Б. Трансформации этнического самосознания. По сравнению с переселенцами и с контрольной группой для беженцев более характерны трансформации этнического самосознания по типу гиперидентичности при одновременном усилении этнонигилистических тенденций (см. рис. 22). Более негативное отношение русских беженцев из Грозного к собственной этнической группе объясняется ролью России в резком изменении их жизненной ситуации. У беженцев также несколько выше уровень этнической индифферентности. И это отражение не только состояния общей апатии и пассивности как последствий посттравматического стресса. Уже упоминалось, что среди беженцев практически не оказалось лиц, которые собирались мигрировать из Чечни по причине межэтнических проблем. Следовательно, в той или иной степени они приспособились к не простым этническим отношениям в Грозном. Можно предположить, что они в целом более индифферентны к межэтническим проблемам. А вот часть вынужденных переселенцев, наоборот, оказалась очень чувствительна к такого рода вопросам. По сравнению с контрольной группой и беженцами, у переселенцев в целом несколько снижен показатель этнической индифферентности (см. рис. 22). Во время интервью они также активно демонстрировали безразличие к межэтническим проблемам.

Оптимистический взгляд на жизнь в сложившейся ситуации: «Все не так плохо и можно жить» свойственен приблизительно пятой части вынужденных переселенцев. Среди опрошенных нами беженцев оптимистов мы не встретили. В то же время среди них три четверти «нетерпимых» («Терпеть бедственное положение далее невозможно»). Среди вынужденных переселенцев таких тоже немало — ровно половина. Терпеливо-оптимистичную оценку жизненной ситуации («Жить трудно, но можно терпеть») дают приблизительно равное число респондентов в обеих группах. Эти данные резко отличаются не только от результатов по такой относительно благополучной республике как Татарстан, но и от результатов по Северной Осетии-Алании —

республике с затяжной ситуацией межэтнической напряженности. Они подтверждают большую разницу в психологических возможностях адаптации в критических социальных ситуациях между нормальными жителями и перемещенными лицами. Терпения, которое является одним из важных механизмов реалистического решения фрустрационной, конфликтной или кризисной ситуации {Василюк, 1995) и основной социальной толерантности, у перемещенных лиц явно недостаточно. У беженцев этот механизм практически отсутствует, а среди вынужденных переселенцев каждый второй видит себя на пределе своих возможностей.

В. Автостереотипы и гетеростереотипы. Ситуация, определившая столь быстрое превращение благополучных жителей Грузии и Чечни в униженных и обездоленных людей, трансформировала также и систему их взаимоотношений с окружающим миром, включая и самоотношение. Эти изменения исследовались через эмоционально-оценочные компоненты этнических образов (автостереотипов и гетеростереотипов). Образ своей группы, образы людей, от которых мигранты были вынуждены уехать, и среди которых они надеялись найти себе приют, взаимодействуют в сознании беженцев и вынужденных переселенцев и оказывают влияние на процессы их адаптации.

Исследования эмоционально-оценочных компонентов этнических образов проводились на основе ДТО (см. главу 9). Диагностические коэффициенты отношения, отражающие направленность и выраженность стереотипов, представлены в табл. 19.

По сравнению с контрольной группой у перемещенных лиц завышен уровень личностной самооценки. Это элемент компенсирующей психологической системы, как результата функционального уравнивания чувства неполноценности, ослабленного чувства собственной значимости. Еще одним элементом компенсирующей системы является завышенная, по сравнению с контрольной группой, позитивность автостереотипов у вынужденных мигрантов из Грузии и Грозного. Стремление к позитивной этнической идентичности выражается также в том, что по уровню положительной эмоциональной направленности автостереотипы значимо выше гетеростереотипов (при $p < 0,05$). Но тем не менее образ северных осетин — группы, в культурной среде которой оказались переселенцы, достаточно позитивен, что свидетельствует о благоприятно складывающихся отношениях.

Таблица 19 Средние показатели диагностического коэффициента отношения у беженцев и вынужденных переселенцев

Группы населения	Личностная самооценка	Автостереотип	Гетеростереотипы
			Основная национальн
			на новом месте жи-
Вынужденные мигранты из Грузии (осетины)	0,34	0,31	0,21
Вынужденные переселенцы из Грозного (русские)	0,28	0,30	0,24
Беженцы из Грозного (русские)	0,35	0,17	-0,02
Контрольная группа (русские)	0,21	0,26	—

* Отношение русских москвичей к чеченцам.

Качества, составляющие стимульный материал ДТО, анализировались также как поведенческие эквиваленты межгруппового взаимодействия. Характеристики, получившие наибольшие веса в автостереотипах — образах

собственной этнической группы «для других», рассматривались как эквиваленты социально одобряемого членами группы внешнего поведения. Качества, доминирующие в гетеростереотипах — образах «других для себя», — как характеристики внешней коммуникативной деятельности оцениваемой группы.

Среди наиболее одобряемых вынужденными переселенцами коммуникативных характеристик оказались «Общительный», «Покладистый», «Находчивый», «Дипломатичный». Это говорит о существовании у переселенцев установки на взаимодействие и их ожидании открытости, деликатности и готовности к контактам со стороны местного населения. В свою очередь, русские переселенцы готовы быть уступчивыми и компромиссными.

Осетины, приехавшие в Северную Осетию-Аланию из Грузии, в меньшей степени ощущают себя здесь гостями. Они как бы вернулись в свой дом, где временно отсутствовали. Их представления о северных осетинах существенно отличаются от их представлений о себе. Но в этих когнитивных структурах с высокой внутригрупповой согласованностью совпадают важные для межгруппового взаимодействия характеристики: «Дипломатичный», «Активный» и «Темпераментный». Это, с одной стороны, предполагает взаимную деликатность и вежливость, но с другой — столкновение «наступательных» стилей коммуникативного поведения.

У осетин из Грузии и русских из Грозного зафиксированы негативные стереотипы по отношению к основным этническим группам на прежнем месте жительства. Русские из Грозного более негативно настроены по отношению к чеченцам, чем осетины по отношению к грузинам. И в том, и в другом случае на уровне самосознания полностью позитивный автостереотип взаимодействует с негативным гетеростереотипом. Образы грузин и чеченцев в глазах вынужденных мигрантов имеют общие негативные характеристики. Осетины и русские видят грузин и чеченцев как «Агрессивных», «Вспыльчивых», «Упрямых», «Высокомерных» и «Лицемерных». Если рассматривать эту совокупность характеристик как модель поведения, которую, по мнению вынужденных мигрантов, грузины и чеченцы демонстрируют по отношению к их этнической группе, то становится очевидной еще одна причина, из-за которой подавляющая часть мигрантов не собирается возвращаться обратно — осознание психологической несовместимости и оценка данных групп как враждебных. Тем не менее, вынужденные мигранты из Грузии продолжали контактировать с грузинами Северной Осетии-Алании, где их число достигает 12 тыс. человек: 12% наших респондентов отметили, что общаются с грузинами, а 9% — что состоят с грузинами в межнациональном браке. Несмотря на осетино-грузинский конфликт, в Северной Осетии не возникло никаких проблем между осетинами и грузинами. И негативизм беженцев по отношению к представителям грузинской национальности не повлиял на осетино-грузинские отношения в республике. У русских беженцев из Грозного образ собственной этнической группы более негативен по сравнению с автостереотипами других групп в нашем исследовании (см. табл. 19). В среднем он в два раза менее позитивен, чем их самооценка, что подтверждает резкое снижение у беженцев стремления к позитивной этнической идентичности. Это также результат генерализации высокого уровня негативизма в качестве оппозиционной формы восприятия в межэтнических отношениях и его распространения даже на собственную этническую группу. Тем не менее у беженцев из Грозного образ чеченца более позитивен и более амбивалентен, чем у вынужденных переселенцев из Чечни. В образе чеченца негативные характеристики: «Агрессивный», «Вспыльчивый», «Упрямый», «Хитрый», «Высокомерный» переплетаются с позитивными — «Гордый», «Настойчивый», «Активный». Это подтверждает наше мнение, что беженцы в подавляющем большинстве не собирались покинуть республику также и по причине того, что меньше испытывали проблем, связанных с межкультурной совместимостью. В 1996 г. их вынудила это сделать война.

Образ «русских-москвичей» в глазах беженцев по уровню негативизма не ниже, чем образ чеченца. Представления беженцев о «московских» русских как «Вспыльчивых», «Упрямых», «Высокомерных», «Осторожных», «Жадных» отражают неадекватно завышенные требования к окружающим, неоправдавшиеся ожидания и разочаровавший беженцев опыт общения с русскими в Москве. Более того, русские беженцы практически не идентифицируют себя с русскими москвичами.

У вынужденных переселенцев высокая позитивность автостереотипа отражает направленность и пребывание большей части этой группы в поисках позитивной этнической идентичности. Однако, в целом, гиперидентичность повышена по сравнению с контрольной группой. Но этнический негативизм у вынужденных переселенцев отличается избирательностью, и толерантность снижена только по отношению к конфронтационной группе.

Г. Особенности реакции на фрустрацию. В регионах с высокой межэтнической напряженностью увеличивается число людей, для которых характерны такие психические пограничные состояния как массовая невротизация и фрустрации. В списке групп риска первыми стоят вынужденные мигранты. Состояния повышенного эмоционального возбуждения продуцируют различные негативные переживания, которые существенно затрудняют у этих людей адаптацию к новым ситуациям. С помощью теста рисуночной фрустрации Розенцвейга (*Тарабрина*, 1994) и теста агрессивности Басса—Дарки исследовались поведенческие реакции вынужденных переселенцев и беженцев как способов разрешения проблемных ситуаций.

К достоинствам методики теста рисуночной фрустрации Розен-цвейга относится высокая ретестовая надежность и возможность приспособления для исследования различных социальных и этнических групп. Тест направлен на изучение индивидуальных устойчивых особенностей реакции на фрустрацию. Индивидуальными переменными, выраженными в показателях теста, являются доминирующие направления реакции (порицание фрустрирующего фактора или себя, стремление нивелировать конфликтность ситуации, агрессия), пропорция типов этих реакций (подчеркивание фрустрирующего фактора, самозащита, потребность разрешения ситуации), а также степень социальной адаптации (соответствие нормам группы, популяции). Последний показатель характеризует не только особенности поведения, но также косвенным образом и степень личностной толерантности к фрустрации. В российской этнопсихологии накоплен большой опыт использования данного теста в области исследования межэтнических отношений (*Шлягина, Ениколопов*, 1993). У вынужденных переселенцев выражены внешнеобвинительные реакции — подчеркивается степень фрустрации и осуждается ее причина (см. табл. 20). Она видится в основном в невозможности совместного проживания с чеченцами, в осуждении ситуации, вынудившей их к переселению. Вина и ответственность за это перекладывается, главным образом, на чеченцев. В результате выражена враждебность к тем, кто заставил их мигрировать. Повышенный уровень эгозащитных реакций показывает, что ситуация рассматривается как угроза собственному «Я». Поэтому эгоза-щитные реакции носят характер обвинения других людей, что снижает стремление к рассмотрению возникающих конфликтных ситуаций примиряющим образом. Чувство собственной ответственности за происходящее снижено. Ситуация фрустрации рассматривается как неизбежная. Но результаты теста показывают, что вынужденные переселенцы были подготовлены к ней и надеются преодолеть ее со временем. Снижение количества препятственно-доминантных и высокий уровень необходимо-упорствующих реакций отражает у вынужденных переселенцев потребность в самостоятельном преодолении фрустрирующих компонентов ситуации.

Несколько иная картина у беженцев. У них доминирует безобвинительная направленность реакций — они не осуждают ни себя, ни других. Беженцы, также как и вынужденные переселенцы, оказались психологически готовы к фрустрации, они рассматривают ситуацию как неизбежную. Но у беженцев еще в большей степени, чем у мигрантов, повышен уровень эгозащитных реакций. Они не фиксированы на препятствии или на удовлетворении потребностей. Они сосредоточены на защите собственного «Я». Причем, это проявляется не в форме внешних обвинений, а в глухом уходе в себя, высокой уязвимости личности, склонности воспринимать трудности и препятствия как непосредственную угрозу, а не как стимул к поиску выходов.

Поэтому на первых этапах выхода из шока разрешение проблемной ситуации у беженцев будет происходить через построение системы «пассивной» психологической самозащиты, а не на основе попыток разрешения ситуации с помощью своих сил или посредством других людей. Для перехода к поискам реалистического разрешения ситуации им крайне необходима внешняя психологическая поддержка, психотерапевтическая коррекция. У вынужденных переселенцев уровень социальной адаптации, хотя и не достигает уровня нормативов, свидетельствует о более адекватном реагировании на фрустрацию, о стремлении к разрешению кризисной ситуации посредством конструктивных усилий и через поиск реалистических решений.

Реакцией на фрустрацию является актуализация различного рода защитных механизмов, одним из которых может быть увеличение агрессивности. Представленные выше данные, показывающие снижение общей толерантности, и этнической в частности, предполагают существование психологической основы для роста агрессивности у вынужденных мигрантов. С помощью теста Бас-са—Дарки исследовались показатели агрессивности, как комплекса специфических реакций (раздражения, негативизма, обиды, чувства вины, подозрительности, физической, косвенной, вербальной агрессии) в ситуациях межэтнической напряженности.

Уровень агрессивности, помимо личностной предрасположенности, определяется социальными условиями и обстоятельствами. Две группы наших респондентов из Грозного покинули город по разным причинам и при различных обстоятельствах. Вынужденные переселенцы прошли через ситуацию выбора и осознали

необходимость принятия решения о миграции. Это был длительный и мучительный процесс, но в результате они оказались материально и психологически подготовленными к резким переменам в жизни. Защитную психологическую функцию у вынужденных переселенцев стала, в частности, выполнять агрессия, направленная не на фрустрирующий фактор, а на обстоятельства, которые необходимо любой ценой подчинить своей цели — выжить, устроиться, сохранить семью. Общий уровень агрессивности у вынужденных переселенцев повышен по сравнению с беженцами и тем более по сравнению с контрольной группой (см. индекс агрессивности в табл. 21). Наличие избыточной агрессивной энергии определяет адаптацию вынужденных переселенцев по активному типу. Это не пассивные лишенцы, они не производят впечатления несчастных людей. Их агрессивная энергия имеет прежде всего созидательно-действенный характер. Они готовы реализовывать свои планы, готовы работать и строить свою жизнь заново. Но повышенный уровень негативизма в сочетании с агрессивностью определяет рост их общей интолерантности. Постороннее вмешательство в их дела чаще будет вызывать со стороны вынужденных переселенцев противодействие и нежелание взаимодействовать.

Опрос беженцев проводился спустя три месяца после того как они, спасая свои жизни, покинули Грозный. Это слишком маленький срок, чтобы выйти из состояния психологического шока, тем более, что беженцы оказались отнюдь не в санаториях и реабилитационных центрах. У многих из них квартиры разрушены, а имущество утеряно. Они подавлены, апатичны. С их стороны возможны агрессивные реакции, но, главным образом, с целью личной самозащиты. Выстраиваемая ими система психологической защиты основана на настороженности (повышенный уровень подозрительности) и высоком уровне обиды. Это препятствует развитию позитивного взаимодействия с окружающими и существенно затрудняет их адаптацию. Беженцы ориентированы на помощь и готовы довериться словам сочувствия, но даже при небольших неудачах они вновь надолго замыкаются в кругу личных переживаний. Как устойчивое личностное свойство, у них развивается мнительность — склонность к тревожным опасениям по различным поводам, значение которых часто переоценивается.

Показатели по тесту Басса—Дарки подтверждаются данными опроса. Так, пятая часть опрошенных нами вынужденных мигрантов из Грузии считали, что местное население относится к ним либо безразлично, либо настороженно, либо с подозрением. Треть респондентов, не столкнувшись ни разу с внешними проявлениями, утверждали, что постоянно чувствуют негативное внутреннее отношение. Они склонны замечать вещи не очевидные, а часто кажущиеся, и интерпретировать их соответствующим образом: «холодность и натянутость отношений», «скрытые насмешки», «высказывания за спиной», «презрительные жесты, взгляды».

Негативный жизненный опыт и как результат повышенный уровень агрессивности у вынужденных мигрантов отразился на оценке ими социальных ситуаций. Например, насилие как форму социального контроля в этнических конфликтах поддержала значительная часть вынужденных мигрантов (треть беженцев и свыше 40% переселенцев). В то время как среди всех городских жителей Татарстана, Тувы, Северной Осетии-Алании и Саха (Якутии) лишь 13% одобрили насилие как способ разрешения конфликтной ситуации.

Д. Поведенческие стратегии в межэтническом взаимодействии.

Данные нашего исследования выявили серьезные психологические последствия психотравмирующих ситуаций и существенные трансформации этнической идентичности у вынужденных мигрантов. Рассмотрим результаты этих последствий на поведенческом уровне, а именно возможные стили поведения вынужденных мигрантов в этноконтактных ситуациях в новой этносоциальной среде.

По сравнению с данными по Северной Осетии-Алании и Татарстану, у вынужденных мигрантов снижено число «посредников». Причем среди беженцев «посредников» в два раза меньше, чем среди русского населения Татарстана и Северной Осетии-Алании (см. рис. 24). Это подтверждает наши выводы о том, что у беженцев ощутимо нарушены механизмы, отвечающие за адаптацию в инокультурной среде. В группе вынужденных переселенцев оказалось завышенным число «националов». Например, их в два раза больше, чем среди русских Осетии и Татарстана. Это означает, что у вынужденных переселенцев защитные механизмы нередко активизируются на основе акцентуации этнических различий, позиции этнической исключительности.

Как мы уже отмечали, особое различие между постоянными жителями республик и вынужденными переселенцами состоит в том, что среди последних становится заметной группа невротиков-этнофобов. Лицам, попадающим в эту группу, свойственна дезадаптация невротического типа. Это психологический результат

кризисной жизненной ситуации — нарушения особо значимых отношений у мигрантов. У них нарушается адекватность поведения в этноконтактных ситуациях, они менее предсказуемы. Вероятно, что лица, попадающие в эту категорию, имеют также индивидуальную предрасположенность — невротические особенности личности и недостаточность психологической защиты. Результаты, полученные по группе невротиков-этнофобов на основе теста Розенцвейга, показывают существенную сниженность их фрустрационной устойчивости. В условиях длительной психотравмирующей ситуации и высокого уровня межэтнической напряженности часть этих лиц, в первую очередь этнофобы, могут пополнить ряды националов. К астеническим и депрессивным симптомам и общей социальной дезадаптации у этнофобов добавляется враждебность и трудности во взаимоотношениях с широким кругом лиц, в том числе и с представителями собственной этнической группы.

Психологические последствия посттравматического стресса (степень психического ущерба от событий, связанных с прошлым) и кризиса идентичности у вынужденных мигрантов приводят к снижению среди них доли лиц-«посредников», составляющих наиболее адаптивную группу в условиях новой этносоциальной среды. Одновременно повышается число «националов» с конфронтационной ориентацией в этноконтактных ситуациях и лиц с невротической дезадаптацией, которые чувствуют себя «чужими» не только по отношению к другим этническим группам, но и среди «своих». Эти процессы наиболее характерны для беженцев. Их основой является разрушение потребности в социальной присоединенностиTM, как результата кардинальной перестройки системы жизненных отношений. В том числе существенно деформируется потребность в этнической идентичности, что оказывается особенно значимым фактором в условиях адаптации к инокультурной среде. На фоне усиления роли этничности в структуре социальной идентичности, характерного в 1990-х гг. для значительной части населения России, нарушение механизмов этнической идентификации у беженцев резко снижает возможности их интеграции в другую культуру.

Тем не менее, вынужденные перемещения больших групп людей стихийно происходят по этническому признаку. Так, русские из конфликтных зон бегут в русские центры России, южные осетины предпочитают Северную Осетию-Аланию. Однако материальная зависимость и обездоленность, огромный психический ущерб от пережитого, трансформации этнической идентичности и, несмотря на этническое родство, другая культурная среда заставляют вынужденных мигрантов чувствовать себя «чужаками» вне зависимости от их нового места жительства. Помимо материальной помощи, вынужденные мигранты в России нуждаются в эффективной «этнотерапии» не только на уровне реабилитационных центров и психологической помощи, но и на уровне социальных отношений. В первую очередь им необходимы внимание и открытость общества, в котором они должны быть признаны «своими».

УДК 151.8: 316.6 ББК 88.5 С60

Институт этнологии и антропологии РАН

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор Л.М.Дробижева, доктор психологических наук, профессор П.Н.Шихирев, кандидат психологических наук Е.И.Шлягина.

С60 Солдатова Г.У. Психология межэтнической

напряженности. М.: Смысл, 1998, 389 с. ISBN 5-89357-029-4

Фундаментальная монография, посвященная психологическим аспектам межэтнических отношений. На материале как углубленного теоретического анализа, так и масштабных эмпирических исследований автор анализирует факторы и закономерности динамики межэтнической напряженности, рассматривает способы ее снижения. Особое внимание уделено межэтническим отношениям в северокавказском регионе.

Психологам, социологам, этнологам, политологам, специалистам в области межнациональных отношений.

УДК 151.8: 316.6 ББК 88.5

Подготовка и издание книги осуществлено при финансовой поддержке Фонда Дж. и К. МакАртуров

ISBN 5-89357-029-4 ® Г-У-Солдатова, 1998

© Оформление, издательство "Смысл", 1998